

ЗАПИСИ ПО ПСИХОЛОГИИ

Психология I, II, III, IV

СИЛО

Введение

«Записи по психологии» латиноамериканского мыслителя Сило (Марио Луис Родригес, 1938-2010), являются собранием записей, сделанных слушателями лекций, проведённых им в 1975 г. на греческом о. Корфу; в 1976 и 1978 гг. в Лас Пальмас де Гран Канария, Испании, и в 2006 г. в парке Ля-Реха, Буэнос-Айрес, Аргентине.

В «Психологии I» речь идёт сначала о психизме как функции жизни, в его отношениях со средой и в его человеческом выражении. Далее, описываются характеристики «аппаратов» психизма - чувств, памяти и сознания, раскрываются теории импульсов и поведения. К «Психологии I» прилагаются «Физиологические основы психизма», где тщательно описаны основные аппараты и функции психизма с точки зрения физиологии человека.

В «Психологии II» изучаются три пути человеческого опыта: ощущения, образы и воспоминания, и затем разные ответы, которые психизм даёт на внешние стимулы и стимулы интратела. Уровни работы сознания и механизмы поведения исследуются в свете теории пространства репрезентации. В конце разъясняется производство и преобразование импульсов, которые соответствуют путям ощущений, образов и воспоминаний, и классифицирующихся морфологически, в виде знаков, символов и аллегорий.

В «Психологии III» изучается система Оператива, ее способность к участию в производстве и преобразовании импульсов, при помощи техник катарзиса, трансференции и автотрансференции. Упрощенная схема интегральной работы психизма помогает понять тематику оператива. К концу данной части устанавливается разница между сознанием и «я», сопоставляются состояния высокого уровня обратимости с измененными состояниями сознания.

В начале «Психологии IV» вкратце изучается различение импульсов; затем исследуются разница между сознанием, вниманием и «я», пространственность и темпоральность явлений сознания; определяются разные структуры сознания. Такие структуры как «вдохновенное сознание» обнаруживаются в философии, науке, искусстве, мистике. В конце автор погружается в глубинные уровни сознания, заканчивая восхитительными параграфами описание новейшей психологической концепции, которое началось с анализа элементарных импульсов и дошло до синтеза самых сложных структур сознания, как например в случае религиозного опыта.

Данное произведение, вместе с «Психологией образа» - первой частью книги «К вопросу о мышлении» - и «Направляемыми опыты жизни», оба написанные Сило, можно рассматривать в качестве фундамента Психологии нового гуманизма.

В продолжение данного направления были опубликованы книги «Самоосвобождение» Луиса Амманна и «Морфология. Символы, знаки и аллегории» Хосе Кабальеро, изданные на основных европейских языках.

Думается, что появление в ближайшем будущем новых достижений, основанных на данной концепции человеческого психизма, как в теории, так и в практике психотерапии, не станет неожиданностью.

Психология I

Записи, осуществлённые слушателями лекций, проведённых Сило в середине ноября 1975 года на о. Корфу. Приложение о физиологических основах психизма было добавлено в конце того года.

Психизм

• Как функция жизни

Начиная со своего возникновения, жизнь проявляла себя в разнообразных формах. Многие биологические виды исчезли, поскольку не смогли приспособиться к среде, новым условиям. Живые существа удовлетворяют свои потребности в окружающей их среде. Эта ситуация в экологической среде происходит в постоянном движении и изменении. Данная взаимосвязь непрочна и неустойчива, и организм порождает компенсирующие реакции, направленные на сохранение структуры, которая в противном случае могла бы быстро исчезнуть. Таким образом, мы видим как живая природа развёртывается через многообразие форм в окружающей среде с многочисленными, разнообразными и изменяющимися характеристиками. И в её основе лежат простые механизмы компенсации, направленные на восстановление равновесия, для того чтобы уберечь от опасности сохранение структуры.

Адаптация к внешним изменениям подразумевает внутреннее изменение организма в целях выживания. Когда это внутреннее изменение не происходит в живых существах, то они исчезают, и жизнь избирает другие пути распространения. Всегда в процессе жизни присутствует механизм, компенсаторно отвечающий на изменения, который, учитывая развитие каждого вида, имеет более сложное или более простое устройство. Эту работу по компенсации внешней среды, а также внутренних недостатков, называют адаптацией (или точнее нарастающей адаптацией), как единственный способ сохраниться в динамике неустойчивости в движении.

Животная жизнь, в частности, развивается в зависимости от функций питания, воспроизведения и передвижения. Конечно, в растительной жизни и у одноклеточных существ также имеются данные функции, но именно у животных эти функции выстраивают отношения со средой, сохраняя внутреннюю стабильность структуры, так называемые вегетативные тенденции, такие как «инстинкты» самосохранения и размножения. Первый сохраняет индивидуальную структуру, и второй – сохраняет вид. В этой готовности организмов к сохранению в качестве индивидов и продолжению вида в целом, выражается инерция (скажем «память»), которая стремится обеспечивать постоянство пребывания и непрерывность, несмотря на изменения.

У животных функции питания и воспроизведение для своей реализации зависят от функции передвижения. Она помогает передвигаться в пространстве для добывания пищи; но также существует и внутреннее движение, транспортирование субстанций для их ассимиляции организмом. Воспроизведение представляет собой внутренний процесс у индивида и внешний процесс в увеличении численности индивидов. Первое осуществляет образование и регенерацию тканей, и второе – размножение особей внутри каждого вида. Обе используют передвижение для исполнения своей миссии.

Обращенность к среде в поисках снабжения, склонность к побегу или прятанию в случае опасности, задают направленность и подвижность живым существам. Эти частные тенденции у каждого вида формируют группу тропизмов. Самый простой тропизм состоит в ответной реакции на стимул. Это минимальное действие реакции на внешний элемент, чуждый организму, провоцирующий потерю равновесия структуры, для компенсации и восстановления устойчивости будет проявляться далее в более сложной и разнообразной манере. Все операции оставляют «следы», которые для ответной реакции организма в новой ситуации будут предпочтительнее (в момент 2 ответ происходит с учётом условий, присутствующих в момент 1). Эта возможность записи очень важна для сохранения структуры в изменчивой окружающей среде и в изменяемой внутренней среде.

Ориентированность организма на окружающую среду для адаптации и выживания предполагает преодоление преград. В среде есть возможности, но также есть и препятствия, и для преодоления сложностей и противодействий, необходимо подключить энергию, т.е. выполнить работу, требующую энергозатрат. Эта доступная энергия будет занята в работе по преодолению сопротивления среды. До тех пор пока не будут преодолены эти трудности и не будет окончена работа, не будет новой свободной энергии. Запись следов (память) позволяет реагировать, опираясь на базу предыдущего опыта, и, таким образом, оставляет свободную доступную энергию для новых эволюционных шагов. Без энергозапасов невозможно совершать более сложные действия для нарастающей адаптации.

С другой стороны, окружающие условия представляются развивающемуся организму как альтернативы выбора и опять же следы позволяют решить между разными альтернативами

адаптации. Кроме того, эта адаптация среди различных альтернатив выбирает путь наименьшего сопротивления и наименьшей затраты сил. Наименьшая затрата сил предполагает меньший расход энергии. Таким образом, если на преодоление сопротивления расходуется минимум доступной энергии, оставшаяся свободная энергия может быть использована для новых эволюционных шагов. В каждом эволюционном моменте присутствует трансформация, как среды, так и живого существа. И возникает парадокс: структура, для сохранения себя как одно целое, должна изменить среду и измениться сама.

Было бы неправильно думать, что живые структуры изменяют и трансформируют только окружающую среду, поскольку эта среда постоянно усложняется и невозможно адаптироваться к ней, сохраняя свою первоначальную индивидуальность. Это относится и к человеку, чья среда со временем перестала быть только лишь природной, но, кроме того, стала ещё и социальной и технической. Сложные взаимоотношения между социальными группами и социальный, исторический накопленный опыт создают атмосферу и ситуацию, в которой внутренняя трансформация человека становится необходимой.

Таким образом, жизнь с помощью функций, тропизмов и памяти компенсирует постоянно меняющуюся среду для нарастающей адаптации, и становится очевидной необходимость координации (хотя бы минимальной) между этими факторами для удачного ориентирования на благоприятные условия развития. При появлении этой минимальной координации возникает *психизм*, как функция жизни в нарастающей адаптации, в эволюции.

Функция психизма заключается в координации всех операций по компенсации нестабильности между живым существом и его средой. Без координации, реакция живых существ была бы частичной и без восполнения различных составляющих частей, без поддержания необходимых связей и, наконец, без сохранения структуры в динамическом процессе адаптации.

- **В отношении со средой**

Этот психизм, который координирует жизненные функции, опирается на чувства и память для восприятия изменений в среде. Эти чувства, которые из простых со временем становятся всё более сложными (как и все части организма) предоставляют информацию об окружающей среде, которая будет структурирована для адаптационной ориентации. С другой стороны, среда очень разнообразна, и организму необходимы определённые минимальные окружающие условия для развития. Там, где благоприятные физические условия возникают, зарождается жизнь. И, при появлении первых организмов, условия начинают изменяться, с каждым разом становясь всё более благоприятными для жизни. Но в самом начале организмы нуждаются в оптимальных окружающих условиях для своего развития. Изменения в тропосфере влияют на все организмы. Таким образом, факторами, влияющими на развитие жизни, являются как циклы дневные и сезонные, так и температура в целом, радиация и солнечный свет. Это относится и к составу Земли, которая даёт богатый материал, служащий источником энергии и работы для живых существ. Природные явления, возникающие по всей планете, также являются решающими условиями для органического развития. Оледенения, затопления, землетрясения и извержения вулканов, а также эрозии от ветра и воды - определяющие факторы. Жизнь различна в пустынях, на горных вершинах, на полюсах и на побережье. С тех пор, как однажды жизнь зародилась из моря, огромное количество организмов и различных видов живых существ появлялись и исчезали на земной поверхности. Многие особи встречаются с непреодолимыми трудностями и поэтому погибают. То же самое случается с целыми видами: виды, которые не смогли преобразоваться или преобразовать новые ситуации, возникающие в эволюционном процессе. Тем не менее, жизнь, опираясь на многочисленность и разнообразие, постоянно открывает новые возможности и прокладывает себе дорогу.

Когда различные виды существуют в одном пространстве, возникают различные отношения между ними, не считая отношений, существующих внутри каждого вида. Есть отношения симбиоза, объединений, паразитизма, сапрофита и т. д. Все эти отношения можно упрощённо разделить на три типа: отношения доминирования, отношения обмена и отношения разрушения. Организмы поддерживают между собой эти отношения, при этом выживают одни, и исчезают другие.

Речь идёт об организмах, чьи функции регулируются с помощью психизма, опирающегося на чувства для получения информации о внешней и внутренней среде, а также на память, которая является не

только генетической памятью передачи отличительных признаков вида (инстинкты размножения и сохранения), но также представляет собой индивидуальные записи новых рефлексов, которые позволяют принять решение в случае альтернативы. Память также обладает другой функцией: регистрация времени; память позволяет ощутить непрерывность перед течением существования. Первая цепь коротких рефлексов (стимул-ответ) допускает вариации в своей комплексности, специализируя таким образом нервную и гормональную системы. С другой стороны, возможность обретения новых рефлексов даёт начало обучению и приучению, специализируя также многочисленные механизмы ответа. В таком случае, наблюдается изменяемый образ действий, поведение, изменяемое в среде и в мире.

После долгих попыток Природы млекопитающие начали своё развитие, создавая многочисленные и разнообразные виды. Эти млекопитающие положили основу для возникновения различных ветвей, среди них - сравнительно недавняя ветвь человекообразных. Начиная с них, психизм проходит особый путь развития.

• У человека

Значительный скачок происходит, когда среди человекообразных возникает кодификация знаков (звуков и жестов). Затем кодифицированные знаки закрепляются, приобретают постоянство (записанные знаки и символы). Эти знаки улучшают общение в отношениях между индивидами и отражают важные для них вопросы относительно среды, в которой они живут. Расширяется объем памяти, и это уже не только генетическая передача и индивидуальная память, но теперь, благодаря кодификации знаков, можно хранить информацию и передавать знаковой системой, при этом увеличивается информация и социальный опыт.

В последствии, происходит второй важный скачок: данные памяти отделяются от генетического аппарата и от индивида, и возникает память дисперсная, которая процветает от первых знаков на стенах и глиняных табличках и до алфавитов, которые делают возможным появление текстов, библиотек, учебных центров и т. д. Важнейший аспект состоит в том, что психизм воплощается в мире.

В то же время функция передвижения развивается благодаря изобретательности, с помощью которой, с одной стороны, создаются аппараты, не существующие в природе, и, с другой стороны, одомашниваются животные и растения, что в совокупности позволяет передвигаться по воде, степи, горам и лесам. От населений кочевников до наших дней, когда передвижение и общение достигают значительного развития.

Функция питания от простого собирательства, охоты и рыбной ловли эволюционирует до земледелия. Развивается далее с одомашниванием животных и с возникновением систем хранения, консервации и создания новых видов продуктов, и с их последующим распределением.

Функция размножения организует первые социальные группы типа орда, племя, семья, которые с оседанием на постоянных местах формируют первоначальные поселения. Они позднее приобретают сложную форму социальной организации с одновременным участием различных поколений в одном историко-географическом моменте. Размножение вплоть до настоящего времени претерпевает значительные изменения, включая современные репродуктивные методы, модификацию, консервацию и изменение эмбрионов и ген.

Психизм становится всё более комплексным, и в то же время отражает свои предыдущие этапы. Также специализируются механизмы ответных реакций, такие как нейро-гормональные центры, которые от первоначальной вегетативной функции приходят к возникновению постоянно усложняющегося интеллекта. В соответствии со степенью внутренней и внешней работы, сознание достигает уровней от глубокого сна до полусна и, позднее, бодрствования, которое с течением времени становится всё яснее.

Психизм предстаёт в качестве координатора структуры: живой организм – среда; другими словами, структуры «сознание — мир». Результат этой координации - шаткое равновесие, в котором структура будет работать и процессировать. Внешняя информация поступает к специализированному аппарату, который обрабатывает её в различных секторах восприятия. Эти механизмы – внешние чувства. Информация о внутренней, внутрителесной среде, поступает к соответствующим механизмам восприятия, т.е. к внутренним чувствам. Следы этой информации, внешней и внутренней, и следы

самих операций сознания на различных уровнях работы будут получены механизмом памяти. Таким образом, психизм координирует сенсорные данные и записи памяти.

Кроме того, психизм на этом этапе развития опирается на аппараты ответных реакций миру, ответных реакций хорошо подготовленных и разного типа (таких, как реакции умственные, эмоциональные или двигательные). Эти механизмы мы называем «центры». В вегетативном центре находятся органические основы всех жизненных функций метаболизма, размножения и передвижения (даже когда функция движения специализируется в двигательном центре), а также инстинкты самосохранения и размножения.

Психизм направлен на координацию этих механизмов, а также жизненных функций и инстинктов.

Кроме того, у человека имеется система взаимоотношений со средой, которую нельзя назвать аппаратом с нейрофизиологическими локализациями, и которое мы зовём «поведение». Частный случай психологического поведения в межперсональном и социальном отношении – это «личность». Структура личности служит для адаптации, постоянно приспособляясь к разнообразным и переменчивым ситуациям межперсональной среды. Эта способность к удачной адаптации требует сложной ситуационной динамики, которую психизм также должен координировать для сохранения целостности структуры.

С другой стороны, биологический процесс, через который проходит человек – начиная с рождения и детства, включая подростковый период и юность, и вплоть до взросления и старости, - значительно модифицирует внутреннюю структуру, которая переживает различные жизненные этапы в зависимости от различных потребностей и отношений с окружающей средой (в начале - зависимость от окружения, затем установка и экспансия с ориентацией на сохранение позиции и, в итоге, отдаление). Этот процесс также требует точной координации.

Для получения полной картины о работе человеческого психизма, рассмотрим его различные функции, которые можно было бы локализовать физиологически.¹ Также необходимо иметь в виду систему импульсов, способную создавать, трансформировать и передавать информацию между аппаратами.

Аппараты психизма²

Под аппаратами подразумеваются специализации сенсорные и специализации памяти, которые интегрированно работают в сфере сознания посредством импульсов. Импульсы, в свою очередь, переживают многочисленные трансформации в соответствии с психической средой, в которой действуют.

- **Чувства**

Функцией чувств является получение и предоставление данных для сознания и для памяти, при этом они организованы по-разному в соответствии с нуждами и тенденциями психизма.

Аппарат чувств произошёл от примитивного осязания, которое постепенно специализировалось. Различают чувства внешние, которые принимают информацию от внешней среды, и чувства внутренние, которые собирают внутрителесную информацию. В зависимости от типа деятельности их можно классифицировать как: чувства химические (вкус и обоняние); чувства механические (осязание как таковое и внутренние чувства сенестезии и кинестезии) и чувства физические (слух и зрение). Среди внутренних чувств сенестетическое чувство предоставляет информацию интрателя; есть химиорецепторы, терморецепторы, барорецепторы и другие; также важную роль играет обнаружение боли.

¹ Эта фраза оправдывает добавление в конце данной части Приложения «Физиологические основы психизма». Автор дословно сказал: «Для получения полной картины работы человеческого психизма рассмотрим его различные функции с помощью метафорического образа «аппаратов», которые можно было бы локализовать физиологически.»

² О практическом применении данных исследований об аппаратах психизма, сознании, импульсах и поведении см. в книге: Ammann, L.. Self Liberation. York Beach, Maine. USA: Samuel Weiser, 1981.

Работа центров выявляется с помощью сенестезии, также как и различные уровни работы сознания. В состоянии бодрствования сенестетическая информация имеет минимальную регистрацию, поскольку это момент работы внешних чувств и психизм ориентируется на внешний мир. Когда снижается уровень бодрствования, сенестезия увеличивает передачу импульсов, регистрация которых искажена, и которые становятся исходным материалом для сновидений и фантазий в полусне. Чувство кинестезии предоставляет данные о движении и положении тела, о физическом равновесии и об его нарушении.

➤ **Общие характеристики чувств**

а) Все чувства совершают по своей сути действия абстрагирования и структурирования стимулов, в соответствии с их способностями. Восприятие состоит из данных, плюс деятельности чувства;

б) все находятся в постоянной активности, принимая сигналы в разных диапазонах;

в) все работают с собственной памятью, которая делает возможным распознавание стимулов;

г) все работают по «диапазнам» в соответствии с определённым собственным тоном, который должен измениться из-за стимула: для этого необходимо чтобы стимул появился в сенсорном диапазоне (нижний порог диапазона, ниже которого не воспринимается стимул, и максимальный порог диапазона, при пересечении которого возникает сенсорное раздражение или перенасыщение). В случае присутствия «шумового фона» (происходящего от того же чувства или от других чувств, от сознания или от памяти), стимул должен увеличить свою интенсивность для того, чтобы быть зарегистрированным, но не пересекая при этом максимальный порог, чтобы не вызвать перенасыщение и сенсорное блокирование. Когда всё же это происходит, необходимо убрать шумовой фон, для того чтобы сигнал дошёл до чувства;

д) все работают между этими порогами и допустимыми пределами, которые признают вариации в соответствии с обучением и метаболическими нуждами (где, собственно, находится филогенетический корень существования сенсорики). Эта характеристика изменчивости важна для различения сенсорных ошибок;

е) все переводят перцепции в единую систему электрохимических импульсов, которые поступают по нервным каналам к мозгу;

ё) все имеют локализованные нервные окончания (точные или размытые), которые всегда соединены с центральной нервной системой и с периферической или автономной нервной системой, откуда действует аппарат координации;

ж) все связаны с аппаратом общей памяти организма;

з) все имеют собственные регистры, возникающие от изменения тона при появления стимула и в самом факте восприятия.

и) все могут совершать ошибки в восприятии. Эти ошибки могут происходить по причине блокирования чувства (например, из-за сенсорного раздражения), брака или дефекта чувства (миопия, глухота и т.д.). Также из-за нехватки участия другого или других чувств, которые помогают определить параметры восприятия (например, что-то слышится как «далеко», но при рассмотрении оказывается «близко»). Существуют ошибки, возникающие искусственно из-за механических условий, как, например, при надавливании на глазные яблоки, видится «свет»; или ощущение, что тело увеличивается, при окружающей температуре, близкой к температуре кожи. Эти ошибки чувств обычно называют «иллюзии».

• **Память**

Функцией памяти является запись и сохранение данных, происходящих от чувств и/или от сознания; также в случае необходимости предоставляет данные координатору (акт вспоминания). Чем больше данных в памяти, тем больше вариантов ответов. При ответах, которые использовались прежде, экономится доступная энергия. Работа памяти даёт ссылки сознанию для определения местонахождения и для непрерывности во времени. Первоосновы памяти появляются по собственной инерции работы каждого из чувств, расширяя на весь психизм как общую память. Минимальная теоретическая частица памяти это реминисценция, но важно учесть, что память получает, обрабатывает и распределяет данные, поступающие от чувств и координатора, в форме

структурированных записей.

Распределение происходит по полосам или тематическим секторам и в соответствии с собственной хронологией. Отсюда следует, что настоящая частица будет: исходное данное + деятельность аппарата.

➤ **Формы записи**

Память записывает данные различными способами: под воздействием «шока», т.е. стимула, который производит сильное впечатление; через одновременное поступление от разных чувств; через представление одних и тех же данных в различной манере; и через повторение. Данные могут быть хорошо вписаны как в контексте, так и когда выделяются из-за нехватки или целостности контекста. Качество записи увеличивается, когда стимулы различимы, и это происходит из-за отсутствия фонового шума при чистоте сигналов. Когда возникает перенасыщение по причине повторения, происходит блокирование, и, когда возникает привыкание, запись стимула сокращается. При отсутствии внешних стимулов, первый появившийся стимул записывается очень отчётливо. Также, когда память не передаёт информацию координатору, возможность осуществления записей увеличивается. Будут хорошо записаны данные, полученные в связи с тематическим сектором, в котором работает координатор.

➤ **Воспоминание и забывание**

Воспоминание возникает когда память передаёт сознанию ранее записанные данные. В частности, эвокация преднамеренно вызывается сознанием, что отличает её от другого типа воспоминания, которое навязывается сознанию, как, например, когда определённые воспоминания возникают, совпадая порой с поисками, или в связи с психологическими противоречиями, которые появляются без участия координатора. Существуют степени эвокации в зависимости от того, были ли данные зарегистрированы с большей или с меньшей интенсивностью. Когда данные лишь слегка пересекали порог регистрации, их эвокация будет также небольшой, и даже есть случаи, когда эти данные вообще не вспоминаются. Но при повторной регистрации данных, происходит их узнавание. Начиная с этих минимальных порогов эвокаций появляются более интенсивные градации вплоть до автоматического воспоминания, или быстрого узнавания, как, например, в случае с языком. Узнавание происходит, когда данные, при получении и сравнении их с предыдущими, оказываются уже ранее зарегистрированными, и значит, узнаваемыми. Без узнавания, психизм находился бы в постоянной ситуации первого контакта с феноменами, несмотря на то, что они повторяются.

Забывание – это невозможность передачи сознанию ранее записанных данных. Это происходит из-за блокирования реминисценции, что препятствует вторичному появлению информации. С другой стороны, существует вид функционального забывания, препятствующего постоянному появлению воспоминаний, благодаря механизмам внутренней регуляции, которые приостанавливают один аппарат пока функционирует другой. Таким образом, нет постоянного воспоминания, когда координатор воспринимает или координирует ответы, или воскрешает в памяти определённую полосу записей. Градация интенсивности записи и эвокации связана с полями присутствия и сопresутствия координатора.

➤ **Уровни памяти**

Различные уровни возникают исходя из постоянства и продолжительности записей. При приобретении индивидуальной памяти первые следы становятся субстратом для последующих, устанавливая определённое пространство, в котором новые записи сравниваются с первыми записями. С другой стороны, новые записи принимаются на базе свободного запаса энергии и работы, которые оставляют первые записи; эти становятся, таким образом, основой узнавания. Есть первый уровень субстрата, или древняя память, которая на протяжении времени обогащается. Есть второй уровень, опосредованная память, которая возникает в динамике психической работы, со свежими записями, которые иногда переходят на уровень древней памяти. Есть третий уровень, или непосредственная память, которая соответствует текущим записям. Этот уровень работы постоянно открыт для получения информации. На этом уровне происходит отбор, удаление и хранение данных.

➤ **Память и обучение**

В записывании и запоминании мнемических следов важную роль играют эмоции. Очевидно, что записывание и запоминание происходят гораздо эффективнее в приятной и приветливой атмосфере. Эта характеристика является определяющей в задачах обучения и преподавания, когда данные

соотносятся с ситуационным эмоциональным контекстом.

➤ Цепочка памяти

Существуют следующие пути входа мнемических импульсов: внутренние чувства, внешние чувства и деятельность координатора. По этим путям проходят импульсы, представляющие собой регистрируемую информацию, которая сохраняется в памяти. С другой стороны, поступающие стимулы следуют двойным путём: один путь, который ведёт к координатору, и другой, который ведёт к памяти. Стимулам достаточно лишь незначительно пересечь сенсорные пороги, чтобы быть зарегистрированными. И достаточно минимальной деятельности на различных уровнях сознания, чтобы произошла запись.

➤ Соотношение между памятью и координатором

В цепочке между чувствами и координатором память действует как соединительный фактор, как мост, порой компенсируя нехватку сенсорных данных с помощью эвокации, или с помощью невольного воспоминания (как при «метаболизировании» запасов). В случае глубокого сна, когда нет доступа внешних данных, сознание получает сенестетические данные, комбинированные с данными памяти. Таким образом, воссоздание в памяти мнемических данных происходит не преднамеренно, но в любом случае координатор осуществляет свою работу, распределяет данные, анализирует, производит операции с участием памяти. На уровне глубокого сна перераспределяется исходный материал бодрствования (непосредственный, недавний или древний), который поступил в память беспорядочно. На уровне бодрствования координатор может обращаться к памяти через эвокацию (механизмы обратимости), устанавливая в сознании объекты, которые не поступают в данный момент через чувства, хотя это было сделано ими ранее. Отсюда следует, что память может предоставлять данные по требованию координатора, или стимулировать его без его участия, когда, например, не хватает сенсорных стимулов.

➤ Ошибки памяти

Самая распространенная ошибка – это неправильное узнавание, которое случается, когда новые данные неправильно соотносятся с предыдущими. Разночтение (или двоякое воспоминание) – это искажение одного данного другим, которого нет в памяти. При амнезиях абсолютно невозможно воссоздавать в памяти данные или полные последовательности данных. При гипермнезии, наоборот существует чрезмерное изобилие воспоминаний. С другой стороны, любая запись соединена с прилегающими. То есть не существует изолированных воспоминаний, координатор выбирает среди воспоминаний те, которые ему необходимы. Таким образом, другой вид ошибки происходит, когда прилегающие воспоминания располагаются в центре. На поведение могут оказывать прямое влияние данные памяти, не прошедшие через координатор, и которые мотивируют поступки, несоответствующие ситуации, несмотря на то, что возможно существование регистрации этих фактов неадекватного поведения. Ещё один вид ошибки – “*déjà vu*”, когда в абсолютно новой ситуации возникает ощущение, что это уже происходило ранее.

Сознание

Сознание можно определить как систему координации и регистра, приводимой в действие психизмом человека. Соответственно, любой феномен, который не регистрируется, не считается сознательным; не считается таковым и любая операция психизма, в которой не принимает участие задачи координации. Это возможно из-за широкого самого спектра возможностей регистрирования и координации с возникновением наибольших трудностей при рассмотрении порогов, границ регистра и координации. Это заставляет нас вкратце рассмотреть следующее: «сознание» обычно связано с «действием в бодрствовании», когда все остальное остается вне сознания, а это привело к возникновению таких мало обоснованных концепций, как «бессознательное». Это потому, что не достаточно изучены разные уровни работы сознания, а также недостаточно наблюдалась структура присутствия и сопresentствия, с которой работает механизм внимания. Есть другие концепции, в которых сознание рассматривается как пассивное, тогда как в действительности сознание работает, активно структурируя, координируя нужды и тенденции психизма с поступлениями от чувств и памятью, ориентируя постоянные вариации отношений между телом и психизмом, т. е. между психофизической структурой с миром.

Фундаментальными мы считаем механизмы обратимости, которые позволяют сознанию ориентироваться через внимание на источники сенсорной информации (апперцепция) и мнемической информации (эвокация). Когда внимание направлено на эвокацию, оно может обнаружить или выделить феномены, которые не были замечены во время их записи. Узнавание такого рода рассматривается как: апперцепция в эвокации. Активация механизмов обратимости напрямую связана с уровнем работы сознания. При схождении индивида по уровню сознания, снижается работа этих механизмов и наоборот.

- **Структура сознания**

Минимальная структура сознания – это отношение между актом и объектом, связанными вместе механизмами интенциональности, имеющимся у сознания. Связь между актами и объектами постоянна, хотя есть акты, которые запускаются в поиске объекта, который в тот момент не определен точно. Именно эта ситуация придает сознанию его движущую силу. Объекты сознания (т.е. восприятия, воспоминания, репрезентации, абстракции и т.д.) появляются как интенциональные корреляты актов сознания. Интенциональность всегда запускается в направлении будущего, регистрируемого как напряжение в поиске, или в направлении прошлого в эвокации. Таким образом времена сознания пересекаются в настоящем моменте. Сознание направляется в будущее и запоминает, но в момент наполнения оно работает в настоящем.

В случае с поиском в памяти, когда возникает вызываемый объект, он «становится настоящим»; и до тех пор, пока это не произойдет, сознание не выполнило свой акт поиска. Действие наполнения регистрируется как расслабление. Когда акты находят свои объекты, высвобождается энергия, которая в дальнейшем применяется сознанием для новых задач. Описанные операции, характерны для уровня бодрствования, так как на других уровнях (например, во сне) структура времени иная. Психологическое время, следовательно, зависит от уровня работы психизма. Время работы координатора при бодрствовании – настоящее; на этом уровне, многочисленные временные игры протенции и ретенции могут задействоваться, но всегда пересекаясь в настоящем моменте. Эффективность механизмов обратимости и настоящее время характерны для бодрствования.

- **Внимание, присутствие и сопричастие**

Внимание это способность сознания, которая позволяет наблюдать внутренние и внешние явления. Таким образом, когда стимул переходит через порог, он пробуждает интерес сознания и перемещается в центральное поле присутствия, на которое направлено внимание. То же происходит, когда сознание направляет себя на специфический стимул или данное, ведомое своим собственным интересом. Когда внимание работает, есть некоторые объекты, которые расположены центрально, а другие на периферии, в поле сопричастия. Эти присутствие и сопричастие внимания случаются по отношению ко внешним так же, как и внутренним объектам. Когда внимание концентрируется на объекте, на передний план выступает очевидный аспект, пока то, что неочевидно оперирует по способу сопричастия. Индивид осознает, что последний аспект «присутствует», даже если не обращает на него внимания. Это потому, что сознание работает с большим, чем то, на что оно обращает внимание; оно охватывает больше, чем просто наблюдаемый объект.

Сознание направляет акты на объекты, но есть другие, сопричастующие акты, которые не связаны с темой или объектом, которому в настоящий момент уделяется внимание. То же испытывается на разных уровнях сознания. Например, в бодрствовании есть сопричастие грез, а в снах могут быть акты, характерные для бодрствования, как например, рассуждения. Таким образом, присутствие имеет место в поле сопричастия. В знании, например, масса сопричастующей информации имеет значение, когда необходимо сконцентрироваться на конкретной теме. Знание понимается внутри этого горизонта сопричастия, поэтому когда он расширяется, также расширяется способность установить связи между данными.

Присутствие и сопричастие формируют образ мира индивида. Помимо понятий и идей, сознание также имеет сопричастующие элементы, о которых не помышляется, таких как мнения, предположения, убеждения - и на которые оно редко обращает внимание. Когда этот поддерживающий субстрат изменяется или разрушается, изменяется или трансформируется образ мира.

- **Абстракция и ассоциация**

Способность сознания работать с абстракцией повышается в уровне бодрствования и снижается на

более низких уровнях вместе с увеличением ассоциативных механизмов. В бодрствовании работают механизмы абстракции, так же как и ассоциации на его основе. Результатом первого является мысль, второго – воображение. Мысль состоит из формулировки абстракций, которые мы можем определить как «понятия». Это редукции предметов до их основных характеристик (например, абстракция поля будет его треугольная форма и геометрическая площадь).

Концептуализация работает не с изолированными элементами, но с рядом элементов, из этих концептуализаций могут быть созданы классификации (например, создается абстракция «дерева», но есть разные виды деревьев и так классификации тоже появляются в категориях, классах, жанрах и т. п.). Согласно этому, мысль происходит на основе концептуализаций и классификаций благодаря абстрактным механизмам сознания.

Воображение возникает с работой механизмов ассоциации: контраст (белое-черное), соседство (мост – река) и сходство (красная – кровь). Различают два типа воображения: дивагационное воображение и пластическое или направляемое воображение. Первое характеризуется свободной, неуправляемой ассоциацией, в которой образы отпускаются и навязывают себя сознанию (в снах, грезах, например). В пластическом или направляемом воображении есть определенная функциональная свобода, что дает возможность создать направление в плане изобретательности, в котором формализация чего-то еще несуществующего представляет интерес. В зависимости от того, с использованием которого из обозначенных механизмов (т.е. абстракции, классификации, дивагационного или направляемого воображения) ведется работа над образами, поступающими в сознание, получатся разные переводы и формализуются различные репрезентации.

• **Уровни сознания**

Сознание может оказаться погруженным в глубокий сон, полусон или быть в бодрствовании, а также находиться в переходных состояниях. Между уровнями сознания есть градации, но не четкие подразделения. Говорить об уровнях, значит говорить о разных операциях и регистре этих операций. Именно благодаря регистру можно провести различие между разными уровнями сознания, а индивид не может иметь регистр уровней, как если бы они были пустым пространством.

➤ **Характеристики уровней**

Можно утверждать, что разные уровни сознания выполняют функцию структурной компенсации мира (под миром понимается масса восприятий, репрезентаций и т.п., которые порождаются стимулами от внешних и внутренних сред). Речь идет не просто о производстве ответа, но и производстве структурных, компенсаторных ответов. Эти ответы являются компенсациями целью которых является восстановить равновесие в нестабильном отношении между сознанием–миром или психизмом–средой. Как только остается свободная энергия после проделанной вегетативными функциями работы, уровни поднимаются, так как они получают питающую их энергию.

➤ **Глубокий сон**

На этом уровне работа внешних чувств минимальна; из внешней среды не поступает иной информации, кроме той, которая проломит порог, созданный сном. Задача сенестетического чувства превалирует, поставляя импульсы, которые переводятся и трансформируются работой ассоциативных механизмов, приводя к возникновению онерических образов. Действительными характеристиками образов на этом уровне является их высокая внушающая мощь. Психологические время и пространство модифицируются по отношению к бодрствованию, а в часто появляющейся структуре акт-объект нет какой-либо связи между ее элементами. Аналогично эмоциональные «климаты» (настроения) и образы имеют тенденцию становиться независимыми друг от друга. Типично исчезновение критических и самокритических механизмов, которые начиная с этого уровня будут постепенно усиливать свою работу по мере повышения уровня сознания. Инерция уровней и формальные границы, которые они устанавливают приводят к тому, что мобильность и переход от одного уровня к другому происходят постепенно (так, выход и вход в состояние сна будут совершаться через полусон). Тон этого уровня такой же, как и у других: он может перейти от пассивного к активному состоянию, а могут быть и измененные состояния. В пассивном сне нет образов, в то время как в активном они есть.

➤ **Полусон**

На этом уровне, который предшествует бодрствованию, внешние чувства начинают посылать информацию в сознание, информацию, которая еще не полностью структурирована, потому что

существует вмешательство грез, и присутствуют внутренние ощущения. Содержание сна теряет свою внушающую силу, когда оно продолжает возникать, благодаря восприятию полубодрствования, которое приносит новые параметры. Внушающее свойство продолжает действовать, особенно в случаях с очень яркими образами (называемыми «гипногическими»), имеющими большую силу. С другой стороны, снова появляется система частых грез, которая может ослабеть в бодрствовании и исчезать во сне. Именно на этом уровне легче всего регистрируются ядра грез и вторичные грезы, по крайней мере в их основных эмоциональных климатах и напряжениях. Тональность грезы, которая характерна для этого уровня имеет тенденцию трансформироваться через инерцию в бодрствование, поставляя сырой материал для дивагации. Хотя в дивагации появляются также элементы восприятия бодрствования. В этом поле координатор может уже выполнять несколько операций. Давайте упомянем, что этот уровень чрезвычайно нестабилен и следовательно, легко выводится из равновесия и изменяется.

Мы также обнаруживаем состояния пассивного и активного полусна. Первое предлагает легкий переход ко сну; второй – к бодрствованию. На этом этапе мы можем также провести другое отличие: есть активный полусон, измененный, и другой, более спокойный и внимательный. Измененный полусон является основой для напряжений и климатов, которые могут появиться в бодрствовании со всей силой и настойчивостью, поднимая «шум» и модифицируя поведение, делая его неадекватным ситуации. В измененном активном полусне можно отследить напряжения и климаты бодрствования. Различные состояния, как активные, так и пассивные, определяются энергетическим тоном и интенсивностью, свойственной каждому уровню. Степень интенсивности, которые могут быть у напряжений и эмоциональных климатов выражается тоном.

➤ **Бодрствование**

На этом уровне внешние чувства поставляют более высокий объем информации, так как они регулируя внутренние чувства через ингибицию, давая возможность координатору ориентироваться в направлении к миру в работе психизма по компенсации среды. Здесь механизмы абстракции, критики и самокритики функционируют и приобретают высокую степень проявления и вмешательство в задачи координации и регистрации. Механизмы обратимости, чьи проявления на предыдущих уровнях были минимальны, могут полно работать здесь, позволяя координатору балансировать внутреннюю и внешнюю среды. Внушающая сила в содержании бодрствования уменьшается с возрастанием в точках референции. Есть тон активного бодрствования, который может быть внимательным, с максимальным контролем апперцепции, или может быть тон измененного бодрствования. В этом последнем случае, появляются тихая дивагация и более или менее фиксированные грезы.

➤ **Отношение между уровнями**

В общем, отношение между уровнями производит взаимные альтерации. Можно упомянуть четыре фактора, которые влияют на это отношение: инерция, шум, эффект «рикошета» и «перетягивание».

Инерция

Каждый уровень сознания имеет тенденцию сохранять свой уровень работы, сохранять свое действие после окончания его цикла. В результате переход от одного уровня к другому осуществляется медленно, с понижением первого, при проявлении нового уровня (как в случае содержания полусна, которое навязывает себя в бодрствовании). Случаи, которые мы сейчас упоминаем, являются результатом инерции, которой обладает каждый уровень, и которая приводит к его сохранению и расширению характерной для него типа артикуляции.

Шум

Инерция предыдущего уровня появляется как шум в работе последующего уровня: содержание суббодрствования возникают, вмешиваясь в работу бодрствования и наоборот. Мы также можем назвать «шумом» следующее: эмоциональные климаты, напряжения, и содержание, не свойственное работе координатора в данный момент. Например, если выполняется интеллектуальная задача, эту работу должна сопровождать некоторая эмоция (нравится ее делать), обычное напряжение от самой работы, и мысли, подходящие операциям. Но если есть другие виды климатов, есть напряжения, не поступающие от работы, а содержание имеет тенденцию к аллегоризации, они будут препятствовать деятельности и вносить шум, что обязательно изменит координацию и потребит всю имеющуюся энергию.

Эффект рикошета

Этот феномен случается как ответ из уровня, в который было введено содержание из другого уровня, пробив защиту инерции. Содержание, присущее уровню, в который произошло вторжение, появится позднее, на этот раз на уровне, откуда было привнесено содержание.

Перетаскивание

Содержание, климаты и тоны, которые присущи одному уровню, переносятся и остаются на другом уровне, как перетаскивания. Это будет более очевидно в случае с климатами, напряжениями или содержанием, которые фиксируются в психизме, перетаскиваются долго и проявляются на разных уровнях. В связи с психологической важностью, которые могут иметь эти факторы для нарастающей адаптации и эволюции психизма, мы можем рассмотреть их особо.

➤ Тоны, климаты, напряжения и содержание

Тоны рассматриваются в смысле энергетической интенсивности. Операции на каждом уровне могут быть выполнены с большей или меньшей интенсивностью (с большим или меньшим тоном). Это те переживания, которые проявляются с большей или меньшей интенсивностью в зависимости от доминирующего тона и временами они могут быть изменены им, превращаясь в шумовой фактор.

Климаты - это разные виды эмоционального фона, настроений, которые по своей изменчивости появляются перемененно и могут охватить сознание на определенный промежуток времени, оттеняя все действия координатора. Иногда климаты соответствуют выполняемым операциям, и сопутствуют координатору не беспокоя его, в случае чего они облегчают работу. Но все может произойти не так, и вместо этого они создадут помехи. Климаты могут фиксироваться в психизме и волновать всю структуру, затрудняя мобильность и легкое вымещение подходящих настроений. Фиксированные климаты циркулируют по различным уровням и таким образом они могут перейти из бодрствования в сон, остаться там, потом вернуться в бодрствование на долгое время, сокращая оперативную свободу координатора. Другой тип климата – ситуационный климат, который возникает и блокирует подходящие ответы конкретным ситуациям.

Напряжения имеют более физический, более телесный корень, так как это вмещающаяся мускульная система. Напряжения непосредственно регистрируются в мышцах. Связь с психизмом не всегда прямая, так как мышечное расслабление не всегда напрямую сопровождается умственным расслаблением, скорее, сознание может еще иметь напряжения и изменения, хотя тело уже расслабилось. Разница между психическими и физическими напряжениями позволяет нам установить более конкретные оперативные различия. Психические напряжения связаны с чрезмерными ожиданиями, в которых психизм находится в поисках, “в ожидании чего-то”, что вызывает сильные напряжения.

Умственное содержание появляется как формальные объекты сознания. Это компенсаторные формы, которые сознание организует, чтобы ответить миру. Вот как возникает соответствие - или не возникает - между действиями или нуждами психизма и содержанием, которое появляется в координаторе. Если индивид выполняет математическую операцию, появление числовых репрезентаций будет подходящим, но аллегорическая фигура будет неуместна и станет помехой и станет фокусом, на который внимание отвлекается. Помимо затруднения совершения работы, все факторы шума имеют тенденцию провоцировать дезориентацию и рассеивать энергию. Пока содержание сознания работает внутри уровня своего формирования, оно имеет смысловое значение для координатора, но когда оно покидает свой характерный уровень, оно служит помехой для выполнения задач координатора.

Регистры спокойных состояний в бодрствовании очень полезны, так как они способны восстановить нормальное течение сознания. В случае, когда климаты становятся фиксированными, есть процедура Оператива для перевода этих климатов с их образов на другие, с меньшей значимостью для сознания. Таким образом климаты могут начать терять свою фиксированность, сокращая беспокойства в состоянии бодрствования. В общем, 4 типа опытов, которые мы перечислили выше, являются благоприятными факторами, если они должным образом приспособлены для операций координатора. Однако, когда они неадекватны потому, что не соответствуют этим операциям, они становятся факторами помех, отвлечения и изменяют психизм.

➤ Ошибки координатора

Следует провести различие между ошибками сознания и ошибками в взаимоотношениях между сознанием, чувствами и памятью. Мы в общем называем последние «дисфункциями». Галлюцинации - типичная ошибка координатора. Она происходит, когда феномен, который не поступил через чувства, испытывается, как будто он происходит во внешнем мире со всеми характеристиками чувственного восприятия. Здесь мы имеем дело с конфигурациями, составленными сознанием на основе памяти. Эти галлюцинации могут возникнуть в моменты крайнего утомления, в связи с недостатком субстанций необходимых для мозгового метаболизма; в связи с аноксией; недостатком стимула (как в случае с сенсорной депривацией); действием лекарств, во время «белой горячки», вызванной алкоголизмом, и также в ситуациях, опасных для жизни. Они часты в случаях физической слабости и «эмоционально возбужденного сознания», в которых координатор теряет свои возможности вымещения во времени. В качестве примеров дисфункции чувств можно привести неспособность связать данные, поступающие из разных сенсорных путей (эти случаи известны как «эйдетическая дезинтеграция»). Дисфункции памяти регистрируются как забывание и блокирование.

➤ Интегрированная цепь чувств, памяти и координатора

Соединения между чувствами, памятью и сознанием обнаруживает важные аспекты того, как функционирует психизм. Эти соединительные цепи работают внутри комплексной саморегуляции. Таким образом, когда координатор выполняет апперцепцию перцепции, ингибируется эвокация. И наоборот апперцепция памяти блокирует перцепцию. В то время как внешние чувства работают, вход внутренних стимулов закрыт и наоборот. Есть максимум взаиморегуляции во время изменения уровня работы, когда, например, при возрастании сна (или уменьшении бодрствования) механизмы обратимости блокируются, а ассоциативные механизмы выпускаются. С другой стороны, когда усиливается состояние бодрствования и критические механизмы начинают свою работу, они ингибируют ассоциативные механизмы. Также есть автоматическая взаиморегуляция чувств: когда зрение расширяет свой средний порог, пороги чувства осязания, обоняния и слуха снижаются; это происходит со всеми чувствами. Например, люди обычно закрывают глаза, чтобы лучше слышать.

Импульсы³

Импульсы, поступающие от чувств и памяти, которые достигают координатора, трансформируются в репрезентации. Эти структуры восприятия и эвокации потом перерабатываются, чтобы выработать эффективные ответы в постоянном поиске равновесия между внутренней и внешней средами. Таким образом, например, в то время как греза — это разработка для ответа к внутренней среде, моторное перемещение является движением-ответом внешней среде. Или в случае репрезентаций, мышление поднятое на уровень знаков есть другой тип ответа-репрезентации внешней среде.

С другой стороны, любая репрезентация, помещенная в поле присутствия координатора, задействует ассоциативные цепи между объектом и его соприсутствием. Таким образом, в то время как объект фиксируется с точностью до мелочей в полу присутствия, в поле соприсутствия появляются отношения с другими объектами, которые хоть и не присутствуют, но они связаны с первым. Отмечается важность полей присутствия и соприсутствия в переводе импульсов как в случае с аллегорическим переводом, в котором много сырого материала поступает от данных, которые достигли соприсутствия состояния бодрствования.

Изучение импульсов важно из-за особой работы, которую проделывает координатор с репрезентациями. Существуют два возможных пути: абстрактивный, который оперирует сокращением множественности явления до его существенных черт; и ассоциативный путь, который структурирует репрезентации на основе сходства, соседства и контраста.

Эти пути абстракции и ассоциации являются фундаментом, на котором структурируются формы. Эти формы являются соединительными связями между сознанием, которое их составляет и явлениями предметного мира, к которому они относятся.

• Морфология импульсов

На этом уровне нашего сочинения, мы понимаем под «формами» явления восприятия или

3 Подробное исследование на тему импульсов см. в книге: Caballero, J.. Morfología: Símbolos, signos y alegorías. Madrid: Ed. Antares, 1997.

репрезентации. Морфология импульсов изучает формы как структуры, которые переводятся и трансформируются психофизическим аппаратом в его работе по ответу на стимулы.

Различные формы могут поступить от одного и того же объекта, в зависимости от того какой из каналов чувств используется, перспективы, с которой воспринимается названный объект и типа структуры, разработанной сознанием. Каждый уровень сознания создает свои формальные среды. Каждый уровень действует как среда с характерной структурой, связанная с формами, которые также являются характерными. Формы, которые возникают в сознании являются реальными структурирующими компенсациями в ответ на стимулы. Форма – это объект акта компенсаторного структурирования. Стимул превращается в форму, когда сознание структурирует его со своего уровня работы. Таким образом, один и тот же стимул переводится в различные формы, согласно структурированию ответов от разных уровней сознания. Разные уровни выполняют функцию структурного компенсирования мира.

Цвет имеет важное психологическое значение, но даже будучи взвешиванием форм, он не меняет их сущности.

Чтобы понять происхождение и значение форм, важно различать между ощущением, восприятием и репрезентацией.

➤ **Функции внутренней репрезентации**

1. Закреплять восприятие, как память.
2. Трансформировать воспринимаемое согласно нуждам сознания.
3. Переводить внутренние импульсы в воспринимаемые уровни.

➤ **Функции внешней репрезентации**

1. Абстрагировать главное, чтобы упорядочить (символ).
2. Выразить абстракции как условности, чтобы оперировать в мире (знак).
3. Сделать конкретным абстрактное, чтобы его запомнить (аллегория).

➤ **Характеристики знака, аллегии и символа**

Знак условен, оперативен, ассоциативен и иногда фигурален, иногда нефигурален. Аллегория центробежна, мультипликативна, ассоциативна, эпохальна и фигуративна. Символ центростремительен, синтетичен, неассоциативен, не эпохален и нефигуративен.

• **Символы**

➤ **Символ как визуальный акт**

Символ в пространстве и как визуальное восприятие заставляет нас размышлять о движении глаза. Зрение точки без референций позволяет глазу двигаться во всех направлениях. Горизонтальная черта без усилий ведет глаз вдоль себя. Вертикальная черта провоцирует напряжение, усталость, головокружение.

Понимание символа (изначально визуальная конфигурация и движение глаз) позволяет нам серьезно рассматривать действие, которое производится им от внешнего мира над психизмом (когда символ представляется как восприятие, форма культурного объекта), и делает возможным расследовать работу репрезентации (когда образ выражается как символ во внутреннем личном произведении или проецируется во внешней культурной продукции).

➤ **Символ как результат трансформации воспринимаемого**

Компенсаторная функция символа возникает здесь как референция и создатель порядка в пространстве. Символ позволяет фиксировать центр в открытом поле и останавливать время. Монументальные символы дают нации психологическое и политическое единство. Есть также тип символов, который соответствует неколлективному производству, в которых наблюдается компенсаторная функция сознания перед данным действительности.

➤ **Символ как перевод внутренних импульсов**

Символизм во сне и в художественных произведениях обычно является кореллятом сенестетических импульсов переведенных на уровни визуальной репрезентации. Другим случаем символического

проявления как перевода внутренних импульсов являются жесты, известные на востоке как «мудра». Некоторые общие положения тела и их значения понятны людям во всем мире и соответствуют различиям, сделанным в отношении символов острия и круга (например, выпрямленное тело с распростертыми руками символически обозначает ментальные ситуации, противоположные ситуациям, ассоциирующимся с положением тела, в положении зародыша).

- **Знаки**

Знак выполняет функцию условно выразить абстракцию с целью оперировать в мире, объединяя явления, отличные по сути, на одном уровне языка. Выражение и значение являются структурой. Когда значение выражения неизвестно, знак теряет свою оперативную значимость. Двусмысленные и многозначные выражения это те, которые допускают разные значения и понимание их возникает в контексте. Контекст придает согласованность уровню языка. Но контексты обычно помещаются вне поля данного уровня языка, приводя к возникновению синкатегорематических или случайных выражений. Например, в одном и том же случае, при стуке в дверь, когда на вопрос «Кто там?» разные люди отвечают «Мы», в каждом случае понятно по голосу, времени суток, ожидаемому гостю, и т.п., кто это. Другими словами, понятно по контексту вне уровня языка, в котором всегда произносится «мы». Что касается знака, как такового, он может быть выражением значения, или может выполнять функцию указания на другое своим ассоциативным характером.

- **Различия между знаками и знаковыми категориями**

Соединительные связи между знаками являются формализацией отношений, такие связи в свою очередь являются знаками. Когда знаки теряют свое значение по причине культурного сдвига, они обычно считаются символами.

- **Знаковая функция символов и аллегорий**

Когда символу придается условная значимость, и он принимается в оперативном смысле, он превращается в знак. Аллегории также иногда выполняют знаковые функции.

- **Аллегории**

Аллегории являются пластически трансформированными повествованиями, в которых, фиксируется разнообразное или имеется увеличение аллюзией, но в них так же абстрактное делается конкретным. Мультипликативная природа аллегорий связана с ассоциативным процессом сознания.

- **Ассоциативные законы аллегорий**

Сходство руководит сознанием, когда оно ищет подобное данному объекту; *соседство* – когда оно ищет свойственное данному объекту или что есть было или будет в контакте с ним; *контраст* – когда сознание ищет то, что противостоит или находится в диалектическом отношении с данным объектом.

- **Ситуационный элемент аллегорий**

Аллегория динамична и рассказывает о ситуациях, связанных с индивидуальным разумом (мечты, рассказы, искусство, патология, мистика), коллективным психизмом (рассказы, искусство, фольклор, мифы и религии), и людьми разных эпох сталкиваясь с природой и историей.

- **Функции и типы аллегорий**

Аллегория повествует о ситуациях, компенсируя трудности полного понимания. Когда индивид фиксирует ситуацию аллегорически, становится возможным косвенно оперировать реальными ситуациями.

- **«Климат» аллегорий и система идеации**

В аллегории эмоциональный фактор не зависит от репрезентации. Климат является частью системы идеации и раскрывает её значение сознанию. Аллегория не признает линейного времени или то как структурировано пространство состоянием бодрствования.

- **Система напряжений и аллегория как разгрузка**

Смех, плач, любовь или агрессивная конфронтация все являются средством разгрузки внутренних

напряжений. Конкретные аллегории выполняют функцию провокации этих типов разгрузки.

➤ **Композиция аллегии**

Контейнеры (охрана, защита или помещение того, что внутри них), содержание (то, что включено в границы контейнера); соединения (сущности, которые облегчают или затрудняют связь между контейнерами или между контейнером и содержанием); атрибуты (явные, когда они выделяются и скрытые, когда замаскированы). В аллегии делается акцент на уровнях (важность, иерархии), текстурах (качество и что означает качество объекта), и моментах процесса (возраст). Аллегии представляются сознанию динамичной и большой способностью трансформации, инверсии, экспансии и редукции.

Чтобы полностью интерпретировать аллегорическую систему, хорошо пронаблюдать план работы, который начинается с отделения символических и знаковых компонентов. Далее следует постараться понять функцию, выполняемую каждым рассматриваемым элементом и происхождение сырого материала аллегии (касается ли дело культурных объектов, или смеси памяти, грез или онейрических образов).

Поведение

Мы видели психизм как координатора отношений между разными средами: внутренней средой тела и внешней или окружающей средой. Психизм получает информацию из обеих сред через чувства; он хранит опыт в памяти и через центры осуществляет согласование. Согласование между средами, это то что мы называем «поведением», и рассматриваем его как особый случай выражения психизма. Основными механизмами поведения являются инстинкты самосохранения, сохранения вида и интенциональные тенденции.

Поведение структурируется на основе врожденных качеств биологической структуры, к которой принадлежит индивид и обретенных качеств, схематизированных на базе опыта проб и ошибок, с сопутствующими регистрами удовольствия и неудовольствия. Врожденные качества настраивают биологическое состояние индивида, координатор полагается на эти врожденные свойства и не может изолировать их без ущерба. Эта биологическая база обладает инерцией, выраженной в сохранении и достижении состояний, подходящих для ее расширения.

Обретенные свойства возникают из личного обучения, когда психофизическая структура вымещает себя во времени и пространстве. Обучение модифицирует поведение в отношении к опыту проб и ошибок. Эти испытания дают возможности улучшения адаптации индивида, достигаемой минимальным сопротивлением среды, минимальным усилием работы и минимальным потреблением энергии. Эта форма адаптации дает избыток энергии (свободную энергию), которую можно использовать в новых шагах к нарастающей адаптации.

В каждом процессе адаптации психофизическая структура ориентируется через индикаторы удовольствия- неудовольствия. Неудовольствие конфигурируется как сигнал опасности для жизни, токсичности, подавления, или в целом, вредного для психофизической структуры. Удовольствие стимулирует и мотивирует психизм и в то же время показывает оптимальное направление поведения. С другой стороны опыты поведения ограничивают возможности психизма, возможности тела и возможности, предлагаемые обстоятельствами. Ограничения психизма расширяются на основе обретенных качеств, но телесные ограничения не могут расширяться в таком же соотношении, они увеличиваются с возрастом. Это не означает, что тело не обладает всеми способностями для эффективной работы в среде. Скорее тело налагает ограничения и условия, которые не могут игнорироваться психизмом без вреда для себя. В отношениях между психизмом, телом и средой, тело будет выполнять свои объектные операции с большим или меньшим успехом. В первом случае произойдет адаптация, а во втором, неадаптация.

• **Центры как специализации ответов**

Простой, оригинальный механизм стимул –ответ является чрезвычайно сложным в человеческой структуре, одной из характеристик которого является «замедленный ответ», который отличается от «рефлексного ответа» вмешательством координационных цепей и возможностью проведения ответа

по разным центрам нейроэндокринной деятельности. Центры работают структурно друг с другом и со своими регистрами и одновременно с общим регистром, имеющимся у координатора; и это возможно благодаря информации, поступающей от внутренних чувств в момент действия в среде, а так же взаимосвязи между центрами и координатором.

➤ **Вегетативный центр**

Каждое живое существо, на основе «программы» его организма, его генетических кодов, ассимилирует субстанции из внешней среды и генерирует психофизическую энергию, необходимую для сохранения и развития жизни. В человеке вегетативный центр распределяет энергию, посылая инструкции из своих многочисленных нервных и железистых локализаций. Следовательно, это основной центр психизма, из которого действуют инстинкты самосохранения и сохранения вида, регулируя сон, голод и половую жизнь. В основном, сигналы, которые дают инструкции (информацию) этому центру, регистрируются сенестетически, но и сигналы, поступающие от внешних чувств, также могут мобилизовать или ингибировать его.

➤ **Сексуальный центр**

Это коллектор и распределитель энергии, который функционирует посредством переменных концентрации и диффузии, мобилизуя психофизическую энергию локализовано или диффузно. Его работа как произвольна, так и непроизвольна. Есть сенестетический регистр напряжения в этом центре, а также распределения энергии в другие центры. Снижение напряжения происходит разрядкой, присущей этому центру и посредством разрядки через другие центры. Он также может собрать напряжения от других центров, от всего тела. Сексуально-вегетативная структура является филогенетической основой, начиная с которой, другие центры организовались в эволюционном процессе адаптации.

➤ **Моторный центр**

Действует как регулятор внешних рефлексов – как условных так и безусловных – и привычек движения. Придает телу способность перемещать себя в пространстве. Работает с мышечными напряжениями и расслаблениями, которые активируются посредством нервных и химических сигналов.

➤ **Эмоциональный центр**

Это регулятор и синтезатор ситуационных ответов посредством своей работы сцепления или отторжения. Когда из эмоционального центра поступает «наплыв» ответов, это приводит к альтерации в синхронизации других центров, вызванной частичной блокировкой.

➤ **Интеллектуальный центр**

Реагирует на основе механизмов абстракции, классификации и ассоциации. Работает с отбором или смещением в диапазоне от идей до разных форм воображения – направляемого или дивагационного – и способен разрабатывать различные символические, знаковые и аллегорические формы. Когда неправильные ответы из этого центра переходят через границы своего региона, они производят замешательство в остальной структуре и, следовательно, в поведении.

➤ **Структуральность работы центров**

Скорость ответа к среде может быть разной, находясь в прямой пропорции к сложности центра. Интеллект разрабатывает медленный ответ, эмоция и мотричность – более быстрые, а вегетативный центр (в некоторых своих выражениях, таких, как короткий рефлекс) демонстрирует самую быструю скорость реакции. Работа центров структуральна, что подтверждается сопутствующими явлениями в других центрах, когда один из них играет главную роль. Пример: интеллектуальная деятельность сопровождается положительным эмоциональным тоном («любовь к учебе»), который помогает сохранить интерес, в то время как моторный уровень работы сведен к минимуму. Во время вегетативного восстановления (от болезни, например), вся энергия занята этой задачей и работа других центров сведена к минимуму.

Центры могут работать несинхронно, что приводит к ошибке в реакции. Есть сенестетический регистр и психологическое восприятие структурной работы центров и поэтому в случаях большого внутреннего конфликта, работа центров регистрируется как противоречие между мыслью, чувством и действием.

➤ **Характерология**

Разнообразные тенденции людей, их разные физические конфигурации, разнообразие действий, с которым они реагируют на мир, делают очень сложной задачу классификации характеров, основанной на общих чертах. Исследование такого типа должно принимать во внимание, что ситуации, в которых бывают индивиды в среде – динамичны и переменчивы; что индивиды приобретают опыт в ходе жизни и могут пострадать от случайностей, которые могут принести глубокие трансформации в поведении. Возможная «Характерология» должна уделить внимание комбинации врожденного и приобретенного. Врожденные наклонности, которые также подвержены изменению, отражаются в более или менее типичных позициях души и формах тела. С другой стороны, эта типичность будет результатом доминирования работы одного центра над работой других, характерной для него скорости отклика и направления энергии, но это может модифицироваться в зависимости от структуры ситуации. То есть можно также установить ситуационную типологию, так как одни и те же основные типы обнаруживают разные ответы. Эпохальная культура, ситуация в обществе, тип повседневной задачи и т.п. добавляются к основному типу и все это конфигурирует то, что мы называем личностью.

• **Циклы психизма**

Человеческий психизм, обладающий заметной сложностью, имеет своими предшественниками другие органические формы, с обусловленными природой макроциклами, как время года, переход от ночи к дню. Многочисленные вариации изменяют внутренние и внешние условия психизма. Существуют вариации температуры, освещения, также климатических изменений, присущих каждому времени года. Все организмы в большей или меньшей степени подвержены детерминизму природных циклов. Человек не так как другие виды подвержен условиям органической цикличности и его психизм достигает изменений и всевозрастающей независимости. Очень ясный пример – занятие сексом, которое в противоположность другим видам, не зависит от сезонных циклов.

В механизмах сознания есть другие ритмы, как показано разнообразными биоэлектрическими разрядами, показанными на электроэнцефалограмме. Центры обладают своими особыми ритмами и уровни сознания обладают очевидными рабочими циклами. Когда бодрствование завершает свою дневную работу, оно «снижает» свою деятельность для входа в период сна. Таким образом период сна компенсирует период работы бодрствования. Метаболические циклы и общие вегетативные ритмы оперируют внутри механики разных уровней сознания.

Главный цикл человека определен периодом жизни, который завершается, при прохождении человеком через разные экзистенциальные стадии: рождение, детство, отрочество, юность, первая и вторая зрелость, старение, старость и смерть. В каждой стадии имеется трансформация психизма согласно с органическими нуждами, интересами, возможностями, предлагаемыми средой и т.п. Наконец, психосоматические циклы и ритмы показывают важные модификации в соответствии с изменениями направления, которые происходят в момент начала и конца каждой жизненной стадии.

• **Ответы миру как структурные компенсации**

Сознание перед миром стремится компенсировать его структурно, посредством комплексной системы ответов. Некоторые ответы достигают объектного мира напрямую (выраженные центрами), другие остаются в сознании и достигают мира косвенно через проявления поведения. Эти компенсации, произведенные сознанием имеют тенденцию сбалансировать внутренний мир по отношению к внешнему. Такая связь устанавливается согласно потребности, когда индивид ощущает давление ответить комплексному миру – естественному, человеческому, социальному, культурному, техническому и т.п. «Ядро грез» возникает как важный компенсаторный ответ, а «вторичные грезы» - как специфические ответы на потребности индивида. Грезы могут быть отчетливо представлены как образы; не столько ядро, которое воспринимается как аллюзивный «климат», конфигурирующееся со временем с возрастающей мощью направлять склонности человека, его личные устремления. На этой стадии, когда ядро грез изнашивается, когда оно перестает направлять психизм, можно наблюдать формы и образы, которые оно приняло. По этой причине ядро легче регистрировать в начале и в конце процесса его развития, но не в середине, когда оно сильнее всего направляет психическую деятельность. Парадокс возникает в том, что человек неспособен осознать то, что сильнее всего направляет его поведение, так как ядро работает как фон, отвечающий суммирующее на

многочисленные запросы повседневной жизни.

Ядро грез руководит склонностями, идеалами и иллюзиями, которые меняются на каждой стадии жизни. Вслед за этими изменениями или вариациями в ядре, существование ориентируется в других направлениях, и сопутствующим образом происходят изменения в личности. Это ядро изнашивается у индивида таким же образом, как изнашиваются эпохальные грезы, которые управляли всем обществом. Хотя с одной стороны ядро дает общий ответ на требования среды, с другой оно компенсирует основные дефекты и недостатки личности, налагая некоторый отпечаток на направление поведения. Это направление может быть утяжелено в зависимости от того, следует оно или нет линии нарастающей адаптации. Грезы и ядро налагают свою силу внушения на сознание, создавая характерную блокировку критики и самокритики, присущей уровням суб-бодрствования. По этой причине любая прямая конфронтация или противостояние внушению ядра грез бесполезны, так как они просто приведут к усилению принуждения. Возможность изменить направление в эволюционной линии лежит в создании постепенных модификаций. Ядро может регрессировать или фиксироваться. В первом случае, психизм возвращается к предыдущим стадиям, усиливая диссонанс между процессами и ситуацией в среде. Во втором случае, когда ядро фиксируется, индивид постепенно отчуждается от среды, его поведение не настраивается на динамику событий.

Ядро грез приводит человека к преследованию миражей, которые, если не реализуются, принесут болезненные состояния (разочарования), в то время как частичные исполнения приносят приятные ощущения. Таким образом, мы раскрыли, что грезы и их ядро лежат в основе психологического страдания. Именно в больших неудачах – когда рушатся ожидания и меркнут миражи – возникает возможность нового направления в жизни. В такой ситуации выявляется «узел боли» - биографический узел, от которого так долго страдало сознание.

➤ Личность

Системы ответа (нет изолированных ответов) организуют личность, посредника со средой, который играет разные роли как кодифицированные системы ответа, чтобы совершенствовать свою динамику.

Личность выполняет точную функцию: она ищет наименьшее сопротивление в среде. Эта организация ролей, которые позволяют меньшие сложности в отношениях со средой, кодифицируется на основе обучения пробами и ошибками. Накопление поведенческого опыта организует систему ролей, связанных с ситуациями, в которых некоторые роли появляются, а другие – скрыты. Этот частный случай удачно иллюстрирует систему адаптации. Со временем то, что мы называем «кругами личности» организуются в разные уровни глубины. Эти круги структурируются согласно инструкциям грез и наиболее посещаемых сред. Теперь в этой игре ролей, которые предлагают наименьшее сопротивление среде, роли могут, а могут и нет, приспосабливаться к условиям, принятому общему мнению, и соответственно давать типичные или нетипичные ответы. Типичные ответы кодифицируются не только индивидом, но также широкими социальными группами, так что, когда в этих группах возникает ответ, отличающийся от привычного, может случиться недоразумение. Такое может прежде всего произойти в новых ситуациях, для которых нет кодифицированного ответа. Ответ, данный в таких ситуациях, может быть либо уместным, либо неуместным. Таким образом, появляются нетипичные ответы, которые могут не подходить к ситуации, а степень их неадекватности может быть оценена. Типичные ответы, хотя они могут быть адекватными в среде стабильной и относительно неизменной, не будут таковыми в меняющейся среде, чья динамика изменяет традиции, ценности и т.д.. Временами типичность ответов может быть препятствием для адаптации к изменениям. Есть другие нетипичные проявления, которые действуют как катарсис напряжений или проявляют негативные эмоции в форме катарсиса климатов. Оба эти нетипичные ответы проявляются как результат давления внутренних импульсов, которые выражаются в ситуациях, с которыми напряжения не обязательно совпадают. В этом случае, напряжения и климаты действуют как ситуационный шум, который резко врывается в среду.

С точки зрения нарастающей адаптации, представляют интерес те типы поведения, которые предлагают множественные виды ответов, - ситуация, позволяющая сберечь энергию, необходимую для новых шагов в адаптации. Следовательно, будут ответы нарастающей адаптации, но также будут ответы снижающейся адаптации. Такое возможно, как в случаях с атипичными ответами, так и типичными ответами, с присущими им различными степенями своевременности. Таким образом, некоторое поведение может выполнить или не выполнить адаптивную функцию.

Мы можем рассмотреть изменения в поведении как значительные или обстоятельственные.

Изменение будет значительным, если новая ориентация следует в направлении эволюционной линии; или обстоятельством, если оно только замещает роль, идеологию, расширяет круги личности, является кульминацией или упадком в грезах и т.д.. Ни одно из последних не указывает на важное внутреннее изменение. С более общей точки зрения, есть значительные изменения поведения, когда психическая ступень опустошена, потому, что содержание, действительное в одной ступени (с характерными для нее темой и модальностью дискурса) постепенно изнашивается и окончательно истощено. Психизм тогда ориентируется на новую ступень, как комплексный ответ по отношению к миру.

Поведение это индикатор изменений, представляющих интерес. Многие решения или планы измениться остаются замкнутыми в психизме и по этой причине не показывают никакого преобразования; в то время как когда они выражаются в действительных изменениях в поведении, это происходит потому, что некоторое изменение произошло в структуре сознание-мир.

Приложение: Физиологические основы психизма

• Чувства

Чувства составляют границы нейроэндокринной системы и приспособлены для отсылки информационных сигналов относительно внутренней и внешней среды к центрам обработки, координации и ответа. Информативная специализация этой информации создается клетками (или группами клеток), преобразователями энергии среды, обладающими свойством перерабатывать разнородные импульсы, поступающие к ним извне, в однородные импульсы, общие для любого типа чувства. Формы энергии, которые достигают этих рецепторов, бывают разного типа: механическая энергия (давление или контакт), электромагнитная энергия (свет или тепло), химическая энергия (запах, вкус, содержание углекислого газа в крови). Эти формы разнородной энергии уже прошли начальную стадию переработки и были преобразованы в нервный импульс, который достигает информационных центров в виде «битов» (сигналов). Они отличаются друг от друга по частоте сигнала и молчанию. Есть многочисленные рецепторные клетки по классу и их преобразовательной деятельности, к настоящему времени установлено около 30 разных типов, каждый структурирован по-особому и обуславливает то, что называется «чувствами».

Энергетические переменные среды, однако, намного более многочисленны, чем количество чувств, способных их собирать; в случае со зрением – рецептором принимается и узнается лишь 1/70 электромагнитного спектра в качестве видимого света. Этот случай показывает, каким образом рецепторы являются специализациями ограниченного выявления феномена и отсюда происходят огромные диапазоны молчания для аппарата восприятия. Здесь мы определяем еще 6 случаев (слух, запах, вкус, осязание, кинестезия и сенестезия), и отсюда проистекает огромный диапазон молчания восприятия, если мы добавим недостаточность каждого чувства. Важно рассмотреть рецепторы в связи с дистанцией от источника передачи (т.е. телерецепция, экстероцепция, интероцепция, и т.д.); распределением рецепторов в теле; сенсорными путями, по которым путешествуют однородные импульсы; и центрами переработки и координации, куда поступают эти однородные импульсы. Там они еще раз дифференцируются и результатом становится «информативный опыт», который позволяет аппарату совершать различения восприятия, чтобы затем работать со структурами ответа, адекватными выявленной «порции» мира. Мы называем «диапазоном восприятия» особую форму энергии, к которой рецептор наиболее чувствителен. Например: адекватным стимулом для рецепторных клеток глаза является свет; давление особенно схватывается другим видом рецептора, но давление на глазное яблоко также будет стимулировать рецепторы света. Это означает, что есть специфические и неспецифические диапазоны у каждого типа рецептора, которые при определенных условиях могут значительно расширить или сузить свои пороги.

Также необходимо различать диапазон (относящийся к качеству феномена) и пороги (относящиеся к количеству или интенсивности феномена). Эти пороги работают с минимальными уровнями выявления и максимальными переменными отклонения. Каждое чувство организовано [в данном Приложении] с учетом нижеследующего:

1. Орган: включает минимальное анатомо-физиологическое описание органа или рецепторов в зависимости от случая.
2. Механика: описывает упрощенно возможные форм работы рецептора после трансформации энергии, исходящей из среды, в нервный импульс.
3. Нервный путь и локализация: кратко указывает на путь, по которому следуют импульсы до того, как достичь пункта назначения в соответствующей зоне коры головного мозга.

Вышеуказанное действительно для внешних чувств. Что касается внутренних чувств (кинестезия и сенестезия), в связи с их особенностями даются небольшие пояснительные вариации.

➤ Зрение

Орган: глаза - сложные, чувствительные к свету органы. С учетом местоположения, они дают людям возможность трехмерного видения объектов. Это 3-мерное видение, конечно, интегрировано в систему перцепционной интерпретации, которая значительно более сложна, чем сам орган. Снабженные прямыми и косыми мышцами, глаза обладают амплитудой движения около 180 градусов. Уже некоторое время глаз аллегорически описывается как фотоаппарат: система «линз» (роговица и хрусталик) фокусирует образы на фоточувствительном слое (сетчатка), расположенном на внутренней

стороне глаза; веки и радужная оболочка дополняют систему защиты и регуляции (на манер диафрагмы в случае с радужной оболочкой) интенсивности света, получаемого рецепторами.

Механика: принято считать, что радужная оболочка это тонкая пленка, состоящая из нескольких слоев нервных клеток. Свет проходит через эти клетки, пока не достигнет фоторецепторов. Последние сгруппированы в два основных вида: а) толстые тела, или колбочки сетчатки, которые прежде всего сконцентрированы в центре радужной оболочки (форвея), и которые предполагаются подавать информацию о цвете, легче всего работая при ярком свете; и б) тонкие тела, называемые «палочками», большинство из которых сконцентрировано в периферии радужной оболочки. Последние более многочисленны, чем колбочки и более чувствительны к полутьме; возможно поставляют информацию о контрастном сопоставлении. Как колбочки, так и палочки включают пигменты, которые возможно при поглощении разных типов света, изменяются по своей молекулярной структуре. Это изменение кажется связанным с тем нервным импульсом, который отсылается в мозг.

Нервный путь и локализация: внешний импульс, преобразовавшись в нервный импульс, путешествует по оптическому нерву, поступает после промежуточных стадий в затылочную часть коры головного мозга обоих полушарий.

➤ Слух

Орган: звуковые волны, проникающие через каналы внешнего уха, бьют по среднему уху, или барабанной перепонке, которая передает вибрации трем косточкам, расположенным в среднем ухе. Косточки, выступая в роли рычагов, усиливают полученные вибрации в 10-15 раз и передают их в улитковую жидкость, где они преобразуются в нервные импульсы (внутреннее ухо).

Механика: улитка, или раковина улитки, разделена внутренне и по длине двумя мембранами, формируя три туннеля, или лестницы, которые содержат разную жидкость. Вибрация, переданная в форме давления разнообразной интенсивности, производимого косточками, когда они провоцируют разнообразные сгибания в мембранах, активируют рецепторные клетки (цилиарные или реснитчатые клетки), расположенные над одной из мембран (базиллярной мембраной). Эта активация возможно приводит к разнице электрического потенциала и стимуляции нервных окончаний, которые несут импульсы в мозг.

Нервный путь и локализация: окончания нервных волокон, распределенных в базиллярной мембране, формируют слуховую ветвь слухового нерва, который проводит нервные импульсы в верхнюю часть височной доли, проходя через промежуточные стадии, включая продолговатый мозг и таламус.

➤ Обоняние

Орган: обонятельная мембрана, поверхностная площадь которой около 5 квадратных сантиметров, расположена в верхней части носовой полости. Пахучие молекулы переносятся по воздуху, который поступает по носовым ходам или глотке, и растворяются в выделениях поддерживающих клеток мембраны. Среди этих клеток расположено от 10 до 20 миллионов рецепторов, каждый из которых является нейроном.

Механика: рецепторные нейроны оканчиваются в верхней части слизистой оболочки расширенными окончаниями (обонятельными палочками), от которых протягиваются реснички длиной около 2 микрон. Неизвестно, как пахучие молекулы реагируют с рецепторами, но существует много гипотез на этот счет. Нервный импульс, который генерируется, передается рецепторами, которые оканчиваются в обонятельной луковице, расположенной над каждой ноздрей.

Нервный путь и локализация: в каждой обонятельной луковице нейронные окончания формируют клубочки, откуда ответвляются 3 пучка нервного волокна, оканчивающиеся в противоположной обонятельной луковице, в лимбической системе и обонятельной зоне лимбической коры (аллокортексе) соответственно.

➤ Вкус

Орган: органы вкуса, или вкусовые сосочки, - маленькие тела, сформированные поддерживающими клетками и волосковыми клетками (рецепторами). Они сконцентрированы прежде всего в стенках вкусовых сосочков, расположенных на задней части языка.

Механика: вкусовые рецепторы (волосковые клетки) являются хеморецепторами, реагирующими на субстанции, растворенные в жидкостях рта. Как молекулы в растворе взаимодействуют с молекулами рецепторов, чтобы произвести нервный импульс – неизвестно, но существует много гипотез. Есть 4 вкусовых ощущения, регистрируемых в разных областях языка: сладкое и солёное на кончике, кислое по краям и горькое сзади. Вкусовые сосочки в каждой из областей, кажется, не отличаются по клеточной структуре, но некоторые из них, в зависимости от того в какой области они находятся, возможно ответят только на горький стимул, другие – только на солёный и т.п.

Нервный путь и локализация: нервные импульсы исходят от вкусовых сосочков, проходят по 3 нервным путям, проходят через продолговатый мозг и таламус и доходят до зоны вкусовой проекции в коре головного мозга в основании построландической извилины.

➤ **Осязание**

Орган: рецепторы этого чувства расположены на разных уровнях кожи. Они более сконцентрированы в некоторых областях тела и менее сконцентрированы в других, таким образом, определяя разные степени чувствительности. Эти рецепторы являются нервными специализациями, которые, кажется, по-разному оснащены для различения вариаций температур, давления, контакта и боли.

Механика: вариации в стимуле сопровождаются вариацией частоты нервных импульсов, непрерывно посылаемых рецепторами по нервному волокну. Эта вариация частоты импульса является результатом невыясненного электрохимического процесса, запускаемого стимуляцией.

Нервный путь и локализация: волокна, от рецепторов восходят по медуллярным пучкам к таламусу и оттуда к соматосенсорной коре (построландической извилине).

➤ **Кинестезия**

Орган: кинестетическое чувство выявляет положение тела и движения через специализированные рецепторы, которые, кажется, имеют способность различать вариации мышечного тонуса (в мышечных пучках); положения суставов (мышечные тельца); напряжения сухожилий и линейного и углового ускорения головы и тела, включая феномены, производимые притяжением (по рецепторам, заложенным в костных полукружных каналах костного лабиринта, сферическом мешочке и овальном мешочке перепончатого лабиринта внутреннего уха).

Механика: когда движение происходит или прекращается, рецепторы (проприоцепторы) регистрируют вариации в тоне. Посредством неясной электрохимической системы, они преобразуют первичный стимул в вариацию импульсов, которые проводятся как информация.

Нервный путь и локализация: чувствительные нервы передают импульсы по спинному хребту в мозжечок и кору головного мозга; некоторые нервные ветви ведут к чувствительному уровню, другие - к моторной локализации коры головного мозга.

➤ **Сенестезия**

Механика: некоторые вариации во внутренней среде подхватываются набором нервных рецепторов, называемых «интероцепторами». Подаваемая ими психическая информация обычно регистрируется искаженно (деформация и перевод импульсов). Тем не менее эти малюсенькие органы (рецепторы) связаны с точками автоматической вегетативной координации (гипоталамус, таламус и продолговатый мозг). Они в основном, вмешиваются в респираторные, сердечно-сосудистые и температурные регуляции и в целом побуждают тело удовлетворять свои нужды, переводя «голод» (артериовенозная разница в содержании сахара в крови), «жажду» (осмотическое давление плазмы), и «боль». Висцеральная боль, как например, глубокая соматическая боль, инициирует рефлекторные сокращения рядом расположенных скелетных мышц, а эти сокращения в свою очередь производят боль, создавая порочный круг. С другой стороны, возбуждение внутренних органов часто производит боль не в самих себе, а в другой структуре, которая может быть расположена на некотором расстоянии. Эта «связанная» боль имеет много вариантов или форм иррадиации. Вариации в сексуальной экономии также регистрируются сенестетически.

Нервный путь и локализация: чувствительные нервные волокна достигают центральной нервной системы по симпатическим и парасимпатическим путям. Кортикальная зона приема охватывает почти всю старую кору (лимбическую долю) и часть древней коры, сохраняя специализированные связи с другими областями. Теория конвергенции пытается объяснить случай «связанной боли», упомянутой

выше: существует конвергенция висцеральных и соматических афферентных волокон, которые работают по одинаковым спинно-таламическим нейронам. Так как соматическая боль более распространена и «записала» отсылочный путь, импульсы, поступающие из висцеральных областей, «проецируются» на соматические области. В общем, это будет случай ошибочной интерпретации сигнала.

• **Память**

В сфере памяти физиологические исследования сделали значительный прогресс, но эксперименты не были достаточно коррелированы (1975 г.). По этой причине еще предстоит представить удовлетворительное объяснение для физиологических описаний. Следует отметить значимость результатов, обретенных благодаря электроэнцефалографии; применению электродов к мозгу; наблюдению гиппокампа и работам в рефлексологии. Однако, природа стабильной реминисценции еще не раскрыта. Прогресс в сфере генетики более важен. С раскрытием участия ДНК в генетической памяти, в настоящий момент идут исследования нескольких основных аминокислот, которые участвуют в этом явлении. В общих чертах, и с учетом настоящей стадии исследований, мы можем установить следующую классификацию памяти: 1) генетическая или наследственная (передачей черт одного и того же вида от предшественника потомку); и 2) индивидуальная, или обретенная память. В первом типе памяти, генетический код помимо сохранения индивида внутри одного вида, регулирует органические изменения в различных жизненно важных стадиях индивида. Обретенная память, с другой стороны, развивается в разных слоях глубины, в соответствии с ходом времени, от старейшей к более недавней, и непосредственной памяти. Немногое можно добавить, разве что у нее нет точной мозговой локализации.

Диапазон действия: диапазон записи идентичен радиусу чувств (после изменения в сенсорном тоне происходит запись информации), и радиусу действия сознания на его различных уровнях. Принято считать, что все, что поступает в сознание, или, что производится им, запоминается, даже если потом не вспоминается. Теоретически единственное время, когда нет записи – пассивный глубокий сон (без сновидений), с минимальной сенестезией.

Нервная локализация: принято считать, что, кажется, нет точной локализации, но скорее она диффузна по нервной системе, в которой референция осуществляется с «низкими и высокими» уровнями расположения мнемонических треков. Под первым понимается продолговатый мозг и лимбическая система, под вторым – кора в ее ассоциативных сферах – лобной, височной и затылочно-теменной. Стимуляция височных зон позволяет нам сделать вывод, что память не хранится там; скорее в этой доле функционируют «ключи» для освобождения воспоминаний, хранящихся где-либо в нервной системе, обычно работающие на основе сходства между воспоминанием и сенсорным импульсом или потоком мыслей. С другой стороны, сферы языка, зрения и письма, кажется, осуществляют особую запись вместе с особой работой. Кажется, что жизненно важная значимость коры для памяти и важность гиппокампа для «записи» были экспериментально доказаны. Известно, что в случае повреждения одного полушария (от которого остались следы), другое продолжает регенерировать память, хотя и неполностью. Следовательно, предполагается, что память диффузна и распространена по головному мозгу и стволу части мозга.

➤ **Уровни памяти**

Если есть наследуемая информация, может быть и уровень генетической памяти, и если есть обретаемая информация, есть обретаемая память. Обретаемая память, в свою очередь имеет 3 уровня. В зависимости от момента и длительности записи: немедленная память, недавняя память и память на отдаленные события. Наследственность имеет биохимическую основу в клеточных хромосомах, которые передают генетические черты от предшественников потомкам. Можно упомянуть 22 основные аминокислоты, которые ответственны за «генетический код». Немедленная память чувствительна к быстрой потере, не так – недавняя память. Память на отдаленные события удерживается после серьезной травмы мозга. В экспериментах, отслеживавшихся энцефалограммами, было замечено, что гиппокамп участвует в недавней памяти; гипоталамус в сохранении и удержании памяти, а ткань гиппокампа - в длительной памяти. С другой стороны, клиническая терапия рассказывает о таких случаях, как антероградная (послешоковая) амнезия, ретроградная (предшоковая) амнезия и комбинированная ретроантероградная амнезия (забывание событий до, во

время и после шока). В любом случае, на память на отдаленные события трудно повлиять, по крайней мере, в ее основных очертаниях. Восстановление памяти постепенно. Сначала появляются изолированные образы, которые постепенно обретают полноту, до тех пор, пока не появляются акты узнавания, которые проявляют постоянство. Природа палимнезического осознания совершенно неясна, но ее сопротивление электрошоку и сотрясению заставляет предположить, что в ее основе биохимическое изменение в ядре клетки в РНК. Использование лекарств, которые способствуют запоминанию или записыванию, таких как кофеин, никотин, амфетамин или которые ингибируют память, таких как пуромидин, указывают на химические изменения. Наконец, мозговая электрография прослеживает электрические волны клеточной работы, подтверждая, что у явления электрохимическая основа.

➤ **Механизмы памяти**

Некоторые нейронные связи, кажется, объясняют непосредственный и недавний уровни реверберацией - т.е. усилением записи, побочной ассоциацией и забыванием. Это потому что нисходящие аксоны основных пирамидальных клеток испускают коллатерали, которые производят ответную реакцию по ассоциированным нейронам к начальным дендритам. Вдобавок, периодические коллатерали связываются с соседними нейронами, которые ассоциируют другую информацию, и с ингибиторной, который они возвращают к изначальному нейрону. Эти глубокие ткани получают специфические и неспецифические таламические волокна, которые заканчиваются в первом и четвертом слоях коры.

Есть индикаторы участия гиппокампа в недавней памяти и шифровке памяти, чтобы в гиппокампе осталось «воспоминание», которое распределится по анатомическим связям замкнутой цепи, которая помимо таламуса и миндалины, включает лобные зоны коры головного мозга. Информация может поступить сюда, затем следует распределение в коре и ее окончательное хранение, имея в виду упоминание важности лобовой доли для задач абстракции и также ее связь с эмоциональным поведением. Таким образом должны быть «коллектор», «распределители» и «хранитель» информации. Что касается таламуса, он соединяется с ретикулярной формацией. По этой формации проходят специфические (или классические) и неспецифические пути, несущие информацию, которая будет распределена в коре. Это было бы прямой сенсорной цепью или памятью, которая была бы тесно связана с уровнями работы нервной системы и могла бы объяснить лучшую запись памяти в состоянии бодрствования. Диффузия, которая могла бы совершиться через таламус (возбуждение ретикулярной формации), было бы непрямым путем, основанным на лимбической системе, которая придала бы эмоциональный субстрат всей мнемической деятельности. Гипотеза вокруг специфической диффузии, которую могла бы произвести ретикулярная формация, объяснила бы чрезвычайно разнообразное распределение стимулов. Взаимосвязь между долями объяснила бы возможные комбинации, на которые может быть воздействие (например, лобовая с затылочной и височной; и так как осязание и зрение связаны в височной, феномен стереогноза был бы основой для типа запоминания вместе с переводом импульсов). Проблематичным моментом является кодировка и различение данных: поступает ли образ в память или он формируется там и записывается? На этот вопрос в настоящее время трудно ответить. «Внутренняя цепь» заставляет индивида думать и вспоминать свои мысли или вспоминать образы из снов и мечтаний. Эти импульсы родились бы в неокортексе, например, и передачей аксонов (белое вещество), он мог бы связаться с другими зонами коры; или таламус и ретикулярное вещество также могут вмешаться. Как будет рассмотрено далее (уровни сознания), участие последнего необходимо для активации и сохранения бодрствования – уровня, незаменимого для комплексного обучения.

➤ **Обратимость в памяти**

Что касается обратимости механизмов, ясности нет; однако, необходимость уровня бодрствования ясна. Здесь присутствует синхронизация между достаточной степенью внешней перцепции (которая прогрессивно снижается к уровню сна, где присутствует рост внутренней перцепции вместе с воображением, являющимся преобразователем импульсов) и спонтанной и произвольной информацией из памяти. Эвокация, следовательно, возможно лишь в бодрствовании. Можно предположить, что информация, достигнув места хранения, возбуждает воспоминание в то же время, когда происходит запись, что объяснило бы автоматическое узнавание (т.е. внезапное узнавание всех привычных предметов последовательной выработкой рефлекса). Наконец, эвокация работает по

«преференциальным путям» - то есть, по путям, дорожка которых создается последовательно.

➤ Память и обучение

Известно, что для простых типов обучения достаточно продолговатого мозга, но в более сложном обучении участвуют подкорковые образования головного мозга, а при больших объемах хранения – кора. Обучение понимается, как выработка условного рефлекса в том смысле, что при определенных повторяющихся условиях человек или животное отвечает так, как был научен. В случае с человеком это не так просто из-за его сложных механизмов понимания и осмысления. Но в любом случае, обучение чему-то требует повторения мнемического впечатления так, чтобы позднее он возник как ответ. В процессах памяти и обучения есть разные случаи, как декодировка сигналов, чтобы удержать в памяти понятие, или ассоциация с подобными, смежными или контрастирующими образами; простые моторные рефлексы, которые повторяются и ассоциируются с другими, все эти формы создают возможность для многочисленных комбинаций. Основная механика такова: связать безусловный рефлекс (голод, например), с условным стимулом (свет, например) таким образом, чтобы при появлении искусственного стимула проявился условный ответ. В этой простой задаче, сложность которой может возрасти, важна краткость или повторение условного рефлекса, настоятельность, которая ведет к насыщению или блокировке. Когда рефлексы направлены на что-то конкретное, мы говорим об «отдельных рефлексах»; когда они обусловлены для быстрого ответа, мы говорим о «немедленных рефлексах», когда обусловлены для медленного ответа, речь идет о «замедленном рефлексе»

Известно, что обусловленность рефлекса более эффективна, если есть вознаграждение или альтернатива вознаграждение-наказание, удовольствие-неудовольствие. Существует «уклончивый рефлекс», который приводит к избеганию неприятных ситуаций и состояние готовности или бдительности, которое можно рассматривать «ориентационным рефлексом». Когда обусловленность рефлекса нацелена не только на ответ, но также на работу в мире, мы говорим об «оперативном рефлексе». В общем, привыкание и противоречивые стимулы ослабляют рефлекторный ответ. Вначале считалось, что в основе всех рефлексов была кора, но позднее увидели, что работала большая основа подкорковой, таламической и инфраталамической структуры (наблюдения по ЭЭГ). Электроэнцефалографические эксперименты также показали, как в присутствии неизвестного предмета происходило выявление вторичных вызванных ответов. Это, с участием также памяти, делало возможным предположить постоянную деятельность сознания по структурированию.

Отношение между бодрствованием и обучением фундаментально для комплексных записей, но варьируется в других аспектах. Например: внезапное воспоминание может пробудить спящего человека; или, стимул, который автоматически узнается в бодрствовании, не узнается в полусне. Внезапная сенсорная информация может пробудить спящего, но также может пробудить его и исчезновение привычного стимула или заметность одного конкретного стимула среди других. Эти переменные отношения привели к мысли о существовании «анализатора» информации, расположенного в зоне коры так, чтобы делать все необходимые различия. Такой «анализатор» был бы важным фактором в координации психизма.

• Уровни сознания

Головной мозг это аппарат, который отвечает за динамику уровней. Он выполняет работу с разнообразными компонентами, самыми заметными из которых являются:

Чувствительный путь (классический). Пучок нервов, который восходит по стволу, неся сенсорные импульсы напрямую в кору; во время восхождения, он разветвляется в сторону мозжечка и АРФ (активирующая ретикулярная формация), которые обрабатывают информацию, распределяя ее в подкорку прежде, чем отослать ее через таламус также в кору.

Ствол головного мозга. Соединяет спинной мозг (коллектор импульсов со всего организма) с мозгом, который в свою очередь соединяется с мозжечком. Анатомически содержит ретикулярную формацию, а функционально – центры, которые регулируют вегетативные функции, такие как сердцебиение, дыхание и пищеварение.

Активирующая ретикулярная формация (АРФ). Не составляет анатомической части, скорее является массой тканей, сформированной тонкой сетью волокон и нейронов структур, которые значительно отличаются между собой. Они расположены продольно в центре ствола и среднем мозге. Все волокна,

которые поступают от чувств, проходят через АРФ, которая в свою очередь соединяет все части подкорки (через гипоталамус) и коры (через таламус). Анализирует и оценивает сенсорную информацию. В комбинации с другими подкорковыми центрами она передает «неспецифические» (сенсорные) импульсы, которые модифицируют реактивность коры. Для нас представляет интерес, что она является центром тяжести переменной цепи уровней сознания.

Гипоталамус. Располагаясь над стволом, он является нервно-эндокринным ядром, соединенным с корой через таламус и с гипофизом через многочисленные капилляры и нервные волокна. Ими формируется структура нейрогормональной интерстимуляции, через которую гипоталамус интегрирует и координирует разнообразные автономные вегетативные функции. Она координирует информацию (особенно сенестетическую информацию) среди разнообразных энцефалических зон.

Гипофиз. Эндокринная железа, состоящая из передней доли гипофиза, промежуточной части (обе состоят из железистой ткани) и задней доли гипофиза (состоящей из нервной ткани), каждая из которых выполняет различные функции. Он стимулируется и регулируется гипоталамическими гормонами. Через гипоталамус (обратная связь) он соединяется с мозжечком и в общем нервной системой. С другой стороны он регулирует и контролирует всю гормональную систему через кровь (и более конкретно, стимулирует щитовидную железу, гонады и надпочечники, и такие функции, как рост, диурез, сосудистое давление и другие).

Таламус. Это передатчик информации, поступающей из корки и подкорки. Центр контроля и интеграции импульсов и подъемник напряжения.

Лимбическая система. Старая система нервных регионов, расположенная в подкорке, место эмоциональных функций и жизненно важных функций, как питание, вегетативная функция в целом и частично сексуальная функция. Структура эмоционально-вегетативных функций является объяснением для психосоматики. Она включает помимо прочих важных структур гипоталамус.

Кора. Самый внешний слой мозга (2мм толщиной) или серое вещество (нейронные тела). Контролирует лимбический центр, ощущения, и движение в целом (моторная локализация) и является основой «высшей мыслительной функции» (интеллектуальной), благодаря мультисвязанным локализациям контроля ответа и координации, основанным на восстановлении настоящей сенсорной информации и информации из памяти. Подкорка охватывает лимбическую систему, гипоталамус, таламус и средний мозг. Белое вещество является массой соединительных волокон (аксонов) между подкоркой и корой (серым веществом).

➤ **Функционирование уровней сознания**

Нервная система получает информацию об изменениях во внутренней и внешней средах через органы чувств. С учетом этих изменений, она совершает настройку через механизмы, которые являются производителями ответа, включая изменения в секреции гормонов, и эти механизмы выражаются посредством действий центров.

По нейронным цепям различные чувствительные пути переносят импульсы от органов чувств к специфическим местам интерпретации и координации в коре головного мозга. Помимо этих проводниковых систем, есть другая вводная система – активирующая ретикулярная формация (АРФ) – проводник-модулятор импульсов, которые поступают от всех чувств (неспецифическое поведение), которая расположена в центральной оси ствола головного мозга. Модуляция сенсорных импульсов будет связана с нашей темой – уровни сознания. Первым свидетельством того, что мозг (церебральная масса) регулирует производство сенсорных импульсов или их передачу по специфическим путям, было наблюдение, что стимуляция АРФ ингибирует передачу в разнообразных ядрах и сенсорных нервных путях.

Это продемонстрировало существование мозговых механизмов, которые способны увеличить или снизить объемы сенсорного участия посредством воздействия на их пути или на сами органы чувств. Дополнительное воздействие на сенсорное участие было замечено в экспериментах по электрической стимуляции АРФ, при котором происходил выпуск адреналина, что снижает пороги рецептора и увеличивает способность нервной передачи (в синапсах), механизм, который также присутствует в состояниях тревоги или критического положения.

В то же время, более сложные эксперименты раскрыли вторую функцию АРФ, когда было замечено, что ее активность сохраняется в состоянии бодрствования, а ее ингибция или разрушение указывали на сон или кому. С определением регулирующей и модулирующей деятельности АРФ над подачей и

распределением сенсорных импульсов в мозг, выяснилась их центральная роль в сохранении - или ингибировании – мозговой (корковой) деятельности, характерной для уровня бодрствования.

Наконец, к вышесказанному добавляется похожая деятельность АРФ над стимулами ответа, которые поступают из мозга к телу. Эти стимулы также проходят по АРФ и получают «способствование» или «подавление», в зависимости от уровня. Таким образом, еще более проясняется роль АРФ в сохранении инерции каждого уровня и отражении стимулов, которые изменили бы уровень.

В результате АРФ проявляет себя как центр тяжести в регулировании различных уровней сознания. Уровни в свою очередь соответствуют степеням возрастающей интеграции функций центральной нервной системы, которые координируют и регулируют сенсорную систему, автономную систему и другие органические системы совместно с системой желез. Такие функции, найденные в коре, представлены структурами возрастающей сложности, варьируются от примитивных автономных вегетативных локализаций до лимбической эмоциональной и интеллектуальной локализации в коре. Каждый интегрированный фрагмент или уровень будет соответствовать новому уровню сознания.

Как мы знаем, в принципе этими уровнями могут быть сон, полусон и бодрствование. Благодаря ЭЭГ мы можем иметь регистр электрической активности, которую производит каждый из них, называя их «дельта», «тета», «альфа» и «бета» соответственно в зависимости от их интенсивности и амплитуды. Эти состояния подвержены ежедневным циклам (в основном зависящим от света) и вегетативным биоритмам, а также варьируются с возрастом. Вкратце, в соответствии с сенсорной информацией о среде, внутреннем состоянии организма и гормонального подкрепления, возникают разные уровни деятельности и интеграции ретикулярных функций, чтобы сохранить состояние готовности в бодрствовании; функций лимбической-среднемозговой цепи, которые вмешиваются в сохранение вегетативного (гомеостазного) равновесия и регуляцию инстинктивного и эмоционального поведения; и, наконец, коры, отвечающей за так-называемые высшие функции нервной системы, например, обучение и язык.

В нейрофизиологическом отношении, уровни сознания соответствуют разным уровням работы центральной нервной системы, которые определяются интеграцией более и более сложных нервных функций, координирующих и регулирующих периферийную и автономную нервную систему и другие органические системы в целом через систему желез. В динамике уровней сознания этот промежуточный фактор амплитуды в работе, выполняемой нервной системой, соединяется с внешним фактором, сообщающимся особенностями сенсорных импульсов, и синтетическим внутренним фактором, сообщающимся «пропускной способностью» нервов. Электрическая активность мозга (отражение его уровня работы) флуктуирует между 1 циклом в сек. (состояние дельты) в случае сна, до максимально неопределенной частоты, в данном случае рассматриваемой как функциональный предел 30 циклов в сек. (состояние бета), соответствующий активному бодрствованию.

Рабочий диапазон. Каждый уровень работы (состояния тета, дельта, альфа и бета) соответствует преобладающему или более высокому проценту присутствующего типа частоты (волны) и микронапряжения в сравнении с другими. Наконец, эти уровни в общем подвержены дневным циклам, которыми обычно являются сон, полусон и бодрствование. Следует отметить, что с возрастом меняется доминирующая в покое волна, ускоряясь до тех пор, пока она не достигнет модели альфа у взрослого.

➤ **Афферентные пути**

Сенсорный стимул производит импульсы, которые совместно достигают коры по АРФ и сенсорным путям. Эти импульсы медленно следуют по АРФ (в связи с ее многочисленными синаптическими переключателями) до тех пор, пока не достигнут обширных зон коры, а те, которые следуют по сенсорным путям, распространяются очень быстро (только от 2 до 4 синапсов) к специфическим первичным областям коры. Стимулы, которые производят пробуждение (синхронизации) в коре, часто производят гиперсинхронию в лимбической системе (особенно в гиппокампе). Нет необходимости говорить, что снижение сенсорных стимулов (темнота, тишина) предрасполагают ко сну; что системы напряжений и климатов осложняют его (например, присутствие адреналина); что низкий тонус (усталость, например) приводят к нему. В любом случае, следует рассматривать действие стимула (с точки зрения уровней сознания) количественно и качественно. Следует рассматривать следующее как качественные характеристики сенсорных афферентных импульсов: их природа или специфичность (рецептор), их частота, продолжительность, расширение и потенциал действия. Затем сенсорные импульсы, которые восходят по специфическим путям, также достигают АРФ при восхождении,

которая модулирует и регулирует их согласно их текущему состоянию деятельности. С другой стороны, общая химическая информация поступает через поток крови, достигая АРФ, равно как и остальных нервных и железистых структур мозга.

а) *Сон*. Когда ингибируется АРФ (с сопутствующим низким общим вегетативным тонусом, невысокой активностью нейромедиатора и импульсами низкой интенсивности и/или низкого качества), она также оказывает ингибиторное действие на структуры мозга, особенно кору. Вдобавок АРФ действует подавляюще или ингибирующе на восходящие сенсорные импульсы (и в некоторых случаях, на сами сенсорные органы), определяя доминирование внутренней (сенестетической) информации над внешней информацией (из среды).

Пассивный сон. На этом уровне подавляющее действие АРФ блокирует корковую и лимбическую функции и снижает функцию других подкорковых структур, сокращая работу мозга до его самых примитивных функций. Это соответствует уровню сна без образов с низкочастотным рисунком дельты на ЭЭГ. В сумме, этот уровень интегрирует стволотомозговую- лимбическую цепь, в которой импульсы не возбуждают кору.

Активный сон. С постоянными, протяженными интервалами задействуется таламическо-корковая цепь, добавляясь к предыдущему интервалу и производя короткие периоды сна с грезами, которые, в свою очередь, создают пояса времени деятельности (десинхронизацию) в дельта волнах, узнаваемую внешне, по быстрому движению глаз (БДГ).

б) *Полусон*. Промежуточный прогрессирующий уровень, в котором активируется АРФ, растормаживая подкорковые структуры и постепенно интегрируясь в лимбическую систему и кору. Этот эффект усиливается устанавливающейся обратной связью с гипоталамусом-корой. Одновременно разблокирует специфические сенсорные пути, что создает нестабильный баланс между внешней и внутренней информацией и увеличивает работу мозга, начиная с момента прохождения или «пробуждения». Рисунок ЭЭГ – высокая частота и низкое напряжение называется тета. Все структуры мозга интегрированы, но уровень их активности неполон, а нервная пропускная способность (синоптическая) все еще относительна.

в) *Бодрствование*. АРФ интегрирует и «способствует» сенсорным и ассоциативным импульсам, сохраняя состояние возбуждения коры, которая доминирует над функциями подкорки, так же как и импульсы из внешней среды доминируют над внутренними чувствами. Пропускная способность значительно возросла. Хотя ослаблена, подкорковая активность продолжается, что объяснит отчасти основу многочисленных психологических феноменов, например, грезы и ядро грез.

➤ Трансформация импульсов

Мозг представляет разные уровни, которые можно систематизировать следующим образом:

а) *Центр тяжести цепи*: АРФ, которая модулирует и регулирует неспецифическим способом поступления сенсорных и ассоциативных импульсов, возбудимость коры и эфферентный ответ.

б) *Координатор стимулов*: кора, которая в основном оперирует как локализация моторных и интеллектуальных функций, и подкорка, которая работает как локализация вегетативных (инстинктивных) и эмоциональных (поведенческих) функций. Они преобразуют специфические комплексные импульсы и связывают их, вырабатывая ответно-эффекторные импульсы, которые также специфичны и комплексны.

в) *Процессоры стимулов*: ствол мозга, мозжечок и средний мозг – нервное ядро сосредоточения импульсов, которое совершает первую простую обработку, вырабатывая рефлексные автономные ответы, которые также просты. Другие нервные структуры, кажется, являются просто связующими путями, проводящими импульсы. Это: ствол и средний мозг (в их волокнистых отделах), таламус и белое вещество. Специфические пути позволяют на корочном уровне различить сенсорное восприятие (интеллектуальную функцию, как таковую), в то время, как АРФ выполняет функции, связанные с уровнем сознания, среди которых – «пробуждение», без которого названные функции, сенсорного различения и производство эффективных ответов были бы невозможны.

➤ Эфферентные пути

Импульсы, поступающие из различных точек мозга, также проходят через АРФ в ее нисходящей части, которая регулирует и моделирует импульсы согласно их состоянию деятельности. Другие

эфферентные пути даются гипофизом и потоком крови и прямыми волокнами гипоталамуса как соединительным клапаном мозга с железистой системой и организмом в целом для скоординированного осуществления организованных ответов.

а) Сон: в обоих видах сна (пассивном и активном) эфферентные импульсы ингибируются или подавляются АРФ, особенно когда они подрывают функции (моторные, например), которые изменили бы уровень. Мозг из подкорки сохраняет вегетативные и основные функции в латентном состоянии при минимальном ритме, соответствующем данному моменту энергетической регенерации и восстановления.

б) Полусон: самая заметная эфферентная вариация в этом случае та, которая соответствует моменту пробуждения, в который мозг отсылает стимулы, значительно активизирующие все органические функции, увеличивая общий объем нервной циркуляции. Здесь участвуют два основных химических механизма: массиванный разряд адреналина (который в обратной связи активизирует всю способность мозга к нервной передаче и особенно в АРФ), и изменение в соотношении натрия-калия.

в) Бодрствование: «корковый заряд», производимый АРФ на этом уровне, ее действие как «способника» и интеграция всех функций центральной нервной системы, освобождают эфферентные мозговые стимулы, которые по описанным путям сохраняют функции, присущие этому состоянию, последние будут выражаться всеми центрами в знакомых формах. Показательно: замечено, что когда внимание концентрируется на конкретном предмете, запускаются некоторые модулирующие механизмы ретикулярной формации. Результатом, отчасти, является, что сужение поля присутствия в этом случае вызвано фактом, что некоторые входящие стимулы «выключаются» до того, как достигнут коры. Аналогично, существуют многие другие случаи контроля центральным мозгом сенсорного участия (кинестезия, например). Также внутри системы готовности есть корочные области, которые (преобразуя и координируя импульсы памяти) испускают импульсы ответа, которые провоцируют пробуждение после растормаживания АРФ, но не производят никакого движения.

➤ Химический (нейрогормональный) аспект механики уровней

Эндокринная система регулирует и координирует разнообразные функции организма через гормоны, выделяемые железами в поток крови. Участие желез в феномене уровней сознания регулируется из гипоталамуса (нейрожелезы), церебральной локализации вегетативного центра. Гипоталамус действует опосредованно через гипофиз, а в случаях, как тревога или критическое положение, он обходится без гипофиза, напрямую посылая эфферентные импульсы в железы, участвующие в выработке ответов, требуемых ситуацией среды. Самый значительный случай это двойная цепь безопасности, которую он устанавливает с надпочечниками при выделении адреналина. Щитовидная железа (тироксин) и гонады кажутся вторичными в этой системе. Это отношение с гормональной системой будут нам интересно с точки зрения ее участия в детерминантной деятельности мозга в уровнях сознания. Мы далее рассматриваем субстанции, которые работают напрямую по различным мозговым структурам и/или проводимость соединительных волокон. Когда мы рассматриваем эти субстанции в их действии в качестве синаптических посредников и их степень концентрации в различных структурах мозга, мы получаем иную точку зрения. Модификации в балансе натрия-калия, уровня сахара в крови (инсулином), метаболизме кальция и выделениях щитовидной железы и околощитовидной железы, среди прочего, кажется, обеспечивают обратную связь жизненной важности для динамики уровней сознания. Падение уровня глюкозы, кальция, калия и снижение присутствия адреналина, все они связаны с заметными функциональными нарушениями внутри каждого уровня, и в крайних случаях создают умственное и эмоциональное напряжение. Напротив, их сбалансированный метаболизм будет соответствовать адекватной интеграции работы каждого уровня. С другой стороны (и как вторичные аспекты), замечено, что любому повышению кровяного давления соответствует увеличивающаяся возбудимость ретикулярной формации и, следовательно, ее активизирующей функции. Одновременно, есть совпадение между подъемом уровня (ретикулярной и общей мозговой активации) и поступлением кислорода, которое максимально в момент пробуждения.

• Центры

Неврологические «кнопки управления» расположены в основном там, что мы называем спинномозговым аппаратом, который состоит из мозговой массы и спинного мозга. Важно участие эндокринной системы, которое в таких соединениях, как связь между гипоталамусом и гипофизом,

определяет близкое отношение между обеими системами. Однако в этой работе, акцентируется неврологическое действие. Если мы рассматриваем чувства, как обладающие общим свойством «принесения» информации из среды (будь-то внешней или внутренней), затем центры становятся структурными системами ответа, даже если одна из них доминирует перед данным стимулом. Таким образом, тесная эмоциональная-вегетативная-сексуальная связь будет означать, что хотя одна из них может работать, доминируя над другими, другие также будут включены. Эндокринный аспект будет превалировать над всеми в системах медленного ответа, поддерживая свою деятельность инерционно, помимо сохранения постоянного уровня деятельности, который будет мобилизован в возрастающем или нисходящем направлении, в зависимости от возможности и типа требуемого ответа, и всегда в связи с нервной системой. Эта последняя будет обладать особенностями быстрого ответа и будет иметь тенденцию быстро разрушать или восстанавливать баланс.

Ссылаясь теперь на «центры контроля», мы можем разбить их на три группы согласно их локализации: с чисто корковыми локализациями, с подкорковыми, и со смешанными локализациями. Таким образом, мы находим интеллектуальный центр в коре, вегетативный и эмоциональный – в подкорке, а моторный и сексуальный – и в коре и в подкорке. Порядок рассмотрения таков: вегетативный, сексуальный, моторный, эмоциональный и интеллектуальный.

➤ Вегетативный центр

Диапазон работы: с точки зрения его деятельности, мы различаем: регуляцию температуры, рефлексы жажды и голода; реакции защиты и регенерации; регуляцию пищеварительной, дыхательной и кровеносной систем; и метаболическую деятельность функций движения и воспроизводства.

Орган: в основном, гипоталамус. Он состоит из разнообразных ядер и расположен в стволовом мозге, под таламусом. Вблизи и под ним расположен гипофиз – железа, с которой он связан непосредственно.

Афферентные пути, трансформация, эфферентные пути:

а) Афферентные пути: гипоталамус получает от ретикулярной формации, гиппокампа, миндалин, таламуса, хрусталикового ядра, обонятельной луковицы и нервных волокон с сенсорными импульсами.

б) Трансформация: мы берем в качестве примера рефлекс «мочеиспускания»: когда гипоталамус регистрирует снижение концентрации $ClNa$ в крови посредством осморорецепторов и хеморецепторов, он увеличивает производство вырабатываемого супраоптическими ядрами гипоталамуса антидиуретического гормона (АДГ), который также хранится нейрогипофизом. Когда названный гормон выпускается в поток крови, происходят реакции в почке, что способствует удержанию воды. Другой пример: при падении концентрации кортикола и кортикостерона в потоке крови, гипоталамус стимулирует выпуск АКТГ из аденогипофиза. В свою очередь, АКТГ стимулирует выпуск глюкокортикоида надпочечной железой.

в) Эфферентные пути: в комплиментации с гипофизом и посредством его, через поток крови к щитовидной железе, коре надпочечника и гонадам. Посредством нервных путей к мозговому слою надпочечника и через гипоталамические-ретикулярные волокна, к ретикулярной формации наружного покрова, а оттуда к моторному ядру луковицы и медуллярным моторным нейронам. К гипофизу от супраоптического ядра.

Обобщение: мы в основном считаем вегетативный центр регулятором жизненных функций, который оперирует механизмами равновесия и серворегуляции.

➤ Сексуальный центр

Диапазон работы: что касается его деятельности, мы связываем сексуальный центр с половым актом как таковым, как соответствующим «заряду и разряду».

Орган: важными точками являются: гонады, спинной центр, структура гипоталамуса-гипофиза и корковая локализация в затылочной доле.

Афферентные пути, трансформация, Эфферентные пути

а) Афферентные пути: 1) пути диффузного тактильного происхождения, охватывающие эрогенные зоны и прикосновение в целом; 2) пути генитального аппарата, которые также тактильны, но

концентрированного и точного типа; 3) путь, который охватывает сенсорно-перцептивные, мнемонические, корково-подкорково-сенестетические ассоциативные стимулы. Первые два отчасти составляют короткий спинной рефлекс, и помимо этого, проходят по спинному мозгу, проходя через таламус и ретикулярную формацию, следуя дальше в кору. Афферентные пути эндокринного типа: эти пути связаны с производством и сохранением постоянной посредством циклического уровня выделения сексуального гормона, мобилизуемого своевременно. Здесь гипоталамус-гипофизогонады (при участии других желез) конфигурируют структуру основных секреторных элементов.

б) Трансформация – комплексные по характеру с участием следующего: 1) короткий медуллярный рефлекс; 2) деятельность медуллярных моторных нейронов, которые создают более длительные рефлексы, объединенные с предыдущим типом; 3) нервные пересечения на подкорочном уровне; 4) корковые проекции и их взаимосвязи.

в) Эфферентные пути: можно рассматривать две возможности: 1) сам половой акт; 2) когда происходит оплодотворение и следует процесс созревания плода. Здесь мы рассмотрим первый случай. Поступая из корко-подкорковой взаимосвязи, пучки из автономной системы нисходят по спинному мозгу, который возбуждает генитальный аппарат, способствуя петле обратной связи стимул-трансформация-возбуждение, с одновременным увеличением активности до тех пор, пока она не достигнет порога терпимости, в случае чего происходит разрядка.

Обобщение: мы определяем, что сексуальный центр работает внутри механизмов репродуктивной функции. У индивида эта деятельность является выражением видового инстинкта сохранения с его механизмами: половой акт, оплодотворение, развитие плода и рождение.

➤ Моторный центр

Диапазон работы: мобильность индивида в пространстве, которая состоит из произвольных и непроизвольных движений, в которых работают скелетная и мышечная системы, координируемые нервной системой.

Орган: моторный центр, который координирует эту работу, находится на уровне: а) коры в предлобных долях коры, центр произвольных движений; б) спинного мозга, выступающего центром непроизвольных движений, коротких рефлекторных дуг и соединением между рецепторами и корой; г) мозжечка, который координирует движения (баланс).

Афферентные пути, трансформация, эфферентные пути:

На начальном уровне мы будем изучать систему коротких рефлексов.

а) Афферентные пути: от рецептора по чувствительному волокну к ганглия предспинномозгового, который работает в качестве повторно напрягающей мышцы, к продолговатому мозгу, где происходит первая трансформация.

б) Эфферентные пути: от продолговатого мозга к ганглия пост-спинномозгового и по нейромоторному волокну к эффектору. Во втором уровне мы находим: от рецептора через афферентный путь к продолговатому мозгу; оттуда по нейромоторным волокнам (пирамидальные и экстрапирамидальные пучки) к коре, проходя через мозжечок. Вторая трансформация происходит в корковых местоположениях и уходит по эфферентным путям к гипоталамусу, связанному с гипофизом, к продолговатому мозгу, а оттуда к эффектору, в данном случае – мышцам.

Обобщение: моторный центр - трансформатор электронервных сенсорных стимулов, который дает индивиду ответ мобильности для приспособления и выживания.

➤ Эмоциональный центр

Диапазон работы: соответствует тому, что привычно узнается как эмоции, настроения, страсть (с ее моторными включениями) и интуиция. Выступает как «симпатии» или «антипатии», которые сопровождают любую деятельность.

Орган: мы находим основную активность в лимбическом центре, который расположен в заднем мозговом пузыре или обонятельной доле мозга (септальном ядре гипоталамуса), переднем ядре таламуса, парагиппокампальной извилине, передней части гиппокамуса и амигдале.

Афферентные пути, трансформация, эфферентные пути

а) Афферентные пути: основными афферентными путями являются обонятельный путь, который соединяется напрямую с амигдалой, и сенсорные волокна, которые поступают в лимбический центр

через ретикулярную формацию. Также волокна, которые поступают из коры, лобной и височной долей и гиппокампа, достигают амигдалы. Из обонятельной луковицы, одна из ее ветвей поступает к мембране.

б) Трансформация: афферентные стимулы (импульсы) производят хемозлектрические модификации в лимбическом центре, в ответ на которые возникает немедленная висцерально-соматическая модификация (структурное отношение с гипоталамусом), включая корковые зоны. В свою очередь, деятельность лимбического центра интегрирует структурное эмоционально-вегетативно-сексуальное выражение.

в) Эфферентные пути: эти модификации не только выражаются внутренне на хемозлектрическом и гормональном уровнях, но и модифицируют также поведенческую деятельность индивида. Элемент, в котором это ясно выражается – моторная деятельность. Вдобавок, от лимбического центра волокна проецируются через гипоталамус, отсылаются к автономным луковичным центрам и ретикулярной формации ствола мозга и отсюда по соматическим моторным нейронам возбуждаются соответствующие органы и также мышцы.

Обобщение: деятельность эмоционального центра может быть определена как «синтетическая» - интегрирующая не только специфические зоны ее нейрогормональными свойствами, но также элементы вегетативной и сексуальной работы. Его локализация и связи (таламус-гипоталамус-ретикулярная формация) позволяют нам понимать его диффузную работу даже в случаях «неэмоциональных» особенностей, и продолжительной работы после изначального импульса.

➤ Интеллектуальный центр

Диапазон работы: обучающая деятельность в общем, связи между данными, выработка ответов (выше реактивных ответов), взаимодействие стимулов из разных источников.

Орган: Мы находим этот центр в коре головного мозга, состоящим из серого вещества. Он обычно разделен на три слоя изнутри наружу: старая кора (филогенетически старейший слой), древняя кора (промежуточный слой), неокортекс (самый недавний слой). Поверхностно его разделяют в соответствии с четырьмя мозговыми долями: лобовая, в передней части, теменная, в средней верхней части, височная, в средней нижней части, и затылочная, в задней части.

Афферентные пути, трансформация, эфферентные пути:

а) Афферентные пути: основными афферентными путями являются те, которые составляют чувствительные пути, и они афферентны к тому, что называется сенсорной коркой, которая доминирует в теменной и затылочной долях и, в меньшей степени, в височной и лобовой долях. Афферентны следующие: таламус, гиппокамп, гипоталамус, ретикулярная формация и мозжечок.

б) Трансформация: мы получаем представление об этом пункте, пронаблюдав за взаимосвязями коры. В общих чертах, мы находим одну из комплексных функций в теменной доле в случае стереогнозиса (тактильное узнавание без зрения), при котором требуется адекватный прием стимула (передача). Эта информация синтезируется и сравнивается с похожими предшествовавшими сенсорно-мнемоническими дорожками с целью узнать данный предмет.

в) Эфферентные пути: помимо межкорковых связей, эфферентные пути обычно направлены к подкорке и в основном к хвостатым ядрам; бугру и мозжечку; среднему мозгу; таламусу; ретикулярной формации и сосцевидным телам (гипоталамус).

Обобщение: Мы замечаем в этом центре максимальную специализацию в человеке в сравнении с другими млекопитающими и другими видами. Его основная функция ассоциации и разработки вместе с особенностью откладывать ответ на стимулы кажется должна дать общее представление об этом центре.

Психология II

Это конспект, подготовленный участниками бесед, проводимых Сило в Лас-Пальмас (Канарские острова), в середине августа 1976 года. Некоторые отрывки сохраняют разговорный стиль бесед, отмечая существенную разницу между этим материалом и «Психологией I». С другой стороны, эта работа вновь обращается к темам «Психологии I», на этот раз пересматривая их в свете теорий импульсов и пространства репрезентации.

Три пути человеческого опыта: ощущение, образ и воспоминание

Личный опыт возникает из ощущения, воображения и воспоминания. Несомненно, мы также можем признать иллюзорные ощущения, иллюзорные образы и иллюзорные воспоминания. Даже «я» формируется благодаря ощущениям, образам и воспоминаниям, и когда «я» осознаёт себя, оно также задействует эти пути, будь они реальные или иллюзорные. Те же пути распознаются во всех возможных операциях мышления. В любом из них возможно наличие ошибки, иллюзии, но намного сложнее признать иллюзию «я», хотя её можно проверить и доказать.

Тема особого интереса для нас - три пути страдания и то, что регистрирует страдание. Поэтому мы изучим ощущение, образ и воспоминание, а также то, что фиксирует и оперирует с тем материалом, который называется «сознание» (или «координатор»), и который иногда отождествляется с «я». Мы изучим три пути, через которые приходит страдание, а также сознание, регистрирующее страдание.

Через ощущение, воображение и воспоминание переживается боль. Есть что-то, что испытывает эту боль. Это «что-то» определяется как сущность, которая, очевидно, обладает целостностью. Эта целостность, которая регистрирует боль, по существу передаётся разновидностью памяти. Переживание боли сопоставляется с предшествующим опытом. Без памяти нет сравнения, нет сопоставления переживаний.

Причиняющие боль ощущения сопоставляются с предшествующими неприятными ощущениями. Но есть и ещё кое-что: болезненные ощущения также предполагаются, они рассматриваются в момент времени, который еще не наступил – в будущем времени. Если болезненные ощущения воскрешены в памяти, или воображены в будущее время, воспоминания и воображение вызывают и ощущение. Память не может вызывать боль, воображение не может вызывать боль, если только не было ощущения памяти и воображения. Регистрирующий механизм у человека срабатывает не только через непосредственные первичные ощущения, но и через память. И через воображение также возникает ощущение. Следовательно, ощущение вторгается в область памяти и в область воображения. Ощущение охватывает все возможности той структуры, которая испытывает боль. Всё действует с помощью ощущения, и с помощью чего-то, что испытывает; чего-то, что регистрирует это ощущение. Называется ли оно, более конкретно, ощущением как таковым, памятью ли, или воображением, в его основе всегда – выявление стимула; и то, что регистрирует этот стимул, находится в другой крайности этой взаимосвязи.

Между стимулом и тем, что регистрирует этот стимул, получим сформированную начальную структуру. И, по-видимому, эта структура будет функционировать так, чтобы избежать болезненных стимулов. Стимулы появляются и что-то регистрирует их; стимулы запоминаются; появляются новые ситуации, а структура действует так, чтобы избежать новых стимулов, связанных с прежней информацией. Стимул доходит до места, которое воспринимает его, и из этого места идёт ответ на стимул. Если стимул болезненный, ответной реакцией будет стараться его ослабить. Если же стимул не болезненный, а переживается как приятный, ответная реакция будет стараться сохранить его. Как если бы боль нуждалась в мгновении, а удовольствие -- в вечности. Как будто для того, что регистрирует, существует проблема времени в отношении к боли и наслаждению. Имеем ли мы дело с болезненными или приятными стимулами, они запоминаются, они сохраняются в том регулирующем время аппарате, который мы называем памятью. Мы называем эти стимулы ощущениями, но они не просто приходят в центр регистрации оттуда, что мы называем внешним миром, но также из внутреннего мира. Мы уже увидели, что боль и удовольствие можно вспоминать и можно воображать. И воспоминание, и воображение их не связаны с внешними ощущениями настолько тесно, как связаны другие, непосредственные, первоначальные ощущения.

Схема проста: поступающий стимул и ответная реакция. Но давайте не будем упрощать настолько, чтобы рассматривать поступающие стимулы как принадлежащие исключительно внешнему миру этой структуры. Если существуют стимулы из внутреннего мира этой структуры, то должны быть и ответные реакции во внутреннем мире этой структуры. Ощущение в общем имеет отношение к регистру, к тому, что поступает в структуру. А воображение же, напротив, имеет отношение к тому, что делает данная структура, чтобы приблизиться к стимулу, если он приятный, или отдалиться от него, если он болезненный. Образ уже предполагает деятельность в отношении стимула, поступающего в структуру. Позже мы поближе рассмотрим функции, выполняемые образом.

Память, вдобавок к тому, что она даёт приятные или болезненные стимулы, также мобилизует воображение, которое, в свою очередь, мобилизует саму структуру в том или ином направлении.

Таким образом, у нас есть поступающий стимул; структура, получающая этот стимул; и ответная реакция, которую выдаёт эта структура. Это очень простая схема: стимул – орган восприятия – центр ответной реакции.

Центр ответной реакции заставляет структуру мобилизоваться при появлении стимула, но не в любом направлении, а в более или менее предпочтительном; и мы признаём различные виды деятельности для ответа на стимул, различные направления, различные возможности ответной реакции. Поэтому мы различаем возможные центры, которые могут дать возможные ответные реакции различным типам стимулов. Естественно, все эти центры ответной реакции будут в основном мобилизоваться болью или удовольствием, но своей деятельностью они проявляют ответную реакцию по-разному, в зависимости от того, какой центр действует. Назовём область приходящих стимулов «миром ощущений». Назовём то, что выражается по отношению к миру ощущений, «ответной реакцией»; то, что реагирует на область ощущений, назовём центром ответной реакции. Так как реакции многочисленны и дифференцированы и каждая система реакции имеет собственный их набор, проведём различия между разнообразными центрами ответной реакции.

Назовём всю структуру, включающую центр регистрации ощущений и ответную реакцию на поступающие ощущения, - всю эту структуру, явно проявляющую себя, - «поведением». И обнаружим, что это поведение не проявляется каким-либо постоянным способом, но испытывает многочисленные изменения в соответствии с состоянием и моментом, в котором находится структура. Есть моменты, когда структура воспринимает болезненные стимулы с особой остротой. Есть моменты, когда, как кажется, она не воспринимает их вообще. Есть моменты, когда структура, по видимому, изолирована от ощущений, когда, кажется, болезненные ощущения не регистрируются. Вопрос регистрации поступающих ощущений с большей или меньшей интенсивностью, и запуска ответной реакции большей или меньшей интенсивности на поступающие стимулы зависит от общего состояния структуры. Назовём это состояние «уровнем работы» данной структуры. Этот уровень, в соответствии с тем, в каком моменте процесса находится структура, даст ей возможность запускать более быстрые, более интенсивные ответные реакции, или менее интенсивные, приглушённые.

Давайте проверим нашу схему.¹

Немного объясняется утверждением, что человек действует так, чтобы удовлетворить свои потребности. Человек совершает определённые поступки, чтобы избежать боли. Происходит следующее: если эти потребности не удовлетворены, они провоцируют боль. Но нельзя сказать, что кем-то движет абстрактная идея удовлетворения потребностей; если человек действует, то из-за испытываемой боли. Люди часто путают эти понятия. Первичные потребности, не будучи удовлетворёнными, вызывают величайшую боль. Чувство голода столь болезненно, что если оно не удовлетворяется, вызывает сильнейшее напряжение. Например, если над человеком совершено насилие или какая-либо часть его тела обожжена, он испытывает боль, и, конечно, пытается дать ответную реакцию на эту боль, чтобы прекратить её. Это такая же важная потребность, как еда: делать что-то, чтобы помешать болезненному ощущению усилиться. В этом случае человек попытается спастись от того, что подвергает опасности его тело. Иногда человек ощущает болезненные сигналы голода, но он не голоден. Он думает о голоде, который он мог бы испытывать, он думает о голоде, который мог бы испытывать кто-то другой, и это посылает ему болезненные сигналы. Но те болезненные сигналы, которые он воспринимает, - могут ли они быть физической болью? Не совсем. Человек может помнить голод, говорить о страданиях от голода; но он не регистрирует страдания от голода, он регистрирует иной тип боли. Но этот сигнал, полученный им от той боли, может также очень сильно мобилизовать его.

Как через воображение, так и через память, человек может испытывать множество видов боли; также, как и удовольствия. Он знает, что, питаясь, удовлетворяя сиюминутные потребности, достигает определённого расслабления в его структуре. И он понимает, что интересно было бы повторять это расслабление каждый раз, когда напряжение усиливается. Он начинает любить определённые формы питания, он привыкает к определённым переживаниям, расслабляющим его напряжения.

Изучение центров делает возможным дифференцировать деятельность, осуществляемую человеком, главным образом пытаясь удовлетворить его потребности. С другой стороны, уровни работы сознания определяют разные виды этой деятельности; в соответствии с тем, действует ли вся структура в состоянии бодрствования, полусна или сна.

Мы рассматриваем поведение в этой структуре, которое она проявляет перед стимулами, в соответствии с тем, на каком уровне сознания она работает.

¹ Относится к лекциям, прочтенным Сило на о.Корфу в 1975 г. и опубликованным в Психологии I.

Специализация ответных реакций на внешние и внутренние стимулы: центры ответа

Понятие «центров» охватывает работу различных точек тела, которые иногда очень отдалены друг от друга. Другими словами, работа центра ответной реакции вытекает из соотношения между различными точками тела. Если мы будем говорить о моторном центре, то заметим, что он не располагается в определённом месте тела, а напротив, соотносится с действиями многих точек тела. То же самое происходит и в случае процессов, более сложных, чем простая деятельность ответной реакции тела. Если говорить об эмоциях человека, то создаётся впечатление, что есть некая точка, из которой осуществляется управление всеми эмоциями, но это не так. Есть множество точек, которые работают согласованно, вызывая ответную реакцию, которую назовём эмоциональной.

Таким образом, системы, контролирующие выход импульсов ответной реакции в мир, мы называем «центрами ответа». Механизм стимула и рефлекторной ответной реакции становится всё более и более сложным, пока реакция не станет отсроченной, и не вмешаются координационные участки, которые могут направлять ответные реакции, именно, через разные центры. Таким образом, отсроченная ответная реакция пройдёт через многочисленные участки перед тем, как выйдёт во внешний мир.

Мы различаем стимулы, которые поступают от чувств к сознанию, от импульсов, которые поступают из памяти. Во втором случае выполняются многочисленные процессы и, в соответствии со степенью нервного раздражения, вырабатываемого в сознании, выходной сигнал проходит через тот или иной центр. Например: мы ударим по колену и, чтобы двигалась нога, раздражителю не нужно было пройти через сложный аппарат сознания, который, в конечном счёте, выработает сигнал в виде образа, - образа, который ищет соответствующий уровень в системе представления, - и оттуда подействует через соответствующий центр, чтобы запустить ответную реакцию во внешний мир. Верно, что в случае рефлекторной ответной реакции, почти одновременно с ней, и создаётся образ; но стимул проходит непосредственно из органа восприятия в центр. Теперь, взяв сигнал, который оказывается образом, мы можем проследить его трансформацию до тех пор, пока он не достигнет памяти, уже как импульс, чтобы быть зарегистрированным там и затем вернуться в аппарат координации, где создаётся новый образ, и, хотя стимул уже может исчезнуть (когда произошла ответная реакция), из памяти всё ещё может посылаться информация, поддерживая образ, который, в свою очередь, усиливает активность выходного центра.

Между собой центры работают структурно, со своими собственными регистрами (наряду с общим регистром, который имеется у координатора), посредством информации от окружающего мира, поступающей от внешних чувств, так же как и посредством связей между центрами и координатором. Также можно осознавать что происходит с активностью центров, благодаря тому, что выполняя функции ответной реакции, центры также распространяют внутренние сигналы к системе чувств. Так, центры могут продолжать подавать сигналы ответной реакции; они могут прекратить эти сигналы; данный сигнал, достигающий центра, может уйти в сторону и найти другой канал и т.д. благодаря факту, что в процессе выхода происходит также различение сигнала и по направлению к внутреннему механизму, регистрирующему, что же происходит с ответной реакцией. Так, если я «брошу» свою руку в направлении определённого объекта, она либо будет просто качаться в воздухе, либо не сможет достичь объекта; она сможет осуществлять множество ошибок, если у меня не будет внутреннего ощущения её движения в то же время, как я воспринимаю происходящие операции с помощью других чувств. Далее, если мне нужно очень осторожно толкнуть книгу, что лежит передо мной на столе, я должен регулировать импульс руки, потому что если я просчитаюсь, книга может упасть на пол. Более того, сопротивление, которое оказывает книга мне, показывает, какое давление я должен оказать, и это то, что я определяю благодаря ответной реакции. То есть, действие, которое я совершаю над книгой, встречает определённое сопротивление, о чём мне сообщает внутреннее ощущение; благодаря этому внутреннему ощущению я калибрую действие. Так воспринимается ощущение о деятельности центров ответной реакции.

Вегетативный центр – основа психизма, где активизируются инстинкты сохранения индивида и вида, и возбуждённые соответствующими сигналами боли и удовольствия, они мобилизуются для защиты и роста всей структуры. Я не регистрирую эти инстинкты отдельно от определённых сигналов. Эти инстинкты интенсивно проявляются в момент, когда вся структура или её часть подвергаются риску. Вегетативный центр также мобилизуется образами, но образами сенестетического вида. И эти образы поддерживаются состоянием дремоты или усталости, например. Есть сенестетический регистр этого состояния; есть сенестетический регистр того, что позже превратится в чувство голода; есть сенестетический регистр сексуальных рефлексов. Сенестетическое восприятие усиливается в случае болезни, а также в случае отсутствия внешних

ощущений. Этот центр даёт ответные реакции, являющиеся компенсирующими, уравнивающими по отношению к сенестетическим импульсам, поступающим из различных частей структуры. Даже если сенсорный сигнал идёт в вегетативный центр и вызывает ответную реакцию, этот сигнал также может действовать и через память, а из памяти достигать координации и осознавать эти сигналы. Тем не менее, сознание этих сигналов - это не то, что мобилизует ответную реакцию вегетативного центра.

Сексуальный центр – главный приёмник и распределитель энергии, который действует посредством попеременной концентрации и рассеивания, обладая способностью мобилизовывать энергию локально или рассеянно. Его работа произвольна или непроизвольна. И с сексуальным центром происходит то же, что и с вегетативным, специализацией которого, в свою очередь, является сексуальный центр - непосредственная специализация вегетативного центра. Напряжение в этом центре вызывает сильные сенестетические регистры и из него энергия распределяется в остальные центры. Ослабление напряжения в сексуальном центре осуществляется как с помощью разрядки, присущей ему, так и с помощью разрядки посредством других центров, или передачей сигнала сознанию, которое превращает сигнал в образ. Сексуальный центр также может собирать напряжения из тела и из других центров, так как он сильно связан с вегетативной системой, которая принимает сигналы от всех сенестетических импульсов. Вегетативно-сексуальная структура – это основа, на которой организованы все центры, и, как результат, вся система ответных реакций. Это потому, что центры связаны напрямую с инстинктами сохранения индивида и человечества. Этот основополагающий принцип инстинкта поддерживает функционирование всех остальных центров ответной реакции. Если этот принцип ответной реакции (который поддерживает другие системы ответной реакции) нарушится, по всей длине цепи ответных реакций будут отмечены нарушения.

Двигательный центр работает как регулятор внешних рефлексов и моторных навыков. Он позволяет телу перемещаться в пространстве, работая с напряжением и расслаблением.

Эмоциональный центр – регулятор и синтезатор ситуативных ответных реакций в виде сцепления или отторжения. Работой эмоционального центра регистрируется специфическая способность психизма к переживанию ощущений приближения приятного и отдаления от болезненного, без непосредственного участия тела. Может случиться, что внешних объектных ориентиров нет, но ощущение отталкивания или состояние сцепления по-прежнему переживаются, потому как это относится к объектам представления, которые вызывают детонацию эмоционального центра (благодаря появлению образов). Например, нет необходимости убежать, если нет объективной опасности, но можно убежать от «опасности» в собственном представлении.

Интеллектуальный центр реагирует на импульсы механизмов сознания, известных как абстракция, классификация, ассоциация и т. п. Он работает посредством отбора или смешения образов из ряда, идущего от идеи к различным типам воображения, направляемым или случайным, со способностью разрабатывать такие виды ответной реакции, как символические, знаковые и аллегорические образы. И хотя эти образы кажутся абстрактными и “невещественными”, есть внутреннее чувственное восприятие их и возможность запомнить их, проследить за их превращениями и зарегистрировать их правильность или ошибочность.

Ответные реакции в окружающую среду различаются по скорости. Эта скорость пропорциональна сложности центров. Тогда как интеллект вырабатывает медленную реакцию, эмоции и моторика делают это быстрее, внутренняя скорость вегетативной и сексуальной деятельности значительно выше, чем других центров.

Деятельность центров структурна. Это отмечается сопутствованием в других центрах, когда один из них действует как основной. Интеллектуальная работа сопровождается эмоциональным тоном; например, определённая склонность к учёбе, которая помогает в работе. В этом случае (во время учёбы) моторика сведена к минимуму. Это потому, что пока работает интеллектуальный центр, эмоциональный центр поддерживает заряд но в ущерб смежному, двигательному, центру, который стремится оставаться в покое в той мере, насколько усиливается работа интеллектуального. В случае вегетативного восстановления после болезни, человек будет испытывать утомление или слабость, и вся энергия будет направлена на восстановление тела. Вегетативный центр будет работать постоянно, чтобы дать уравнивающие внутренние реакции, а активность других центров будет сведена к минимуму.

Центры могут работать и несогласовано, что также вызывает нарушения в ответной реакции. Возникают противоречия в работе центров, когда ответные реакции не структурированы и центры направляют ответы, противоречащие между собой.

Эти центры, которые мы разделяем, чтобы лучше их осмыслить, действительно работают в структуре, между ними циркулирует психофизическая энергия, или, проще говоря, энергия нервной системы. В

целом, когда в некоторых центрах деятельность усиливается, в других она ослабевает. Это как если бы мы всегда работали с определённым зарядом; тогда, с постоянным количеством заряда, если одни работают больше, другие должны работать меньше. Если человек бежит, двигательный центр работает на пределе, но вегетативный центр должен регулировать внутреннюю деятельность. Эмоциональность даже может быть причиной этого бега. И, в конечном счёте, бегущий человек мог бы осуществлять мыслительную деятельность. Приведём пример: он бежит, потому что кто-то преследует его, и пока он бежит, он пытается понять, куда он может ускользнуть, он ищет способ спастись от того пугающего, что у него за спиной. Таким образом, есть много вещей, которые он может делать, пока бежит. В этом случае, самой значимой деятельностью является двигательная. Энергия интеллекта уменьшается каждый раз, когда работает двигательный центр. В нашем примере довольно трудно убежать, пока кто-то преследует тебя, и в то же время выполнять математические расчёты. В уме не много происходит, пока мобилизован двигательный центр, но это не значит, что его активность полностью исчезает. Энергия практически сводится к нулю в сексуальном центре; а в эмоциональном она участвует, но разными способами, в зависимости от побуждений, вызвавших бег. Если человек выполняет сложные математические расчёты, его вегетативный центр будет стремиться успокоиться. Либо успокоится вегетативный центр, либо прекратится интеллектуальная деятельность. Все эти размышления имеют практическую значимость, т.к. они объясняют, что гиперактивность в одном центре уменьшает активность других центров, в особенности тех, что мы называем смежными. Мы задали порядок центров, говоря об интеллектуальном, эмоциональном, двигательном, сексуальном и вегетативном. Мы считаем смежными те центры, которые, в таком случае, расположены рядом с данным центром. Мы определили что повышенная активность одного центра ослабляет активность других, в особенности, смежных центров. Последнее позволяет нам понять, например, что эмоциональная блокада или сексуальная перегрузка может изменяться из-за определённой активности двигательного центра. Этот двигательный центр действует “катартически” (это первый раз, когда мы используем это слово, позже оно будет использоваться очень часто), разряжая напряжение. Это также объясняет, что негативная деятельность эмоционального центра, например, депрессия (которая является не перегрузкой, а наоборот), заставляет интеллектуальный заряд ослабеть, так же как и двигательный. Позитивный же заряд в том же центре, например, энтузиазм (в отличие от депрессии), может вызвать переполнение эмоционального центра и породить перегрузку смежных – интеллектуальную или двигательную.

Понятно, что когда один центр переполнен и к тому же отдаёт энергию другим, он делает это в ущерб какого-либо другого центра, так как общий энергетический заряд более или менее постоянен. Итак, центр переполняется, от избытка энтузиазма и начинает выбрасывать энергию в смежные центры, но какой-то другой при этом остаётся в проигрыше. В конечном счёте, центр, из которого вытянута вся энергия, и которым пользовались другие центры, оказывается разряженным. Центр окончательно опустошён, и разрядка начинает охватывать и другие центры, пока, наконец, все они не разрядятся. В этом смысле, если мы хотим говорить о центре, который отдаёт энергию во всю структуру, мы должны рассматривать вегетативный центр.

Сексуальный центр – это важный коллектор психофизической энергии. Он оценивает деятельность всех других центров, влияя на них явным или подразумеваемым способом. Поэтому, он будет участвовать даже в высшей деятельности сознания, в самых абстрактных видах деятельности, и будет заставлять сознание исследовать те или иные абстрактные направления, испытывая, тем не менее, особые симпатии и антипатии к ним.

Независимо от стимулов, поступающих из внешнего мира, центры работают с характерными циклами. Когда поступает стимул, обычный ритм центра изменяется, но затем возобновляет свою работу с соответствующей ритмичностью. Эти циклы и ритмы различны и вызывают определённые характерные повторения. Мы признаём дыхательные циклы, циклы кровообращения, пищеварительные циклы. Они относятся к тому же центру, но это не значит, что вегетативный центр имеет только один ритм, скорее, в этом центре есть множество видов деятельности и каждый из них имеет свой собственный ритм. Эти типы ритмов, как и другие, упомянутые нами, известны как короткие циклы. Более того, есть ежедневные циклы, и другие, с большей амплитудой. Есть циклы биологической стадии. Так, ежедневная работа организуется в соответствии с возрастом и нецелесообразно вовлекать пятилетнего ребёнка или восьмидесятилетнего человека в деятельность, подходящую молодёжи.

В заключение мы должны добавить, что деятельность центров регистрируется в определённых точках тела, даже если эти точки не являются центрами. Регистр вегетативного центра, например, это внутреннее ощущение, рассеянное по всему телу. Когда человек ощущает своё тело, он чувствует его везде, а не только в определённой части или области. Регистр секса чувствуется в сексуальном сплетении. Регистр некоторых эмоций чувствуется в сердечном сплетении и в дыхательной области.

Интеллектуальная работа ощущается в голове (говорят: «человек думает головой»). И человек не пугает, что мобилизует деятельность с регистром этой деятельности. Мы называем то, что мобилизует деятельность, «центром», и он обладает рассредоточенной нейроэндокринной основой, тогда как ощущение деятельности центров регистрируется, главным образом, в определённых локализованных точках тела.

Уровни работы сознания. Грезы и ядро грёз.

Вспомним схему, предложенную нами выше: это не более, чем структура, система стимулов и центр, дающий ответную реакцию на эти стимулы. Затем этот центр специализируется в различных сферах; это сферы активности ответной реакции на стимулы. Затем мы выделили различные центры, а также узнали, что центры отличаются по ответным реакциям, не только благодаря разновидностям стимулов, но из-за состояния, в котором они находились. Состояние, в котором центры находились в данный момент, мы назвали «уровнем работы». Уровень работы, следовательно, модулирует деятельность центра по выработке ответных реакций. Если уровень работы высок, ответная реакция в мир более эффективная, более явная. Если уровень работы низкий, ответная реакция менее эффективна.

В этой структуре мы обнаруживаем степень бодрствования, которая благоприятствует активности по отношению к внешнему миру. С другой стороны, мы обнаруживаем состояние сна как уровень, который, вероятно, блокирует ответную реакцию во внешний мир, даже когда стимулы поступают к спящему человеку. Также есть средний уровень – уровень полусна – коридор, через который проходит человек, связываясь и разъединяясь с внешним миром.

Мы говорим об уровнях работы и упоминаем их как внутреннюю подвижность, которой обладает структура сознания, чтобы иметь возможность отвечать на стимулы. Эти уровни имеют свою собственную динамику и не могут рассматриваться как простые отсеки, открытые или закрытые. На самом деле, пока на уровне идёт работа, на других уровнях подвижность продолжается с меньшей энергией. Если мы, например, на уровне бодрствования, уровень сна продолжает работать, хотя и с меньшей активностью. В этом случае есть сильное воздействие со стороны других уровней по отношению к уровню, активному в настоящий момент. Таким образом, существует множество явлений, присущих состоянию бодрствования, на которые оказывают влияние явления других уровней, свойственных состоянию сна, на которые оказывает влияние деятельность других уровней. Эта концепция уровней не как статичных отсеков, но скорее как совокупность рабочих потенциалов в совместной динамике важна для дальнейшего понимания явлений, которые мы назовём «отдачей содержимого», «давления содержимого» и т.п.

Как только появляются нейроэндокринные локализации, регулирующие деятельность человека по выработке ответной реакции (и которые мы определяем как «центры»), также появляются и локализации, регулирующие уровни работы сознания. Фактически, определённые точки посылают сигналы, чтобы вызвать состояние бодрствования, полусна и сна. Эти точки, в свою очередь, получают инструкции от различных частей тела до того как те инициируют приказы, которые приводят к формированию замкнутой системы. Другими словами, когда тело нуждается в ночном отдыхе, оно посылает информацию в определённые точки, которые начинают вырабатывать определённые сигналы, а затем уровень сознания снижается... Мы не хотим вдаваться в физиологические или психофизиологические сложности, наоборот, воспользуемся общими терминами.² Когда определённые вещества начинают накапливаться в теле или когда после рабочего дня появляется усталость в теле, эти накопленные вещества и усталость посылают сигналы в точку, которая накапливает их. А эта точка, принимающая сигналы, начинает посылать сообщения, после чего и понижается уровень сознания. Уровень понижается до тех пор, пока человек не захочет спать и не войдёт в состояние сна, не наступит состояние восстановления системы. Конечно, это вопрос не только восстановления организма с помощью понижения уровня сознания. Понижение уровня сознания сделает возможными многие сложные явления, не только восстановление. Однако, в принципе, можно рассматривать это именно так. В свою очередь, когда отдых оказал восстанавливающий эффект, эти точки начинают посылать сигналы контролирующей точке, которая, в свою очередь, посылает сигналы, чтобы вызвать пробуждение. Внешние стимулы также могут вызывать это явление и вырабатывать повышение уровня, даже если сон не завершил своё восстанавливающее действие. Это довольно очевидно. Человек восстанавливается, отдыхает, но прозвучавший над его ухом выстрел разбудит его. И таким образом работают циклы, проявляя себя, ритмы выражаются в уровнях и имеют собственную ритмику, но когда имеет место явление, разрушающее установленные границы, из центра внутреннего контроля исходит сигнал и начинается

2 См. Приложение о физиологических основах психизма в Психологии I.

пробуждение, выбивающееся из ритма.

На уровне бодрствования мы обнаруживаем оптимальное раскрытие человеческой деятельности. Механизмы мышления работают в полную силу и у человека есть направление и контроль душевной и телесной деятельности во внешнем мире.

На уровне сна, напротив, механизмы мышления оказываются сильно ослабленными, и их контроль над активностью разума и тела практически нулевой. В какие-то моменты сон полностью вегетативный и без сновидений, в другие – он кажется в полной, абсолютной власти вегетативного центра и похоже, что только эта структура работает, давая ответную реакцию на внутренние стимулы. Там нет образов, заполняющих экран сознания, человек находится в состоянии, когда поступает внутренняя информация, и он отвечает на неё также внутри, а вегетативный центр делает всё это с присущим ему автоматизмом. Но затем начинается цикл сна с грёзами, с образами, который позже снова прерывается, и другой период сна без образов начинается. Это происходит каждую ночь. То есть, даже на уровне сна, глубокого сна, мы обнаруживаем полностью вегетативное состояние, без образов, и состояние, в котором образы присутствуют. Всё это имеет свои циклы и ритмы.

Конечно, мы различаем уровни и состояния. Образы в состоянии сна очень быстрые, они несут сильный эмоциональный заряд и очень суггестивны для сознания. Материал для этих образов берётся из повседневной жизни, хотя выражен причудливо. Позже мы увидим, что «причудливо» - не совсем точное слово, коль скоро мы подобрались к теме аллегорического и других типов конформации и онейроидной продукции, мы увидим, что всё это причинено набору законов, которые довольно определённы. Однако пока мы скажем, что эти явления выражены по прихоти. Сон служит для восстановления организма и приведения в порядок массы информации, полученной в течение дня, помимо снятия многочисленных физических и психических типов напряжения.

В состоянии полусна смешаны явления двух других уровней. Человек поднимается из сна до состояния полусна, до того как достигает полного пробуждения. Также с уровня полного бодрствования можно спуститься на уровень полусна в состоянии усталости и подтверждается смешивание уровней. Уровень полусна богат фантазиями и длинными цепочками образов, которые выполняют функцию разрядки внутреннего напряжения.

Грёзы во время бодрствования – это не уровень, а состояние, когда образы, свойственные уровню сна или полусна, прорываются, оказывая давление на сознание. Грёзы проявляют себя в состоянии бодрствования через воздействие с других уровней. Это происходит с целью ослабления напряжения; но грёзы в состоянии бодрствования также служат для компенсации ситуационных трудностей или необходимостей, которые испытывает субъект. Это, в конечном счёте, относится к проблеме боли, и боль является внутренним индикатором и внутренним регистром, который ощущается, когда субъект не может выразиться во внешний мир, и, следовательно, появляются компенсирующие образы. Говоря о фантазировании или мечтании, мы не упоминаем уровень полусна, так как субъект может продолжать осуществлять свою повседневную деятельность механически, “спать, бодрствуя” так сказать. Субъект не погружается в полусон или в глубокий сон, субъект продолжает свою повседневную деятельность, однако, грёзы начинают витать над ним.

Мы замечаем, что рассудок переключается с одного предмета на другой в каждом моменте. Задерживаться на мысли, идее, без проникновения посторонних элементов, то есть других образов, других идей и мыслей становится труднее. Мы называем эти изменчивые содержания сознания «грёзами». *Эти грёзы или отклонения* находятся в зависимости от давления других уровней, а также внешних стимулов, например шумов, запахов, форм, цвета и т. д. и от физических раздражителей, например, напряжения, теплоты, голода, жажды, дискомфорта и т. д. Все эти внутренние и внешние раздражители, все эти стимулы, действуя на других уровнях, проявляются через образы и давят на уровне бодрствования. Грёзы нестабильны и переменчивы и препятствуют работе внимания.

Мы называем «вторичными грёзами» те, что приводятся в действие ежедневно и имеют ситуационный (т.е. временный) характер. Человек, оказавшийся в какой-либо ситуации, подвергается ряду внешних воздействий, и как ответных реакций возникают вторичные грёзы. Он оказывается в другой ситуации и возникают другие вторичные грёзы. Мы считаем эти грёзы вторичными или ситуационными, потому что они появляются как ответ, чтобы компенсировать более-менее определённую ситуацию.

Однако, есть и другие грёзы, более фиксированные и повторяемые, которые, хотя и различаются, обозначают один и тот же душевный климат, душевную «атмосферу». Образы, которые появляются лишь однажды в определённой ситуации, а затем исчезают, совершенно отличаются от других, которые, даже если ситуация изменится, возникают снова и снова. Эти фантазии, не являющиеся вторичными, также по-своему могут изменяться; но они обладают постоянством, - хотя бы только и в аспекте душевного климата, - обладают сходным привкусом. В качестве отступления: обратите

внимание, что слова, которые мы используем, полностью относятся к области ощущений. Мы говорим о «климате», хотя восприятие явления тактильное. Мы говорим о «привкусе», как будто фантазии можно почувствовать на вкус. Позже мы вернёмся к этим особенностям.

Иногда эти самые грезы появляются в фантазиях полусна и ночного сна. Изучение вторичных грез и грез на других уровнях полезно для определения неких постоянных ядер грез, которые являются сильным ориентиром психических тенденций. Другими словами, это жизненно важные тенденции человека, в независимости от условий, навязанных обстоятельствами, которые запускаются с целью добиться той «мечты», той постоянной грезы, которая правит ими. Это фиксированное ядро проявится как образ; этот образ будет обладать свойством ориентировать тело, ориентировать деятельность человека в каком-либо направлении. Образ указывает определённое направление, и вся структура направляется туда.

Ядро грез ориентирует многочисленные тенденции человеческой жизни в одном направлении, на что, очевидно, не обращается внимания в состоянии бодрствования, и многие основания, которые человек выдвигает для каких-либо своих действий, в действительности вызываются ядром. Вследствие этого, изменения в ядре вызывают изменения в ориентации определённых личных тенденций. Человек всегда продолжает искать способы удовлетворить свои потребности, а ядро всегда продолжает влиять на выбранный способ. В других случаях ядро становится фиксированным, он закрепляется за одной стороной жизни, даже если основная деятельность постепенно изменяется. Это ядро грез не визуализируется, скорее, оно ощущается как психический, душевный «климат». Образы направляют деятельность человека и мы можем регистрировать их, но ядро грез – это не образ, это то, что определит компенсирующие образы. Таким образом, ядро грез – это не образ, а, скорее, психический «климат». Ядро мотивирует производство определённых образов, которые, впоследствии, приведут человека к действию.

Пример отрицательного ядра – постоянное чувство вины, например. Человек постоянно испытывает чувство вины. Он не сделал ничего предосудительного, или, возможно, и сделал, но то, что он испытывает – чувство вины, он чувствует себя виноватым. Он понятия не имеет, в чём дело, но испытывает это особое состояние сознания. Давайте возьмём, в качестве другого примера, трагичное предчувствие о будущем. Всё, что произойдёт, обернётся бедой. Почему? Неизвестно. Давайте возьмём постоянное чувство подавленности. Субъект чувствует себя подавленным, говорит, что не может найти себя и чувствует, что всё собирается обрушиться на него... Однако нет основания считать, что все ядра негативны.

Ядра остаются постоянными годами, и от них возникают компенсирующие грезы. Долгие годы эти ядра работают, и порождают компенсирующие грезы. Так, к примеру, если ядро, которое постоянно оказывает воздействие, подобно чувству заброшенности, если субъект ощущает себя заброшенным, если он чувствует себя незащищённым, если он испытывает чувство незащищённости и покинутости, вполне вероятно, что возникнут компенсирующие грезы - жажды наживы и накопительства, и что эти системы образов будут мотивировать активность субъекта. Конечно, это происходит не только в личностной сфере, но также и в социальной, и в определённые исторические моменты. Таким образом, в эпохи исторических переломов эти фантазии безудержного собственничества усиливаются из-за атмосферы заброшенности, атмосферы бесправия, нехватки внутренних ориентиров.

Вторичные грезы дают компенсирующий ответ стимулам, будь они связаны с внешней ситуацией или с внутренним напряжением, потому что их функцией является ослабление напряжения, созданного этими внутренними трудностями. Поэтому вторичные грезы очень изменчивы, но в них наблюдаются и постоянные величины. Можно заметить, что в центре этих грез — особый эмоциональный климат. Эти грезы изменяются в зависимости от ситуации, выражаются различными способами, но имеют кое-то общее. И это общее – то, что они заставляют нас заметить наличие особой атмосферы, которая имеет отношение к каждой из них. Эта общая атмосфера, которой обладают все вторичные грезы, - это то, что сообщает нам об ядре большой неизменности; не то, которое изменяется в соответствии с ситуацией, а, скорее, то, которое остаётся постоянным в различных ситуациях.

В одном из приведённых примеров субъект находится в крайне неприятной ситуации, и он полагает, что для него всё обернётся плохо. Поместим его в другую ситуацию, очень приятную для него, но он продолжает думать, что всё кончится плохо. Итак, даже когда ситуация изменяется, климат продолжает оказывать влияние и продолжает порождать соответственные образы. Когда ядро грез начинает проявляться как неизменный образ, ядро начинает изменяться, так как его основная напряжённость уже ориентирована на разрядку. Поясним метафорически эту идею: солнце не видно в зените, но видно на горизонте, когда оно встаёт или садится. То же происходит и с ядром грез – оно не заметно, когда наиболее активно, хотя тогда влияние его огромно. Но его заметно в самом начале или на исходе. Ядро может существовать годами или в течение всей жизни человека, или же может измениться в результате шокирующего происшествия. Также, ядро может измениться, когда меняется

жизненный этап. Если ядро, т.е. фиксированный климат, появляется, то это потому, что оно имеет отношение к определённой напряжённости, и когда меняется жизненный этап, значительно изменяется и эта напряжённость. Направленность жизни начинает изменяться, и поведение претерпевает значительные изменения. Направленность жизни изменяется, потому что изменились грезы, направляющие поведение человека к объектам; а эти грезы изменились, потому что изменился климат, определяющий их; а климат изменился, потому что изменилась внутренняя система напряжённости, а система напряжённости изменилась, потому что изменился организм субъекта, или из-за шокирующей случайности, вызвавшей изменения в системе глубинных напряжённостей.

Центры, которые мы исследовали, в некоторых случаях отдают приказы и другим центрам. Эти сознательные центры, такие, как интеллектуальный, отдают распоряжения сознательным частям других центров, но не рефлексивным частям, а ещё меньше – инстинктивным центрам, в частности – вегетативному центру в его работе во внутрь тела. Интеллектуальный центр не отдаёт распоряжений, а если и отдаёт, ему никто не отвечает. По приказу интеллекта не меняется кровяное давление, как и кровообращение, как и тоны сердца. Всё происходит по-другому. Внутренняя напряжённость, которая ведёт к появлению ядра грез, связана с функционированием инстинктивных центров, и поэтому ядро варьируется с изменением физиологического этапа человека, так же, как и серьёзные физические шоки производят тот же эффект. Таким образом, эти ядра не изменяются, например, по приказам, полученным из интеллектуального центра, скорее, они изменяются, когда изменяется вегетативная деятельность, поэтому очень сложно сознательно изменить эти ядра. Такие ядра изменяются с физиологическими изменениями жизненного этапа человека. Кроме того, мы отметили, что эмоциональный шок также может создать или изменить ядро внутреннего напряжения, поскольку непровольная часть эмоционального центра (что мы объясним позже) посылает сигналы всем центрам, изменяя их поведение. Если эмоциональный шок силен, он может надолго изменить функционирование вегетативного центра. Тому есть миллионы примеров. Эмоциональный шок может вызвать, с этого момента, новое ядро напряжённости, с появлением последующей компенсации. Вторичные грезы также сделают очевидным появление новой постоянной темы (несмотря на их изменчивость), и поиски или жизненные цели субъекта будут направлены по-другому, изменится и его поведение в обществе. Субъект получил сильный шок, и с этого момента его жизнь изменилась. С этого момента изменилась его деятельность и жизненные искания. Эти эмоциональные потрясения могут подействовать с такой силой, что вызовут значительные изменения в некоторых точках вегетативного центра, поскольку рефлексивная часть эмоционального центра воздействует на вегетативный центр и изменяет его. Потрясения, достигшие таких уровней эмоциональной глубины, могут вызвать серьёзные изменения в некоторых точках вегетативного центра и повлечь дисфункции и соматизацию – соматизацию через эмоциональную деятельность, т.е. болезни тела, вызванные эмоциональными проблемами.

Подведём итог. Мы говорили об уровнях сознания, отмечая, что есть точки тела, откуда эти уровни управляются, как и такие, которые управляют центрами. Эти точки улавливают сигналы и, в свою очередь, испускают сигналы, чтобы повысить или понизить уровень работы структуры сознания.

Мы говорили, что на уровне бодрствования интеллектуальная деятельность широко развёрнута. Что на уровне сна эта деятельность практически исчезает, хотя усиливается власть онирических образов. И что на уровне полусна мы обнаруживаем сочетание этих явлений.

Мы различили уровни сознания и состояния, в которых может находиться определённый уровень. Мы сказали, что грезы, которые появляются на уровне бодрствования – это результат ситуационных трудностей или воздействия с других уровней. Таким образом, грезы, которые появляются на уровне бодрствования, не указывают на уровень, а скорее отражают состояние.

Также мы сказали, что эти ситуационные грезы имеют некие отношения между собой – отношения, не через мысленные образы, а через климат. Эта связь климата, которой вторичные грезы объединены друг с другом, позволяет нам говорить, об ядре грез. Это ядро грез имеет неизменность, связана с глубинным напряжением. Ядро с трудом изменяется со временем, но определённые глубокие эмоциональные потрясения могут его менять; изменения жизненного этапа также вызывают изменения в нём.

Ядро грез – это то, что задаёт направление человеческой жизни. Вторичные грезы дают компенсирующий ответ на ситуационные стимулы и атмосфера ядра грез наполняет их. Внутренние напряжения, порождающие ядро грез, связаны с функционированием инстинктивных центров. Таким образом, эти ядра прочно связаны с вегетативным и сексуальным центрами. В действительности, последние – это то, что мотивирует возникновение ядра грез.

Поведение. Пейзаж формирования.

Изучение центров, уровней сознания и поведения в целом, должно позволить нам выразить элементарный синтез того, как работает структура человеческой психики. Оно должно позволить нам понять, в основном, главные механизмы, которые направляют деятельность человека в соответствии с переживанием страдания или удовольствия, и должны дать нам возможность понять не только реальное схватывание окружающей действительности, которое совершает эта структура, но и иллюзорное схватывание окружающей действительности и её собственной, осуществляемое этой структурой. Эти вопросы важны для нас. Наша путеводная нить начинается в направлении понимания страдания, удовольствия и психологической информации, которая может быть реальной или иллюзорной.

Давайте займёмся темой поведения.

Изучение функционирования центров и выявление их циклов и ритмов позволяет нам понять скорость и типы реакций на окружение в их более механических аспектах. С другой стороны, изучение грез и их ядра наводит нас на тормозящие или мобилизующие силы определённых типов поведения, принимаемых в отношении к миру. Но кроме механического аспекта поведения мы распознаём факторы социального типа, типа окружения, накопления опыта в течение жизни, которые действуют с одинаковой силой, как механические факторы в формировании поведения. Это происходит так, потому что кроме раздражений, которые доходят до психической системы (и на которые она немедленно отвечает) есть и другие, неслучайные стимуляции, остающиеся внутри системы и продолжающие испускать сигналы с относительной неизменностью. Мы говорим о явлении удержания в памяти моментов, в которые эти явления порождаются. Эти явления не просто возникают а затем исчезают навсегда. Каждое явление, которое возникает, которое изменяет состояние системы, ещё и запоминается в ней. И так эта память, которой оснащена система (память не только на стимулы, но и на ответные реакции, и на уровни, которые работали в тот момент), оказывает воздействие, решительно влияет на новые события, которые происходят в психизме. Следовательно, с каждым новым явлением мы не оказываемся в одной и той же ситуации, наоборот, *мы будем сталкиваться с явлением и со всем, что произошло с ним прежде*. Когда мы говорим о поведении, мы подразумеваем этот фактор временного удержания в памяти, который крайне важен.

Важный фактор, формирующий поведение – собственная биография человека, всё, что случилось с ним в течение жизни. Он имеет значение для человека так же, как и событие, которое происходит в данный момент. С этой точки зрения, на определенное поведение в обществе влияют как стимулы, полученные в данный момент, так и всё, что является частью предыдущего хода развития жизни человека. Обычно считается, что это простая система стимулов и ответных реакций, но если мы говорим о стимулах, то всё, что случилось ранее, также является стимулом для настоящего. В этом смысле память – не просто накопление прошлых событий. Память в этом смысле – это система стимулов, действующих из прошлого. Память - это что-то, не просто накапливающее, но живое, в силе, действующее с такой же интенсивностью, что и нынешние стимулы. Эти события могут (или не могут) быть вызваны на определённом уровне сознания, но вызваны они, или нет, их действие неизбежно в каждый момент, когда человек получает стимуляцию извне и как-либо ведёт себя. Кажется важным иметь в виду биографию, исторический аспект жизни человека, и полагать, что это действует в настоящем; а не только способом накопления, как если бы это было вопросом некоего резервуара, открывающегося, только когда вспоминается прошлое. Будут ли вспоминаться эти события, или нет, они формируют поведение.

Говорить о биографии человека – то же, что и говорить о личной истории. Но личная история, как мы понимаем её, это живая и действующая история. Личная история ведёт нас к пониманию второго аспекта, который выступает как коды поведения в данной ситуации. То есть события, происходящие в окружении, вызывают не один отклик, а стройную систему ответных реакций. И эта система в последующие моменты служит для проявления такого же поведения.

Эти ситуационные коды (то есть определённое поведение, которое приобретает человеком, возможно, чтобы поберечь энергию, или как защита его целостности) есть сумма его ролей.

Роли – это определённые привычки в поведении, которые постепенно формируются посредством столкновения с различным окружением, в котором живёт человек: роль на работе, роль в семье, роль для друзей и т.д. Эти роли действуют не только когда случается столкновение с окружением, они также действуют в любой момент, даже когда мы не оказываемся лицом к лицу с данной ситуацией. Они проявляются, они становятся очевидными, когда ситуационный стимул вступает в особую зону человеческого поведения.

Мы различаем семейные роли, рабочие роли, различные ситуационные роли, которые может определить, может «записать» человек. Затем становится понятно, что, когда человек отправляется на своё рабочее место, поведение приспособливается, он принимает роль, соответствующую его работе, которая отличается от роли, принятой им в семье. В роли, принятой им в определённой ситуации, однако, много компонентов, присущих ролям из других ситуаций. Это как если бы многочисленные роли из других ситуаций просочились бы в ситуацию, которая уже записана для ответа на это окружение. Иногда эти другие роли не попадают туда только посредством действия, они проявляются со всеми своими особенностями не через действие, а через подавление. Например, человек определил свою рабочую роль, семейную роль и многие другие роли. Но его семейная роль – подавляющая; нет абсолютно никаких причин его рабочей роли проявлять себя как подавляющей, и затем получается, что эти фильтрации, соответствующие семейным отношениям, проявляются в рабочих отношениях, и возникают явления подавления, которые не были записаны для рабочей роли. Это крайне частое явление, и происходит своего рода перемещение подавляющих данных или активаторов роли, соответствующих разным полосам взаимодействия с миром.

Только мы поговорили о работе центров, имеющих динамический и структурный тип, но не говорили о них, как о застойных, изолированных отсеках; также мы поговорили о работе уровней, которые крайне динамичны, структурны; в которой уровни действуют взаимно, мы также говорим, в связи с поведением, о структуре (в данном примере с ролями), где происходит кое-что ещё, чем запрограммированного ответа перед данным стимулом.

Можно наблюдать постоянную динамику в структуре человека. Попробуем найти несколько примеров и увидеть, что молодые люди ещё не сформировали этот защитный пласт ролей. Подростки ощущают нехватку защищённости при столкновениях с миром, потому что они ещё не зафиксировали определённые коды поведения. Они могли зафиксировать основные нормы семейных взаимоотношений и вдобавок ещё несколько. По мере их взросления окружение в какой-то мере начинает требовать множество типов поведения от них, и они постепенно увеличивают набор ролей. Вот что должно произойти. На самом деле, это происходит не в полной мере, потому что есть несколько явлений, которые препятствуют обретению уверенности в управлении окружением. Порождаются ошибки в ролях. Это тот случай, когда человек в одном случае ведёт себя, используя роль, подходящую для других ситуаций. Например, в своей работе он применяет семейные роли; тогда он относится к начальнику, как к брату, и это вызывает множество проблем и конфликтов. Также ролевая ошибка может случиться, если ситуация новая и субъект успешно не адаптировался.

Изучение личной истории человека, его жизни, изучение этих поведенческих кодов, поведенческих ролей проясняет некоторые аспекты и проливает свет на определённые торможения и в других областях; например, в работе центров, и в структурировании грез. Таким образом, деятельность этих центров и уровней работы также изменяется этой кодификацией, которая формируется в течение жизни человека.

Давайте сконцентрируемся на изучении поведения и введём некоторые понятия, простые и действенные. Назовём «пейзажем формирования» набор записей, который образует основание жизни, на котором откладываются – слой за слоем - привычки и основные особенности личности. Формирование этого пейзажа начинается с рождения. Основные структурированные записи затрагивают не только систему воспоминаний, но также и эмоциональные тоны, характерную форму мышления, типичную манеру поведения, и, наконец, способ познания мира и действия в нём.

На структурирование мира вокруг нас, которое мы постепенно выполняем, сильно воздействует этот базис воспоминаний, который охватывает осязаемые объекты, а также и неосознанные, такие, как ценности, социальная мотивация, межличностные отношения. Можно рассматривать наше раннее детство как жизненный этап, когда формирующий пейзаж полностью определился. Мы вспоминаем, что семья функционировала по-другому, нежели сегодня; наше понимание дружбы, товарищества, и, в целом, межличностных отношений также изменилось. В те времена, у социальных групп было другое определение; что полагалось или не полагалось делать (нормы эпохи), личностные или групповые идеалы также претерпели изменения. Другими словами, неосознанные объекты, которые составляли наш пейзаж формирования, изменились. Тем не менее, пейзаж формирования продолжает выражаться в нашем поведении как модус существования и действия среди людей и вещей. Этот пейзаж также есть главный эмоциональный фон и «чувствительность» эпохи, отличающейся от настоящего.

Мы должны рассматривать наш собственный «взгляд» и взгляды других, как важную детерминанту нашего пейзажа формирования. Факторы, действующие через нас, вызывающие наше личное поведение, кодификация, на базе которой мы вырабатываем ответные реакции и приспособляемся к

окружению, многочисленны. Собственный взгляд на мир и взгляды других на себя, следовательно, действуют как приспособление поведения, и благодаря всему этому формировалось поведение. Сегодня мы полагаемся на обширную систему кодов, которая была “запечатлена” на том этапе формирования, и мы ощущаем её, как биографический «фон», на который реагирует наше поведение, когда само обращается к миру, который, тем не менее, изменился.

Разнообразное поведение создаёт наши нынешние типичные поступки. Можно понимать это поведение как набор «тактик», которые мы применяем для жизни. Многие тактики оказывались компетентными до сегодняшнего дня, но есть и другие, которые мы признаём неэффективными, и даже вызывающими конфликты. И всё это важно, когда приходит время вынести суждение касательно нашей собственной жизни в свете нарастающей адаптации. В данный момент мы находимся в состоянии понимать истоков разного рода принуждения, связанных с тактиками поведения, которые образовались в пейзаже формирования. Однако, изменения поведения, связанные с ценностями и определённой чувствительностью, будет сложно осуществить не коснувшись общей структуры взаимоотношений с миром, в котором человек живет сегодня.

Система обнаружения, регистрирования и функционирования. Чувства, воображение, память, сознание.

Три эмпирических пути, о которых мы говорили в начале (восприятие, воображение и воспоминание), должны быть изучены более внимательно.

Без ощущения нет боли, нет удовольствия. Необходимо, чтобы воображение было зарегистрировано; без этого регистра нельзя говорить о воображении. Если мы регистрируем работу воображения, то это потому, что оно достигает места регистрации как ощущение. Боль также открывает путь через память. Регистр боли, который открывает себе путь через память, возможна благодаря тому, что память выражается в ощущениях. Имеем ли мы дело с воображением или с памятью, всё выражается как ощущения. Боль – не в воображении, боль – не в памяти, боль – в ощущениях, к которым сводится каждый импульс. У человека есть воспоминание о чём-то, потому что он регистрирует этот факт; есть воображение чего-то, потому что он регистрирует этот факт. Итак, это регистр, ощущение, которое даёт нам информацию о том, что именно запомнилось, а что воображено. Понятно, что чтобы ничего не перепутать, мы проведём различие между ощущением как таковым (тем, которое идёт от чувств), и другими ощущениями (которые не исходят от чувств), такими, которые идут от памяти или воображения. Два последних мы не будем называть «ощущениями», чтобы избежать путаницы при описании.

Тем не менее, если мы собираемся разобрать понятия до последнего элемента, мы удостоверимся, что мысленный образ и воспоминание попадут куда-то, где их регистрируют как ощущения. Мы говорим, что регистрируется активность чувств, регистрируется активность памяти, регистрируется активность воображения. Говоря «регистр», мы делаем различие между тем, что поступает через один путь, и тем, что поступает через другой; и отмечаем, что есть “что-то”, что регистрирует это. Без этого «что-то», которое регистрирует, мы не можем говорить о том, что же регистрируется. И этот регистратор обладает собственной структурой. Конечно, мы также ощущаем его. Мы говорим о некоей сущности, которая осуществляет регистрацию, и эту сущность мы называем «сознанием».

Аппарат, который регистрирует, находится в движении, и деятельность, которую он регистрирует, также мобильна; тем не менее, он обладает несомненной согласованностью. Иногда этот аппарат отождествляется с «я». Но «я», в отличие от сознания, не кажется сформированным с самого начала, скорее, становится таковым вместе с развитием человека. С другой стороны, нельзя говорить о «я», если не определены его пределы, а они, как кажется, даны ощущениями тела. Это «я» должно само формироваться в человеке в той степени, в какой формируется вся полнота телесных ощущений... естественно, память находится в теле, воображение находится в теле, чувства находятся в теле и аппарат регистрации всех их находится в теле и связан с ощущениями тела.

Так как телесные ощущения действуют с рождения (и даже раньше), эти общие ощущения, которые некоторые отождествляют с «я», образуются уже с самого начала; но в действительности, мы говорим о сознании как аппарате регистрации. Скажем, в раннем детстве, вскоре после рождения, «я» не действует. Человек не рождается с «я». Отождествление с собственным «я» осознаётся в той степени, в какой систематизированы телесные ощущения, благодаря механизму памяти. Без памяти нет «я», а память не может работать без информации. Эта информация начинает приобретать чёткость по мере получения опыта. Мы говорим, что ребёнок не имеет «я». Ребёнок может постичь «мы», но не понимает, что его тело ограничивается объектом. Он не понимает, что он есть «я» или его мать есть

«я». Это «я» постепенно вырисовывается по мере накопления опыта.

Мы говорим, что все психические явления и процессы происходят в теле; но где же тело? Тело, для «я», которое начало определяться, находится вне этого «я» и внутри его. Каковы границы тела? Границы тела связаны с ощущениями. Но если ощущения распространяются за пределы тела, какими будут пределы тела тогда? Этот момент очень важен, потому как если мы различаем внешнее прикосновение как границу тела, например, тогда тело заканчивается там, где заканчивается осязание. Тело начинается там, где ощущения регистрируются кожей. Но может случиться, что у человека нет тактильных ограничений, что температура тела была на том же термальном уровне, что и окружающая среда, и тогда он точно не знает, какими были границы тела, как далеко оно простирается. Мы слышаны о многих сенсорных иллюзиях и знаем, что когда человек вытягивается в расслабленном состоянии и температура окружающего воздуха приближена к температуре кожи, он чувствует, будто тело растёт, не из-за какого-то необычного явления, наоборот – иллюзия разрастания тела происходит потому, что у тела нет границ, а границ нет потому, что температура кожи и окружающей среды одинакова. Таким образом, в зависимости от набора пограничных ощущений, сформируется ощущение собственного тела.

Мы говорим, что один из путей боли – путь ощущения, и когда мы говорим об ощущении, мы уже обращаемся к тому, что постигается определёнными системами, которыми оснащено тело. Давайте посмотрим. Я ощущаю какой-то внешний объект. Однако, я также ощущаю и внутреннюю боль. Ощущение этой внутренней боли – где оно? Конечно, я регистрирую её тем аппаратом, о котором мы говорили в начале. Но где находится это ощущение? Ощущение, как кажется, находится внутри моего тела. А когда я вижу некий внешний объект, где тогда находится моё ощущение? Ощущение также в моём теле. А что же позволяет мне различать объект внутри меня и объект снаружи? Определённо, не восприятие, так как оба ощущения происходящего внутри и снаружи регистрируются внутри меня. Я не могу регистрировать ощущение того, что снаружи, вне моего тела. Я регистрирую ощущения (будь это внешние или внутренние объекты) внутри своего тела. Но, тем не менее, объект, который я ощущаю, снаружи. А как я могу сказать об объекте, который я ощущаю как «снаружи» и о том, который «внутри», если в любом случае регистрация всегда внутри? У структуры должна быть какая-то определённая функция, которая позволяет определить эти различия.

Я вспоминаю выполняемую работу. Где я регистрирую воспоминание об этом событии? Внутри себя. Я представляю работу, которую начну выполнять сейчас, или в будущем. Где я регистрирую то, что буду делать? Внутри себя, конечно. Но события, возникающие на моём экране репрезентации, появляются, как если бы они были «снаружи». Я вспоминаю, ощущаю или воображаю действия, которые, как кажется, происходят снаружи. Внутренняя репрезентация всего этого появляется передо мной, как если бы оно происходило во внешнем мире.

Если я понаблюдаю, где регистрируются образы (принадлежащие ли моему воображению или памяти), я увижу, что регистрирую их на некоем «экране», своего рода «пространстве» представления, репрезентации. И это пространство репрезентации находится внутри меня. Если я закрою глаза и что-то вспоминаю, я замечу, что то, что я вспоминаю, появляется на некоем экране, в пространстве репрезентации. Что же потом я делаю со всем тем, что происходит внутри меня, по отношению к объектам и событиям, которые имеют место снаружи? Конечно, я совершаю нечто отличное от того, что происходит снаружи. Я скажу, что «отражаю» это, что «перевожу» это, скажу что угодно, но в любом случае я выполняю деятельность внутри себя, которая имеет дело с явлениями, не присущими ей... То, как работает всё это оснащение – вопрос для более внимательного изучения.

Как может ощущение, которое я приписываю объекту внешнего мира, и ощущение, которое я приписываю объекту внутреннего мира, отличаться друг от друга? Ощущениями как таковыми, или некими ограничениями, налагаемыми человеком на эти сферы?

Нужно признать, что между восприятием внешнего мира, воспоминаниями о внешнем мире, и представлениями о внешнем мире существуют определённые взаимоотношения. Мы не можем с лёгкостью сказать, что всё это иллюзия. Это не иллюзия, по той простой причине, что если я подумаю об объекте и затем я приближаюсь к этому объекту и почувствую его, то есть нечто, что согласуется с тем, что я помню об объекте, тем, что я представляю об объекте, и тем, как я его сейчас ощущаю. Очевидно, что я могу запомнить объект и позже открыть глаза и обнаружить себя в его присутствии. Формы, цвета, расстояния могут быть более или менее точно представленными, но я могу обнаружить себя среди этого всего. Более того, я могу сказать кому-то ещё, что тут есть объект, и этот кто-то сможет представить или обнаружить этот объект. То есть, есть что-то, что согласуется, будучи искажённым или нет. Тем не менее, также ясно, что я мог бы не различать цвета, например, и ощутить

объект одного цвета как объект другого цвета. И так, даже если есть согласованность между всеми этими функциями, также может быть согласованность между иллюзиями. Для нас важно понять, как для таких разнородных функций возможна согласованность, потому что каким-то образом они согласуются, и делают это, благодаря этому координирующему и обрабатывающему аппарату всей этой разнородной информации. Очевидно, что сигналы скоординированы между собой и есть сознание, координирующее их.

Среди функций сознания возникает «я», которое я регистрирую как место, где принимается решение о деятельности во внешнем мире, и о некой деятельности, которой я сознательно управляю в своём внутреннем мире. «Я» - внутри тела. Но как оно может быть внутри тела? Находится ли оно внутри тела как физическая локализация, или оно было выстроено в результате всего опыта, общей суммы опыта? Или, возможно, это «я» есть структура, которая образована различными сигналами, достигающими определённой точки? Может быть, что это «я», которое координирует, вдруг начинает координировать накопленную критическую информационную массу, потому что, если эта масса пока ещё не сформировалась, «я» не появляется и тело путается.

Мы изучим, одно за другим, как всё это работает, ощущения, регистрируемые внутри и снаружи тела.

У нас есть схема, где появилась структура, куда поступают импульсы и откуда уходят ответные реакции. Эти поступающие импульсы приходят в особый аппарат, который улавливает их. Этот улавливающий импульсы аппарат есть аппарат восприятия. Он осуществляет учёт информации из внешнего мира и из внутреннего. Информация поступает в этот аппарат, но кроме этого я понимаю, что эта информация может обновляться, даже если она не поступает в данный момент. Тогда эта информация, достигнув места регистрации, одновременно поступает и в аппарат, который сохраняет её. Она сохранена. Будь это информация из внешнего окружения или из внутренней среды, поступившая информация сохранена. Там, где зарегистрировалась информация, одновременно я записывал то же самое, и это позволяет мне сейчас выделять прежнюю информацию. Всё это происходит перед чувствами, имеющими различные физические локализации и находящимися в постоянном движении, но имеющими отношения между собой и не изолированы одно от другого. И так, когда одно чувство что-то улавливает, с другими происходят изменения. Если человек воспринимает глазами, то это благодаря тому, что зрение находится в движении (не просто внешнее физическое мускульное движение для определения источника света), в состоянии активности. Глаз не приходит в состояние активности, просто уловив свет. Зрение находится в движении, в состоянии активности и в нём происходит изменение, когда поступает импульс. Другие чувства также находятся в состоянии активности и когда глаз воспринимает явление вовне, в деятельности других чувств также происходят изменения.

Что происходит со внешними чувствами, также происходит и во внутренних. Внутренние чувства также находятся в состоянии активности, так что может случиться, что кто-то воспринимает объект глазом и, в то же время, чувствует боли в животе. И это восприятие объекта глазом, одновременно с ощущением боли в животе, в то же время отправляет информацию в память. Пример: я приезжаю в город и дела идут плохо. Позже я вспоминаю этот город и что же я говорю о нём? Я говорю: «Ужасный город». А почему я так говорю? Потому что там всё шло плохо. А что означает «всё шло плохо»? Просто ли это из-за полученных ощущений? Или из-за множества ситуаций, в которых я оказался, множества регистров другого характера, не являющихся внешними ощущениями? Без сомнения, работали другие регистры, другие внутренние ощущения. Конечно, это происходит со всем, не только с неприятным городом. Кажется, что когда я регистрирую что-то, я это записываю, и если я регистрирую это одновременно с информацией от других чувств, я записываю это одновременно с ними. Кажется, что человек постоянно получает поток информации от всех чувств и постоянно его записывает. И кажется, что информация от одного чувства обуславливается и ассоциируется с информацией от других чувств.

Иногда, когда обоняние улавливает некий аромат, память вызывает детальные визуальные ситуации. А что делать осязанию со всеми этими визуальными картинками? Понятно, что чувства связаны между собой. Иногда, когда одно чувство активизируется, другие снижают свой уровень активности. Когда все чувства перегружены, восприятие затрудняется. Но когда уделяется внимание (и мы увидим позже, что это, как способность сознания, означает) одному чувству, другие склонны успокоиться. Это как если бы все чувства шумели в процессе сканирования и были приведены в состояние готовности этим «я». Как если бы все чувства участвовали бы в поисках. Тогда, когда сигнал достигнет чувства, остальные затихнут. Чувства, даже если они не воспринимают какую-либо внутреннюю информацию, находятся в движении и шумят, поставляя информацию самим себе. Есть шумовой фон, который затихает, когда чувства сосредотачиваются в определённом диапазоне восприятия.

А память – что она делает? Она собирает информацию от чувств и также о действиях аппарата регистрации. Например, я вспоминаю мысленные операции, которые выполнял. Во-первых, у меня есть ощущение мысленных операций как таковых, но я могу говорить о своих мысленных операциях, потому что у меня есть ощущение их. У меня есть ощущение этих операций, внутренние ощущения, как и при болях в животе. Мы предпринимаем определённые меры предосторожности и обсуждаем позицию, имеющую место, позицию, которая предполагает, что мысленная работа не имеет отношения к телу, потому что тело имеет отношение к работе пищеварительной системы, или к тому, как воспринимают глаза, а когда мы обсуждаем вопросы души, подобные вещи не могут относиться к телу (?). Мы критикуем тех, кто полагает, что дух не имеет ничего общего с телом. Если дух не имеет ничего общего с телом, и только оно выполняет эти операции, то кто тогда регистрирует эти операции? Где они регистрируются? И как они вызываются? Если будет сказано о духе, то потому, что у меня есть регистр этого духа; а если у меня есть регистра духа, то это потому, что нечто может получить сигналы от него. А если у меня нет ощущения этого духа, то я не могу говорить о нём.

Есть и другие, которые полагают, что психическая система есть сумма сенсорных ощущений, как если бы не было других сложных и чувствительных систем, координирующих эти ощущения, заставляя их работать в системе. Мы также спорили с ними, с теми, кто полагает, что деятельность разума – просто общая сумма ощущений. Есть разница между: «У меня есть ощущение работы чувств, памяти и воображения» и: «Всё это - ощущения». Между ними есть различия, и система восприятия и другие системы выполняют значительно различающиеся функции. И так, мы полностью не разделяем это грубое, сенсуалистическое мнение. Также мы не разделяем другое странное мнение, которое говорит о душе, как если бы была некая сущность, не имеющая ничего общего с регистрами и с ощущениями. Есть такие, которые говорят о разуме, о боли разума, как будто боль тела не имела бы к этому отношения. А эта боль разума – как она ощущается? «Она ощущается душой», - говорят они, так же, как художественные ощущения воспринимаются душой. А кто же эта госпожа («душа»), который выполняет такой большой объём работы вне тела, и как может быть, что у меня есть информация о ней?

Под «аппаратами» мы понимаем структуру чувств, структуру памяти и структуру сознания вместе с их различными уровнями. Эти аппараты работают согласованно и связи между ними осуществляются благодаря импульсам, которые, в свою очередь, подвергаются распределению, переводам и трансформации.

• Чувства

Аппарат чувств начинается с примитивного прикосновения, которое постепенно эволюционировало. Химические чувства (вкус и обоняние) работают с частицами, которые вызывают определённые химические преобразования и в результате дают информацию. Механическое чувство (прикосновение) работает на основе давления и температуры. Внутреннее чувство сенестезии и кинестезии действуют иногда химически, иногда механически. У человека есть регистр того, что случится внутри тела, посредством давления, температуры и химических трансформаций и реакций. Мы знаем о слухе и зрении как о физических чувствах. Слух работает перкуссией; зрение – посредством физического восприятия вибраций.

Во внутренних чувствах сенестетическое чувство поставляет информацию изнутри тела. Нам известно, что внутри тела есть множество крохотных структур, маленьких органов, которые собирают пробы - химические, термальные, давления. Обнаружение боли также играет важную роль. Можно было бы подумать, что есть маленький специализированный орган для обнаружения боли, но на самом деле, все чувства, когда они достигают определённого предела переносимости, посылают нам болезненные ощущения. Эти ощущения – это то, что немедленно приводит в действие структуру, чтобы вызвать отторжение, уменьшение этих непереносимых ощущений. Так, ощущение, схваченное одним чувством, немедленно связывается с деятельностью по отторжению того, что является болезненным. Работа центров обнаруживается сенестетически, внутренне, как и разные уровни работы сознания. Ощущение усыпления, ощущение усталости также можно почувствовать. Сенестезия – это крайне важное чувство, которому уделяется мало внимания. Внутреннее ощущение затем специализируется и разделяется между кинестезией и сенестезией. Когда бодрствование понижает свой уровень работы, когда понижается уровень сознания, это внутреннее чувство усиливает распространение импульсов.

Так как чувства работают в динамике и структуре, все они находятся в поиске, осуществляют

прочесывание и вырабатывают определённый шумовой фон в информации. Однако, когда человек спит и закрывает глаза, его контакт с внешним миром не исчезает полностью; скорее, шумовой фон значительно уменьшается, и с уменьшением количества информации из внешнего мира количество информации от внутренних чувств пропорционально растёт. Мы не можем точно сказать, растут ли внутренние импульсы с понижением уровня сознания, или работа внешних чувств ослабляется с понижением уровня сознания; но работа внутренних чувств в данном случае становится очевидной. Когда уровень сознания понижается, импульсы из внутреннего мира проявляются с большей интенсивностью.

Эти внутренние чувства не находятся на лице, как почти все другие, не располагаются в особых точках, не могут быть точно направлены. Их работа охватывает всё и они дают информацию без какого-либо проявления воли с нашей стороны. Например, можно закрыть глаза и заставить исчезнуть зрительное восприятие. Можно тренировать глаз так или этак, но нельзя то же сделать с внутренними чувствами. Можно уделять больше внимания определённым внутренним ощущениям, но эти внутренние сенсорные системы не обладают такой мобильностью и не могут быть подавлены. Таким образом, их местонахождение характеризуется своей неточностью, с одной стороны, и отсутствием мобильности, т.е. они не могут быть направлены, как другие чувства. Среди внутренних чувств мы различаем кинестетическое чувство; как мы уже сказали, оно даёт информацию о движениях, положениях тела, физических устойчивости и неустойчивости.

Так, у нас есть общая сумма аппаратов в динамике, которая обеспечивает нас информацией о внешнем и внутреннем мирах. Следы этой внутренней и внешней информации, как и деятельность сознания на различных уровнях работы, будут собраны в аппарате памяти.

Психическая структура (сознание) будет координировать информацию от чувств и то, что сохраняется в памяти.

Как мы уже сказали, информация достигает не просто воспринимающего ее инертного аппарата; скорее, информация достигает аппарата, который находится в движении. Эта информация, которая поступает в аппарат, находящийся в движении, формирует восприятие. Итак, ощущение есть теоретическая частица; но что происходит на самом деле: информация, которая достигает чувства, находящегося в движении, сформируется, структурируется. Мы называем это восприятием, которое есть ощущение плюс активность чувства. Следовательно, регистр – это систематизация, которой чувство подвергает информацию, а не просто информация.

➤ *Черты, общие для всех чувств*

а) Все они осуществляют деятельность по абстрагированию и систематизации стимулов в соответствии с их возможностями. Мы говорим, что чувства игнорируют многие данные, которые поступают к ним и формируют другие данные, которые к ним не поступают. Рассмотрев некоторые примеры о восприятии глаз лягушки, вы вспомните, что это существо только воспринимает, когда перед ним появляется другое живое существо с определённым очертанием (изогнутые и шаровидные) и отмечается движение. Но если очертания не появятся, но будет движение, или наоборот, примитивные органы восприятия этого существа ничего не регистрируют. Если вы вспомните это, то поймёте, что мы имеем в виду, говоря об абстрагировании, которое делает чувство, и, помимо этого, о структурировании, выполняемом им. А из этого структурирования разнообразной информации появляется восприятие.

б) все чувства находятся в постоянном движении. Они как радиолокационные станции, прочёсывающие разные диапазоны. Этому также есть экспериментальное доказательство.

в) Все они работают в диапазоне, соответствующем определённому тону, который должен изменяться стимулами. Другими словами, каждое чувство находится в движении в пределах определённого тона. Восприятие возникает, потому что в тоне чувства происходит изменение. Вспомните эксперименты со зрительным нервом лягушки, цикл подачи импульсов которого составлял один импульс в секунду, и когда поступал нервный стимул, он начинал передавать импульсы с большей скоростью. Чувство было в движении. Чтобы восприятие состоялось, необходимо, чтобы стимул появился между сенсорными порогами. Чувство пульсирует, но если поступивший стимул не обладает достаточной энергией, он не воспринимается. Если он проходит за пределами потенциальной переносимости, он воспринимается не как ощущение или восприятие, присущее этому чувству, а как боль. Эти пороги изменчивы. Они также увеличиваются или сжимаются. Так, обычно, когда некая внутренняя деятельность, например, внимание, сосредоточивается на чувстве, его порог стремится расширяться,

а пороги других чувств стремятся сжаться. Когда внутренние чувства работают вовсю, расширяя свои пороги восприятия, внешние чувства стремятся уменьшить свой диапазон. Когда внимание сосредоточено на внешние чувства, диапазоны, пороги внутреннего восприятия, стремятся сжаться. Таким образом, чтобы осуществилось восприятие, необходимо, чтобы стимул появился между сенсорными порогами. Минимальный порог, ниже которого не происходит восприятие, и порог максимальной переносимости, который, будучи превышен, производит сенсорное раздражение или насыщение, или то, что мы обычно называем болью. Если есть шум, который приходит от тех же чувств, или от других чувств, или есть шум, приходящий из памяти, которая поставляет информацию, пока происходит восприятие; или есть шум, потому что сознание вообще поставляет информацию, стимул должен увеличить свою интенсивность, чтобы быть зарегистрированным и без превышения максимального порога, так, чтобы не произошло насыщение и сенсорная блокировка. Когда человек блуждает, спит наяву, и мысленные образы занимают сознание, стимул, который появляется, должен увеличить активность, чтобы быть обнаруженным. В любом случае, когда человек блуждает, или спит наяву, внутренняя сенестетическая активность возрастает; следовательно, области внешнего восприятия сужаются. Следовательно, необходимо усилить активность внешнего мира и, например, сказать: «Эй! Проснись!». Когда достигнут максимальный порог, или имеется сенсорная блокировка, необходимо заставить шум исчезнуть, чтобы сигнал достиг чувства. Другое положение установлено в законе уменьшения постоянного стимула вследствие адаптации порога. То есть, одежда, которую мы одеваем, в первый момент даёт нам тактильное ощущение, но проходит время и мы больше не замечаем её. Не потому, что мы отвлеклись от вопроса одежды и занялись чем-то другим – не только поэтому – но потому, что постоянный раздражитель уменьшил свою интенсивность. Прошло время, и постоянный стимул ослаблен для восприятия. Таким образом, когда стимул находится в рамках порога, но становится постоянным, порог адаптируется к нему, чтобы оставить его в своих пределах и больше не регистрировать его, чтобы не мешать другой деятельности аппарата. Итак, у нас есть многочисленные стимулы, но когда стимулы становятся постоянными, пороги чувств приспособляются так, чтобы шум исчез. Иначе восприятие постоянно бомбардировало бы нас, и шум был бы таким, что различие между новыми ощущениями было бы мало. Таким образом, восприятие имеется между пределами, минимальным и максимальным порогами переносимости. Эти пороги находятся в постоянном движении. Когда есть постоянные стимулы, которые появляются в рамках этих пределов, последние приспособляются, чтобы снизить восприятие этих стимулов. Мы называем это законом уменьшения постоянного стимула вследствие адаптации порога.

г) Все чувства работают между порогами и пределами переносимости, что допускает вариации, зависящие от обучения, и соответствующие метаболическим потребностям (на самом деле, вот где находятся корни сенсорного бытия). Данное свойство непостоянства важно для распознавания сенсорных ошибок.

д) Все чувства переводят ощущения в одну систему импульсов. Эти импульсы – это то, что будет распространяться различными способами. Мы не хотим вдаваться в физиологические проблемы, но давайте отметим, что все чувства переводят ощущения в одну систему импульсов и назовём это «единообразием импульсов от различных чувств». Таким образом, с одной стороны, я вижу, с другой – слышу, с третьей – различаю вкус, но всё это переводится в одну систему единообразных импульсов. Не звуки проходят через внутреннюю часть головы, как и не визуальные образы, вкусовые или обонятельные ощущения. Все работает с одинаковыми видами импульсов.

е) Все [чувства] имеют телесные локализации, телесные конечные локализации, определённые или рассеянные, связанные с системой, координирующей их. Все чувства имеют нервные конечные локализации, определённые или рассеянные, всегда связанные с центральной нервной системой и периферийной или автономной нервной системой, откуда работает аппарат координации.

ж) Все чувства связаны с общей системой памяти организма.

з) Все чувства имеют свои собственные регистры, которые даются изменениями тона чувств, когда появляются стимулы.

Все чувства могут совершать ошибки в восприятии информации. Эти ошибки могут происходить из блокировки чувств, например, вследствие сенсорного раздражения. Раздражается чувство, подходит к порогу переносимости и восприятие информации, раздражающей чувство, есть сильно изменённое восприятие, не имеющее ничего общего с объектом. Таким образом, эти ошибки могут идти от блокировки чувства из-за сенсорного раздражения, но также и из-за отсутствия или дефицита чувства. Мы знакомы со случаями миопии, глухоты и т.д.. Также [это возможно] вследствие отсутствия участия другого или других чувств, обеспечивающих параметры, которые дают ориентиры, относящиеся к восприятию. Например, вы слышите что-то, что, по-видимому, отдалено от вас, но

увидев данный объект, вы начинаете слышать его по-другому. Это очень частый случай слуховой иллюзии. Человек полагает, что объект находится далеко, и восприятие приспособливается, только когда человек видит его и определяет его местонахождение визуально. Так как мы знаем, что все чувства работают в системе, то обычно информация получается от различных чувств. И с этой информацией формируется восприятие окружающего нас мира. Таким образом, когда параметров недостаточно, и у нас есть только один вид сенсорной информации, порождается иллюзия восприятия. Есть также ошибки восприятия, вызванные механическими факторами. Таков случай, когда видно свет при надавливании на глазные яблоки. Почти во всех чувствах мы находим примеры иллюзий, порождённых механическим действием.

- **Воображение**

Очень сложно различать стимул, который, поступая от чувства, достигает сознания, и образ, который он вызывает, образ, который стимул пробуждает. Довольно сложно различать импульс от чувства и образ, который соответствует этому импульсу. Мы не можем сказать, что образ и импульс от чувства – это одно и то же. Также мы не можем различить, с точки зрения психологии, скорость внутреннего импульса и скорость образа. Это как если бы образ и импульс были одним и тем же, когда на самом деле это не так.

Рассматривая образ, необходимо предпринять некоторые меры предосторожности. Во-первых, мы должны признать, что образы не просто соотносятся с сенсорными стимулами, но также вызываются из памяти; во-вторых, мы всегда должны быть внимательными в вопросе наивной интерпретации, которая считает образ как единственно связанный с визуальным чувством.

Для некоторых отсталых знатоков в этих вопросах образ представляет второсортную функцию в системе психизма. Для них образ – своего рода вырождающееся восприятие, восприятие низкого сорта. Другими словами, если человек посмотрит на объект и потом закроет глаза и вызовет этот объект, он заметит, что вызванный образ хуже, чем в восприятии. Глазом он воспринимает объект лучше и более чётко, чем вызывая его в памяти. Кроме того, такое воспоминание окрашивается некоторыми странными факторами, которые способствуют путанице касательно объекта. Следовательно, репрезентация объекта кажется деградацией, своего рода ослаблением восприятия. С этой точки зрения некоторые учёные говорили о том, чтобы отложить образ в архив второстепенных явлений психизма. Не было у них и ясности в отношении того факта, что образы не просто связаны с визуальным чувством, а каждое чувство является производителем образов, которые связаны с ним. И, наконец, считалось, что образ должен иметь отношение только к памяти, а не то, что он тесно связан с чувством.

В действительности образ выполняет многочисленные функции. Нам нужно осмыслить функцию образа, чтобы позднее понять, что, когда этот образ мобилизуется, он будет действовать через центры, и будет переносить энергию из одной точки в другую, производя трансформации, жизненно важные для системы психизма. На данный момент, если чувства появляются, чтобы дать информацию о феномене внешнего и внутреннего мира, образы, которые сопровождают восприятие от чувств, - не просто для повторения данных полученной информации, но для мобилизации деятельности в отношении поступающих стимулов. Но давайте изучим это на примере обыденной жизни. Я дома, звонок в дверь. Звонок – это стимул для меня; я его воспринимаю. Я подскакиваю с кресла и иду открывать дверь. На следующий день звонит звонок и стимул тот же, но вместо того, чтобы подскочить в кресле и идти открывать дверь, я остаюсь на месте. В первом случае я ждал письмо, которое почтальон должен был принести в то утро. Во втором случае я предполагал, что сосед стучит в дверь, чтобы одолжить сковороду. Если в моём присутствии или сопresутствии была та или иная информация, этот стимул в одном или другом случае, он был ограничен в мобилизации особого образа. В первом случае стимул вызвал образ почтальона, которого я ожидал. Конечно, я был занят чем-то ещё и в тот момент не ждал почтальона. Конечно, я был занят чем-то, но когда поступил стимул, он вызвал ряд образов, которые я так или иначе ожидал. Когда эти образы были вызваны, я подскочил в кресле и пошёл к двери. Однако, во втором случае, у меня были другие мысли, и когда возник стимул, он не вызвал образ почтальона; наоборот, он вызвал образ моего соседа, среди прочих причин, потому, что я уже получил письмо, которое ожидал позавчера... И поэтому, когда возник второй образ, моё тело было мобилизовано по-другому, или не было мобилизовано вообще.

Таким образом, старая история, о том, что всё работает так просто, основанная на сущности стимулов и ответных реакций, соответствующих этим стимулам, не подтверждается. Даже когда в такой элементарной схеме, как рефлекс, в короткую нервную дугу, поступают стимулы, и без какого-либо преднамеренного действия появляется ответная реакция, кроме приведения в действие этой реакции,

немедленно генерируется образ, что также оказывает своё влияние. Итак, ощущение обязательно сопровождается возникновением образа. На самом деле образ вызывает активность индивида, а не восприятие.

Мы увидим, что у этого образа есть свойства, которые мы изучили, когда говорили о мышечном тоне, когда мышцы приобретают определённый тонус вслед за визуальными образами. Визуальные образы поступают в определённом направлении и мышцы приспособляются к этому направлению. Возможно, это стимул двигает мышцами? Вовсе нет. Это образ движет ими. Нужно признать, что определённые образы не просто активизируют нашу внешнюю мускулатуру, они также активизируют и внутреннюю и многочисленные психологические явления приводятся в действие. Образ мобилизует внутренние феномены, которые вызывают активность по отношению к внешнему миру, как если бы функцией образа было вернуть энергию во внешний мир, откуда ощущения и поступили.

Внутренние чувства также должны получать информацию о том, что происходит в деятельности моего сознания, потому что если у меня нет такой информации, я не смогу обеспечить целостность этих процессов. Так внутренние чувства улавливают информацию изнутри тела, не только висцеральную информацию, а также улавливают характер моей деятельности и работу моего сознания.

Аппарат, формирующий образы, функционирует на разных уровнях работы, внося свой вклад в изменение не только работы сознания- координатора, но и самих аппаратов информации из памяти, и центров ответа.

Конечно, информация о функционировании сознания поступает через внутренние чувства. В свою очередь, сознание также может действовать, чтобы направить чувства в том или ином направлении, и заставить их уделить внимание определенной чувствительной сфере и игнорировать другую. На самом деле это в большей степени функции сознания, чем чувств. Мы изучим это, когда мы будем затрагивать тему структурирования, которое выполняет сознание. Однако, как бы там ни было, нужно отметить, что чувства приводятся в действие феноменом, который поступает к ним, а также указанием координационным аппаратом, который передает им направление. Когда чувства не ограничиваются только получением впечатлений из внешнего и внутреннего мира, но направляются намеренно, тогда мы сталкиваемся с феноменом обратимости. Есть разница между слышанием шума, потому что шум производится без моего намерения, и поиском определённого шума. Когда я ищу что-то конкретное с помощью своих чувств, я направляю активность чувства посредством механизмов координатора. И также, не считая управление чувств, есть разница между простым восприятием информации и сознательным восприятием её. Я слышу звонок в дверь и это не имеет для меня большого значения. Но если я слышу звонок в дверь и он затрагивает мою осведомлённость в том смысле, что я выделяю его из недифференцируемой массы стимулов и обращаю на него внимание, тогда я работаю – не с восприятием недифференцируемых стимулов, а с осознанным восприятием этих стимулов. Тогда выполняется работа, которая не является простой регистрацией, за которой следует восприятие, скорее, это работа, где я уделяю внимание восприятию. Я называю её “апперцепцией”. Более того, я могу предрасположить все мои чувства к апперцепции. Заметьте, что ограничивать себя в скольжении по массе ощущений и находиться в позиции апперцепции – это разные вещи. В позиции апперцепции все поступающие стимулы внимательно регистрируются. Я могу быть в безразличном состоянии, но стимулы всё равно поступают, или я могу находиться в состоянии внимательности к неожиданному появлению стимулов, как охотник ждёт, что выпрыгнет заяц. Я могу быть очень внимательным, ожидая появления определённых стимулов. И даже если стимулы не появляются, я нахожусь в состоянии апперцепции. Очень важно учитывать механизм обратимости, как для понимания проблемы уровней работы сознания, так и для чёткого различения некоторых иллюзорных явлений.

Мы стараемся подчеркнуть среди прочего, что чувства не просто приносят информацию из внешнего мира, но функционируют комплексно, направляемые в некоторых своих частях деятельностью сознания. Не только явления внешнего мира или внутренние висцеральные явления воздействуют на чувства, но и работа самого сознания влияет на их работу. Если бы это было не так, не было бы объяснения тому, что некоторые расстройства сознания изменяют имеющуюся у человека регистрацию внешнего мира. Приведем пример: десять разных человек могут по-разному воспринимать один и тот же предмет (хотя они могут находиться на одинаковом расстоянии от него, и при одинаковом освещении, и т.д.) потому, что некоторые предметы содействуют проекции на них работы сознания. В действительности сознание не проецирует свою работу на предметы; сознание проецирует свою работу на чувства, а затем модифицирует систему восприятия. Сознание может проецировать свои образы, аппарат восприятия может вернуть это внутреннее раздражение и у

человека возникает регистр, что феномен поступил извне. Если это так, тогда некоторая выработка сознания может изменить структурирование, которое выполняется чувствами над информацией из внешнего мира.

• **Память**

Так же как чувства и все другие компоненты психизма не работают изолированно, не работает изолированно и память. Память также работает структурно. Память, как мы сказали ранее, функционирует записывая и сохраняя информацию, поступающую от чувств, информацию, поступающую от сознания; функцией памяти также является подача информации сознанию, тогда, когда ему требуется. Работа памяти помогает сознанию ориентироваться во временном расположении среди феноменов. Без этого аппарата памяти сознанию было бы трудно расположить явления во времени. Оно бы не знало имело ли место некое явление раньше или позже, и не смогло бы ясно представить мир в его временной очередности или последовательности.

Именно благодаря тому, что существуют различные ряды памяти и благодаря существованию порогов памяти, сознание может найти себя во времени. Также именно благодаря памяти сознание может найти себя в пространстве, так как ментальное пространство обязательно связано со временем сознания - временем, которое передается явлениями, поступающими из памяти. Таким образом, эти две категории – времени и пространства – функционируют в сознании благодаря поступлению информации из памяти. Мы рассмотрим это более подробно.

Так же как мы говорим о теоретическом атоме чувствования, мы говорим об атоме воспоминания. Однако это теоретически, так как они не существуют в переживаемом феномене. Можно регистрировать, что память получает, обрабатывает данные, поступающие от чувств и сознания, и расставляет их по порядку в форме структурированных записей. Память получает данные от чувств, данные от операций сознания, но помимо этого, она расставляет данные в некотором порядке и структурирует их; она выполняет очень сложную работу сбора и организации данных. Когда понижается уровень работы сознания, память начинает расставлять данные в порядке, который запомнился на другом уровне сознания. На одном уровне (бодрствовании) память работает, регистрируя и запоминая всю поступившую информацию дня. На другом уровне работы (во сне) память начинает классифицировать и организовывать данные, которые были получены в бодрствовании.

Во сне, являющемся другим уровнем сознания, мы обнаружим, как память обрабатывает информацию. Совершаемое в памяти расположение полученной информации по порядку, не то же, что классификация этих данных, производимая при их получении.

Таким образом в этот момент я получаю информацию через чувства и эта информация, которую я получаю, запоминается в памяти. Однако, оказывается, когда понижается уровень моего сознания и я засыпаю, я также встречаюсь с той же повседневной информацией из мира, из мира бодрствования. Возникает весь этот сырой материал, который я получил в течение дня и записал, но этот сырой материал не передается таким же образом в моей внутренней системе репрезентации. То, у чего была последовательность в течение дня, следует другому порядку, когда понизился уровень сознания. И так, то, что случилось в конце, теперь происходит в начале; недавние элементы связаны со старыми в моей памяти, и в ней происходит целое внутреннее структурирование с сырым материалом, полученным в течение дня и предыдущими данными из различных секторов памяти, которые соответствуют древней памяти или более недавней памяти. Память это «аппарат» который выполняет различные функции, соответственно уровню работы, в котором находится структура сознания.

Данные записываются памятью различными способами:

- 1) сильный стимул записывается прочно в памяти.
- 2) данные также прочно записываются при одновременном проникновении через различные чувства.
- 3) запись также происходит, когда одни и те же данные о явлении представляются разными путями. Представляя его одним способом, я его запишу одним способом; представив его другим способом, я и запишу его другим способом. Мое сознание структурирует его, выражает его; но, до этого я получил впечатление А и впечатление В. Запись происходит потому, что происходит повторение и, кроме того, потому, что записываются данные, которые сознание структурирует относительно предмета.
- 4) человек также записывает повторением как таковым.
- 5) данные записываются в контексте лучше, чем по отдельности.

б) они так же лучше записываются если заметны из-за недостатка контекста. Что-то что выделяется, что невозможно, вызывает повышенное внимание к себе и следовательно записывается более твердо.

7) качество записи улучшается, если стимулы различимы и если запись происходит в отсутствии фоновых помех, благодаря тому, что улучшается четкость сигналов.

Когда происходит насыщение, вызванное повторением, происходит блокировка. Рекламодатели использовали закон повторения чрезмерно. Через повторение происходит принятие данных, но повторение также вызывает усталость чувств. Кроме этого то, что действительно для чувств в общем, также действительно для памяти, т.е. закон уменьшения стимула, чем дольше он длится. Если у нас вода будет капать постоянно, повторяющееся капание воды не приведет к записыванию этого капания. Достигается закрытие порога записи так же как и порога восприятия, и следовательно, данные перестают воздействовать. Когда рекламная кампания чрезмерно повторяется и настойчиво и непродуманно повторяет информацию, базируясь на законе записывания через повторение, происходит пресыщение в памяти и данные более не поступают в память, производя наполнение памяти и чувственное раздражение. При работе с некоторыми животными человек может повторять стимул, но вместо прочной записи стимула и выработки соответствующей реакции, животное просто засыпает.

При отсутствии внешнего стимула первый появившийся стимул прочно записывается. Также если память не подает информацию сознанию, возникает большая склонность к записи. Память выпускает информацию компенсаторно, когда данные не поступают в сознание. Давайте представим себе случай. Человек заперт в пещере, куда не поступают стимулы из внешнего мира. Туда не проникает свет, не доносится звук, не задувает ветер, что могло бы взволновать его тактильное восприятие. Температура более или менее постоянна. Внешние данные приглушены. Память начинает выпускать сохраненные данные. Это любопытное функционирование памяти. Человек заперт в тюрьме или помещен в пещеру, и так как нет работающих чувств и нет внешней информации в любом случае память поставляет данные координатору. Если устранять внешние чувственные данные, память немедленно начинает поставлять информацию. Память выполняет это потому, что в любом случае сознанию нужны все эти данные чтобы найти себя во времени и пространстве; когда сознание не располагает ссылками на данные, стимулирующие его, оно теряет свою структурность. И «я» - которое возникло благодаря суммированию стимулов и тотальности работы аппаратов – обнаруживает, что у него нет стимулов и что оно не получает данных от аппаратов. «Я» теряет свою структурность и испытывает чувство разложения, потери своей внутренней цельности. Затем оно находит ссылки на данные, даже поступающие только из памяти и таким образом поддерживает шаткую цельность «я».

Воспоминание, или точнее эвокация, возникает когда память подает сознанию уже записанные данные. Эвокация производится сознанием намеренно, что отличает ее от другого типа воспоминания, навязываемого сознанию.

Давайте используем сравнение, чтобы сделать эти механизмы более или менее симметричными с тем, что, как мы сказали, происходит с чувствами и сознанием. Здесь стимулы поступают из памяти в сознание и мы называем это «воспоминанием». Когда сознание направляется к стимулу, мы говорили об «апперцепции». Когда сознание направилось к данным памяти, т.е. ищет интересующие его данные, мы говорим об «эвокации». Человек вызывает воспоминания когда внимание обращено к специфическому кругу сохраненных воспоминаний.

Мы знаем, что данные поступают в сознание от внешних чувств и также от внутренних чувств. Эта информация поступает в сознание одновременно. Это означает, что когда я вызываю воспоминание, когда обращаюсь к памяти в поиске внешних данных, часто эти данные, приносимые мной из памяти поступают смешанными с другими данными, которые сопровождали их восприятие. Другими словами, пока я получаю внешние данные, и они поступают в память, я также получаю внутреннюю информацию, которая поступает в память. Когда я вспоминаю, что произошло, в мое сознание поступит не только внешняя информация, но также и внутренние данные, сопровождавшие ее в тот момент. Это чрезвычайно важно.

Рассмотрим, что произойдет, когда мы вспоминаем. Когда я вспоминаю: я наблюдаю предмет, закрываю глаза и вспоминаю предмет. Воспроизведение этого впечатления будет более или менее точным в зависимости от того, насколько хороша, средняя или плоха моя визуальная подготовка. Я помню только предмет, или я запомнил еще что-то помимо него? Понаблюдайте внимательно. Мы не говорим о цепях идей, ассоциациях, созданных воспоминанием того предмета – они также есть – я вспомню предмет и возникнет также что-то еще. Мы вернемся к памяти о самом предмете. Я

наблюдаю предмет, закрываю глаза; предмет воспроизводится памятью - появляется образ предмета. Но возникающий образ предмета, помимо того, что имеет визуальные компоненты, так как я смотрел его глазами, имеет компоненты для меня, в моем внутреннем регистре, мышечного тонуса и некоторого «вкуса», некоторого климата, не имеющих ничего общего с восприятием. Также если я вспоминаю этот предмет, ко мне поступает не только запись этого предмета, но и запись моего состояния на момент, когда происходила запись. Конечно это имеет огромные последствия, потому что если бы это память была органом, записывающим только сенсорную информацию, все бы было просто. Однако оказывается, что информация, которую я получаю из внешнего мира ассоциируется с состоянием, в котором пребывала структура в момент записи. Мы скажем больше: мы говорим, что может быть эвокация и данные, которые записаны в памяти, могут достичь сознания благодаря тому, что данные явления записываются вместе с данными структуры. Поскольку эвокация, если внимательно посмотреть, задействуется не поиском образов, а состояний. А образы идентифицируются по соответствию той или иной ситуации, не по самому образу, но на основании состояния, которое ему соответствует. Заметьте что вы делаете, когда вспоминаете: вы хотите вспомнить свой дом. Как вы вспоминаете свой дом? Пронаблюдайте, что вы делаете. Разве вы не испытываете некоторого внутреннего ощущения? И это ощущение, до того, как появиться образ дома, это внутреннее ощущение – это ощущение образов? Нет, это сенестетическое ощущение. Это сенестетическое ощущение осуществляет поиск настроя среди различных внутренних состояний, которое соответствует записям зрительных образов вашего дома.

А когда эвокация воспроизводит ужасный образ, станете ли вы искать среди масок ужаса ту самую, или будете искать ее в климате, который соответствует конкретно этому уровню памяти, который приводит на вас впечатление ужасного? Вы не будете искать среди образов; вы будете искать среди массы внутренних стимулов, сопровождающих существующие записи. Когда сознание наконец произвело эвокацию образа, все будет готово к тому, что образ произведет операции, задействует разряды, мобилизует мышечную систему или аппарат, чтобы он [аппарат] начал работать с образом, чтобы затем появились мыслительные операции, или мобилизовались эмоции и т. д. После того, как образ возник на экране репрезентации, человек готов к действию. Но система эвокации не работает среди образов; она работает через поиск состояний. Приближаясь к языку физиологии, мы можем сказать, что зрительные образы не записываются в нейронах, в нейронах не остаются микроскопически маленькие образы. Скорее есть электрохимические потоки, не являющиеся образами, и когда происходит эвокация, человек не отправляется искать эти микроскопические образы пока не найдет, но ищет электрохимические уровни, которые дают человеку регистры, соответствующие тому уровню, в котором в последующем выразится образ. Эвокация, следовательно, не происходит через образы, но через состояния, сопутствующие сенсорной перцепции того момента.

Давайте приведем пример, к которому мы всегда прибегаем. Я выхожу и понимаю, что я что-то забыл. Что регистрируется тогда? Образ или любопытное ощущение? Конечно не образ, потому что в этом случае мы бы вспомнили, что именно забыли. У нас есть любопытное ощущение, что мы что-то забыли. Что мы делаем тут же? Мы начинаем искать образы, возникает один и мы говорим: «нет, не то», другой - мы говорим: «нет, не то». Мы начинаем искать методом исключения. Что руководит нами в этих поисках? Образ? Нет, не образ руководит нами. Нами руководит состояние, которое приводит к возникновению различных образов и при появлении ненужного образа мы говорим: «нет, я забыл не это, потому что это со мной.» И таким образом, мы продолжаем, руководствуясь внутренними состояниями, до тех пор, пока мы не обнаруживаем предмет и не ощущаем, что нашли, что искали. И мы говорим: «Вот что я забыл!». Производя поиск, мы искали по состояниям, и они приводили к возникновению образов, а мы, узнав их, продолжали поиски. Состояние акта поиска предмета отличается от состояния, соответствующего акту обнаружения (или наполнения) предмета. Отличаются имеющиеся регистры. Однако во всех случаях речь идет о состояниях, которые сопровождаются появлением на большой скорости образов.

В приведенном выше примере «неприятного города», о котором я вспоминаю, я могу сказать, что я узнаю его не потому, что появились образы, но потому, что появилось состояние, в котором я был в момент записи данных города. И тот город был неприятен или приятен, или имел такие-то характеристики не в силу эвокации простых образов, которые могут быть у меня, но в силу состояний, произведенных в момент, когда я их записал. Посмотрите на фотографию из другой эпохи. Своего рода кристаллизация прошлого. Вы видите фотографию и тут же эта фотография, материализуя счастливое событие в тот момент пробуждает в вас ностальгическое ощущение чего-то присутствующего, но потерянного. Происходит сравнение, конфронтация между тем, что есть в

настоящем и тем, что потеряно; это состояние связано с тем, что записывалось в тот момент и состоянием в настоящий момент, в который происходит запись.

Мы сказали, что воспоминание – точнее эвокация — возникает когда память поставляет сознанию уже записанные данные. Сознание производит эту эвокацию намеренно, что отличает ее от другого типа воспоминания, которое навязывается сознанию. В качестве примера может служить вторжение некоторых воспоминаний в сознание, что иногда может совпадать с поисками или психологическими противоречиями, возникающими без участия сознания. Существует различие между поиском данных в памяти и другим случаем, когда данные возникают спонтанно из памяти и вторгаются в сознание с большей или меньшей силой, в зависимости от величины их заряда. Существуют состояния памяти, которые достигают сознания, выпускают образы, а образы навязываются сознанию одержимо. То, что образ, который поступает из памяти или выпускается ею, который вторгается в сознание и безудержно навязывается ему – зависит ли это от образа, от воспоминания самого или от состояния, сопровождающего этот образ? Нет сомнения, что это зависит от состояния, сопровождающего этот образ. А навязчивый образ, соответствующий ситуации, в которой я был давно, этот образ, который навязывается мне, обладает сильным (мы скажем позднее) «климатическим» зарядом. Итак, он прибывает, связанный с состоянием, в котором этот феномен был записан.

Существуют степени эвокации, разные степени, связанные с большей или меньшей интенсивностью регистрации данных. Когда данные лишь слегка превышают минимального порога регистрации, эвокация также будет слабой. Бывают случаи, когда нет памяти данных, но получив их заново, человек узнает их. Есть данные, которые работают на пороге восприятия, который для нас в этом случае является также порогом памяти. Вошедшее в моду когда-то слово «сублиминальное» или так называемая сублиминальная реклама, казавшаяся интересным феноменом, но обернувшаяся полным фиаско, было довольно простым механизмом, в котором стимул запускался на пороге восприятия. Субъект не успел регистрировать данные, но они уже поступили. Мы знаем, что информация поступила, так, как позднее она появлялась в снах субъекта, например. Кроме того, и потому, что субъект в определенном состоянии мог вспомнить то, что очевидно не воспринялось в тот момент, что он не видел. Следовательно, существует ряд данных, которые коснутся порога восприятия, сознание не регистрирует их в тот момент, но они поступают в память. А эти данные, если они поступят в память, поступят туда связанные с сопровождавшим их состоянием. Более того, чтобы данные в рекламе повлияли, необходимо связать запуск сублиминального предмета с конкретной эмоцией. Если бы была идея рекламировать напиток, надо не просто вставлять напиток в переменное чередование 16 кадров в рекламном ролике (мы знаем, что если мы вставим предмет в один кадр через каждые 16 кадров, мы увидим ролик, но не увидим подпороговый кадр, который едва коснется диапазона восприятия). Если бы мы выбрали некоторые части ролика (окрашенные самой глубокой эмоциональной теплотой) и в этих частях вставили продукт, тогда, когда человек вспомнит ролик, записанный сублиминально феномен заработает на нем с большей силой. Такая была идея, она элементарно работала. Но она кажется не увеличивает продаж рекламируемого продукта, однако, есть все еще люди, верящие во «силу этого ужасного секретного оружия». Мы не работаем над проблемой сублиминальной пропаганды. Мы работаем над проблемой образа или явления, едва касающегося порога и записываемого, но записываемого одновременно с состоянием. Начиная с минимального порога эвокации, существуют все более значительные градации вплоть до автоматического воспоминания, т.е. быстрого узнавания. Давайте рассмотрим вопрос языка. Когда человек говорит и глубоко в себе содержит язык, он не вспоминает слова, которые должен употребить, прежде чем озвучить. Это происходит при изучении языка, когда человек учит другой язык, но не тогда, когда лингвистическая система глубоко установилась до автоматизма. Человек работает с идеями, с эмоциями и память поставляет данные соответственно состояниям, которые возникают у человека, который хочет развить свою мысль. Как любопытно было бы, если бы память просто записывала сенсорные данные. Чтобы говорить, мы бы должны были воспроизвести все, что сделали, когда учились говорить. По крайней мере, нам пришлось бы воспроизвести всю систему знаков. Когда я говорю, я не ищу систему знаков. Я ищу лишь свои идеи, эмоции, и знаковые выражения выпускаются, знаковые образы, которые я затем добавлю в язык. Действует автоматическое воспоминание, быстрое узнавание. Узнавание предмета происходит, когда восприятие сравнивается с ранее полученной информацией.

Без узнавания психизм испытывал бы постоянное ощущение «впервые испытания явления», несмотря на его повторяемость. Явление всегда было бы одним и тем же, но не было бы узнавания, и таким образом психизм не мог бы продвинуться - несмотря на мнения некоторых новомодных

психологических течений. Существует мнение, что это «интересный психологический прорыв», если сознание работает без памяти. Если эти проповедники работали бы без памяти, они даже не смогли бы объяснить эту идею другим.

С другой стороны, забывание это невозможность донести уже записанные данные до сознания. Очень любопытно, как подчас забываются целые ряды памяти, ряды ситуаций, идей. Иногда то, что могло бы вспомниться в некотором климате, стирается и следовательно все явления, записанные в памяти, связанные с этим климатом, также стираются. Целые ряды стираются потому, что они могут вызвать образ, ассоциирующийся с климатом, причиняющим боль.

В общем, забывание это невозможность донести уже записанные данные до сознания. Это происходит из-за блокировки в воспоминании, предотвращающей появление информации. Однако также существуют «функциональные» типы забывания, предотвращающие постоянное появление воспоминаний благодаря механизмам взаиморегуляции, которые ингибируют один аппарат, пока функционирует другой. Это означает что, к счастью, человек не постоянно все помнит; что к счастью, возможно помнить, расположив предметы и явления в различные моменты, в разное время. К счастью, мы не постоянно помним потому, что в этом случае принятие данных из внешнего мира претерпело бы сильные изменения. С такими фоновыми помехами от постоянного воспоминания ясно у нас бы были проблемы с наблюдением новых явлений и естественно наши умственные операции были бы в большом расстройстве, если были под постоянной атакой памяти. Мы даже увидим, как забывание или амнезия или блокировка также работают не из-за дефекта, а с целью выполнить важную функцию в экономии психизма. Возможно дело не в том, что структура смонтирована с дефектами, но что она выполняет определенную функцию даже делая ошибки.

Мы можем заметить разные уровни памяти. В обретении индивидуальной памяти в первые моменты, когда человек начинает воспринимать и уже начинает записывать, формируется своего рода «субстрат» (назовем это так), своего рода субстрат древней памяти, глубинный субстрат памяти. Над этой основой памяти, являющейся базой данных, с которой будет работать сознание, структурируется система отношений, которые позднее применит сознание. Это самая древняя память с точки зрения основ произведенных операций. Над этой более древней памятью продолжают регистрироваться, «закладываться» на протяжении всей жизни все записи, - это второй уровень памяти. Есть также третий уровень памяти, - непосредственная память, непосредственно получаемых данных, с которыми мы работаем. Обычно глубокая память твердо запоминается, не производя значительных операций в своем субстрате, а в недавней памяти должно совершаться все расположение данных по порядку, их классификация и сохранение. Также между этими уровнями (т.е. самом недавнем и промежуточном), устанавливается, что-то, вроде «разности потенциалов», как можно сказать, в который поступают новые данные и модифицируют промежуточную память. Если бы мы выполняли простую школьную классификацию, мы бы говорили о древней, промежуточной и непосредственной памяти, а самая объемная работа по классификации была бы отдана непосредственной памяти из всех трех. Даже если работа с более древними данными не так интенсивна, они очень глубоко укоренились. Они как будто создают поле, куда попадают новые данные. По этой причине у нас серьезные трудности при работе с древней памятью. Мы можем выполнять нашу работу с непосредственной памятью, работая косвенно с промежуточной памятью, но чрезвычайно трудно модифицировать глубокие отпечатки субстрата. Это фон, который остался прочно записанным; это он влияет на новые потенциалы, поступающие к архиватору. Таким образом, внутренние напряжения памяти, которые можно назвать «внутренними климатами» памяти, воздействуют на новые данные.

В любой записи так же как и в воспоминании того, что записано, работа эмоций играет чрезвычайно важную роль. Таким образом, болезненные эмоции или состояния позднее дают нам регистр, отличающийся от регистров, зафиксированных в приятных эмоциональных состояниях. Следовательно при воспоминании некоторой внутренней сенсорной записи, также возникнет сопровождавшее ее внутреннее состояние. Если внешние данные сопровождаются защитной эмоциональной системой, системой болезненных эмоций, эвокация записанного поступит отмеченной всей системой болезненной идеации, сопровождавшей запись внешних данных. Это имеет важные последствия.

Также существует своего рода ситуационный тип памяти. Человек записывает другого в определенной ситуации. Вскоре он видит того же человека, но в ситуации совсем другой, чем предыдущая. Затем, он встречается с этим человеком, ощущает его, как знакомого но не узнает; образ не совпадает потому, что образ человека в новой ситуации не соответствует той ситуации, в которой человек был впервые записан. В действительности, все типы записи ситуационны и мы можем

говорить о ситуационной памяти, которая записывает предмет по контексту. Когда контекст того предмета модифицируется позднее, мы отмечаем некоторое знакомство с предметом, но мы не можем узнать его, так как изменились параметры референции. Тогда у нас возникают трудности с узнаванием, по причине вариации контекста, при сравнении старого и нового образов. В механизмах эвокации - в памяти в целом - возникают проблемы потому что иногда, если мы не можем найти все, что сопровождало предмет ранее, мы не знаем, как локализовать его. То, что мы сказали об эвокации (что человек ищет не образы, а тона), также действительно и в этом случае.

Пути входа мнемических импульсов (т.е. импульсов памяти) - внутренние чувства, внешние чувства и действия координационного аппарата. С другой стороны, поступающие стимулы следуют двойным путем – один путь ведет прямо к аппарату регистрации, другой ведет к аппарату памяти. Чтобы стимулы стали регистрируемыми, достаточно того чтобы они лишь слегка коснулись сенсорного порога. Минимальной активности в различных уровнях сознания достаточно, чтобы произошла запись. С другой стороны, когда память обновляется переводом импульса в образ и образа в центр ответа, поскольку в свою очередь происходит регистрация функционирования центра, запись укрепляется. Мы говорим следующее: если импульс памяти поступает в сознание, и в сознании этот импульс преобразуется в образ, этот образ воздействует на центры и они передают сигнал наружу. После выпуска этого сигнала, действие центра регистрируется внутренними чувствами. Следовательно, как же в действительности учится человек? Учится он на данных, поступающих к чувствам и архивируемых в памяти, или учится, выполняя действие? И то, и другое.

В школьном образовании предполагалось, что передающий источник производит сигнал, получатель улавливает его и из этого состоит обучение. Кажется, не все именно так. Кажется, человек учится, когда данные, отосланные памятью, поступив в сознание, переводятся в образ, мобилизуют центр и выпускаются как сигнал (будь тот ответ интеллектуальным, эмоциональным или моторным). Когда этот импульс, преобразованный в образ, мобилизует центр, а центр действует, у человека одновременно происходит внутренняя регистрация действия этого центра. Когда устанавливается вся эта *цель обратной связи*, тогда и углубляется запись. Другими словами: человек учится делая, а не просто принимая данные. Если вы работаете с ребенком, объясняя ему что-то, и он просто находится в состоянии приема, его учение будет отличаться от учения ребенка, которому даются данные, между которыми он должен установить связь и объяснить, что он выучил. Так как одновременно есть цель между тем, кто учит и тем, кто обучает, те же операции учащегося, его вопросы учителю, заставляет учителя выполнять работу и установить умственные отношения, о которых он сам не подумал. Итак, в данной системе связей, учится каждый. Это система связей между обоими собеседниками, в которой, конечно, не работает схема «причины и следствия». Постоянная взаимoadaptация в структуре, в которой данные рассматриваются с разных точек зрения – вот, что работает, а не просто активность одного человека, подающего данные пассивному, принимающему их другому.

В цепи между чувствами и координатором, память действует как своего рода связной, как мост, иногда компенсируя недостаток сенсорных данных, либо эвокацией, либо произвольным воспоминанием. А в случае с глубоким сном, где внешние данные не поступают, до сознания доходят сенестетические данные соединенные с данными памяти. В этом случае мнемические данные не намеренно вспоминаются, но координатор выполняет работу - расставляет данные по порядку, анализируя, выполняя операции при участии памяти. Даже в состоянии глубокого сна, все эти операции выполняются. Сознание выполняет это. Как вы знаете, мы не идентифицируем сознание с бодрствованием. Сознание для нас это нечто более широкое, и поэтому мы говорим об уровнях сознания. Сознание на уровне сна занято механической работой классификации и упорядочения данных. На уровне глубокого сна реорганизуется сырой материал, накопленный в бодрствовании, т.е. материал недавней памяти. Поэтому сны связаны с сырым материалом, полученным в течение дня. Конечно длинные ассоциативные цепи устанавливаются, и данные за тот день устанавливают связь с предыдущими данными; но мы имеем дело в основном с сырым материалом за день (недавней памятью), из которого формируются грезы сновидений.

Координатор может сам обратиться к памяти через эвокацию. Мы называем эвокацию «механизмом обратимости». Он требует, чтобы координатор искал источники.

Память делает многочисленные ошибки. Самые обычные – ошибочное узнавание, которое возникает, когда новые данные неправильно связываются с предыдущими. Ситуация, в которой я сейчас нахожусь, чрезвычайно похожа на другую ситуацию, в которой я находился раньше, кроме разве того, что данный предмет я никогда не видел. Раз существует запись ситуационного типа, я испытываю ощущение, что уже видел предмет, Нет, я не видел его никогда раньше, но я узнаю ситуации похожие

на ту, в которой нахожусь, и которые уже происходили в другое время. Итак, я помещаю незнакомый предмет внутри той ситуационной памяти и мне он кажется узнаваемым. Иногда случается противоположное. Предмет, который я узнаю, вызывает ситуацию, в которой я никогда не бывал, но у меня есть ощущение, что я прожил ее. Вариант этого, называемый «ошибочное воспоминание» - это замещение информации, которая не появляется в памяти другой, словно чтобы заполнить информационный вакуум.

Общий термин для регистра полной невозможности воспоминания данных или целых рядов данных — амнезия. Есть различные классификации амнезии. Может быть амнезия, не только привязанная к конкретному предмету, или предметам, связанным по контрасту, сходству или соседству. Также бывает амнезия, у которой стёртой является запись не предмета, а ситуации, и стирание обнаруживается на разных уровнях памяти. Пример: я не забываю, что случилось пять дней назад, но забываю на разных стадиях жизни некоторые ситуации, связанные друг с другом. Забывание следовательно не просто линейно во времени, но иногда избирательно к конкретной ситуации, повторяющейся на разных стадиях жизни. Этот целый ряд стирается; похоже что стирается, потому, что в действительности чему-то очень трудно стереться из памяти. Обычно данные не могут вспомниться потому, что нет регистра такого-то ощущения, потому что на ощущение регистра, соответствующей такому-то ряду воздействовали другие типы ощущений – среди прочих, болезненные ощущения. Болезненные ощущения, сопровождающие записи некоторых явлений как раз те самые, которые обычно исчезают при эвокации. Так как болезненные ощущения отвергаются всей структурой, все, что сопровождает их, также отвергается. В основе своей, это механизм боли в записи данных заставит их исчезнуть рано или поздно; он заставит их исчезнуть по крайней мере в их эвокативном аспекте. В любом случае, что бы ни записалось с болью, оно либо забывается либо опять вспомнится в сознании, но сопровождавшие попутные содержания должны будут трансформироваться. Есть записи, которые выжжены в памяти, болезненные записи. Однако, если человек хорошо изучит эти болезненные записи, станет очевидным, что многочисленные явления, сопровождавшие их, значительно трансформировались. Каждая запись ассоциируется с другой, соседней. Следовательно, нет изолированного воспоминания; точнее координатор выбирает из воспоминаний те, которые ему необходимы.

Обращаясь к проблеме записи чего-то болезненного и приятного, возникает вопрос: что случится, когда сенсорный стимул записался приятно, но из-за других обстоятельств, он провоцирует душевную или умственную боль? Представьте человека, у которого из-за его нравственного склада возникают проблемы с некоторыми приятными сенсорными данными. Тогда боль и удовольствие смешаны. Оказывается, что у этого человека одновременно регистрируется физическое удовольствие и возникает проблема моральной оценки. Как он тогда вспомнит регистр? Вероятнее всего в будущем он даже не захочет вспоминать произошедшее. Но одинаково вероятно, что у него возникнет своего рода навязчивое состояние по отношению к той ситуации. Тогда мы встретимся с этим человеком, который с одной стороны подавляет эвокацию приятных регистров, а с другой приятные воспоминания нахлынут и навязнутся сознанию.

• **Сознание**

Мы понимаем под сознанием систему координации и регистрации, задействованную человеческим психизмом. Иногда мы говорим о «сознании», иногда о «координаторе», а в иной раз о «регистраторе». Получается, что даже когда дело касается одной и той же вещи, она выполняет разные функции; но мы имеем дело с одной вещью все же. Совсем другое то, что мы называем «я». Мы не отождествляем это «я» с сознанием. Мы считаем, уровни сознания разными средами работы сознания, и отождествляем «я» с тем, что наблюдает за развивающимися психическими процессами - не обязательно процессами бодрствования. В бодрствовании я регистрирую и выполняю многочисленные операции. Если кто-то спросит «кто вы?», я отвечу «я» и добавлю к этому удостоверение, номер, имя или что-то подобное. У меня впечатление, что «я» регистрирует такие же операции изнутри, оно будет наблюдать за операциями сознания. Мы уже различаем операции, выполняемые сознанием и этим наблюдателем, который ссылается на эти операции сознания. Если я буду обращать внимание на то, как я наблюдаю, я увижу, что наблюдаю «изнутри». Если я буду наблюдать за своими собственными механизмами, я увижу, что они рассматриваются «изнутри». Если я понижу уровень сознания и усну, как я вижу себя? Я иду по улице во сне; я вижу пробегающие мимо машины, проходящих мимо людей - как я вижу этих людей, эти машины? Изнутри? (как я вижу сейчас вас и знаю, что вы снаружи, и следовательно, я вижу вас изнутри себя). Так же ли я вижу себя

во сне? Нет. Я вижу себя снаружи. Если я наблюдаю за тем, как вижу на уровне сна, я вижу как я вижу машины, проезжающие мимо и людей, я наблюдаю за собой снаружи. Сделаем это иначе - попробуйте сделать это из памяти. Теперь вы помните себя в ситуации, когда были ребенком. Хорошо. Что вы видите в этой сцене? Вы видите изнутри, так же как сейчас видите окружающие вас вещи? Вы (как ребенок) видите изнутри окружающие вас вещи? Нет, вы видите себя снаружи. В этом смысле, где же «я»? Находится ли «я» внутри системы структурирования, выполняемого сознанием, и воспринимает предметы, или «я» снаружи? С одной стороны, у человека впечатление, что в некоторых случаях, оно внутри, а иногда — снаружи. С другой стороны, человек видит, что пронаблюдав за одними и теми же операциями сознания, наблюдатель отделен от этих операций. Во всяком случае «я» кажется отделено – снаружи оно или внутри. Мы только знаем, что оно не включено в операциях.

Итак, как это я идентифицирую «я» с сознанием если все имеющиеся у меня регистры ясно фиксируют разделение «я» и сознания? Если я наблюдаю все регистры, имеющиеся от «я», я увижу, что все эти они говорят о разделении того, что я называю «сознанием и операциями сознания» и что называется «я».

Как составлено это «я»; почему оно возникает и почему я совершаю эту ошибку ассоциации «я» с сознанием? Во-первых, мы не рассматриваем как сознательное явление, которое не зарегистрированное; мы также не считаем сознательной операцией психизма, в которой не участвуют задачи координации. Когда мы говорим о регистре, мы говорим о фиксации на разных уровнях. Это потому, что мы не отождествляем сознание с бодрствованием. Сознание это нечто более широкое. Часто сознание связывают с деятельностью бодрствования, а все остальное остается вне сознания.

Что же касается фундаментальных механизмов сознания, мы понимаем, под ними механизмы обратимости, являющиеся способностями сознания направлять себя к источникам информации посредством внимания. Если оно обращается к сенсорному источнику, мы говорим об «апперцепции». Если оно обращается к памяти, мы говорим об «эвокации». Также может быть «апперцепция в эвокации», когда осознаются данные, записанные на пороге регистрации. Такова сублиминальная запись, когда человек не понимает, когда она происходила, но тем не менее позднее, запись может вспомниться.

Я называю «перцепцией» простую регистрацию сенсорных данных. К примеру, мы здесь вместе, слышится шум, я воспринимаю шум. Мой интерес затем может направиться к источнику шума, но факт в том, что данные навязали моему регистру. Я буду рассматривать это как восприятие. Естественно, оно чрезвычайно сложно, произошедшее структурирование и все такое. С другой стороны, я называю «апперцепцией» поиск сенсорных данных. Итак, перцепция - это когда данные навязываются [на чувство]; аперцепция – когда я ищу эти данные. Я называю «воспоминанием» элемент, который не поступает от чувств, но поступает из памяти в сознание. Я называю «эвокацией» деятельность сознания, направленную на поиск данных из памяти. Но также есть другое, что осложняет нам все: «апперцепция в эвокации», например, в которой действия двух аппаратов кажутся смешанными. Такова ситуация, в которой записались данные на сенсорном пороге и в тот момент у меня не было сознания того, что произошло, но данные записались в памяти. Затем, позднее, при работе эвокации, эти данные возникают. Давайте рассмотрим пример. Я вижу много людей на улице. Я рассматриваю их, а позднее вспоминая произошедшее, я говорю «Мой друг прошел мимо меня, а я не поздоровался!». Здесь я работаю с апперцепцией в эвокации. То есть я концентрирую внимание на том, что случилось в памяти, я вспоминаю, а когда я вспомнил, что-то возникает, что записалось, хотя я не полностью осознавал это в момент, когда произошла запись. Затем из всех ощущений регистра, которые у меня есть в акте воспоминания, я направляюсь, выбрав одно из них.

Работа механизмов обратимости напрямую связана с уровнем работы сознания. И мы говорим, что при понижении уровня сознания, снижается работа этих механизмов и обратно. Это имеет огромную практическую значимость для нас в последующей работе. По мере понижения уровня работы сознания, механизмы обратимости постепенно блокируются, его деятельность начинает снижаться. При повышении уровня работы сознания, работа обратимости (т.е. направление сознанием своих собственных механизмов), повышается.

Есть минимальное структурирование, на основе которого функционируют все механизмы сознания: структура акт-объект. Акт-объект функционирует в сознании так же, как структура стимул-регистр. Акт и объект связанные между собой механизмом структурности сознания, интенциональным механизмом сознания. Акты всегда связаны с объектами, будь они осязаемыми, неосязаемыми или просто психическими.

Также как чувства и память всегда работают, сознание постоянно запускает акты, направляя себя на объекты. Связь между актом и объектом непостоянна, так как существуют те акты, которые направлены в поиске объекта, что именно и дает динамику сознанию.

Некоторые психологи полагали связь акта сознания с объектом фундаментальной характеристикой сознания. Считали, что нет акта без объекта и нет объекта без акта. Конечно, они не исключали возможность того, что объект, на который направлено сознание, может меняться. Если бы это было не так, сознание столкнулось бы с серьезными трудностями, двигаясь от одного объекта к другому, потому, что в момент перехода у акта не было бы того же объекта. Именно благодаря способности акта искать объект сознание может передвигаться от одного объекта к другому. Строго говоря, эти психологи раскрыли великую истину, и она в том, что акт сознания всегда направлен на объект и даже если объект меняется, сознание продолжает поиск «направлено на». Следовательно, сознание - интенционально и ведет себя, как структура «акт – объект». И так объекты сознания - будь они восприятиями, поступающими в сознание, репрезентациями, абстракциями и т.д. - все они возникают как объекты актов сознания. Таким образом, я могу искать конкретное воспоминание – это объект. Я могу искать конкретное восприятие - это объект. Я могу выполнять абстракцию - это объект. Но операции, которые я выполняю, разнообразны. Я могу выполнять разные типы актов.

Интенциональность сознания (это направление актов сознания на определенные объекты) всегда запускается в будущее, в направлении того, что должно появиться. Эта деятельность футуризации актов сознания чрезвычайно важна. Интенциональность всегда направлена в будущее, что регистрируется как напряжение поиска.

Если я собираюсь вспомнить, что произошло полчаса назад, я подготавливаю себя к запуску акта сознания в будущее. В данный момент я «пока еще» не нашел, что случилось 10 минут назад, но я ищу это. Конечно, в будущем я найду то, что ищу. Наконец я нашел это. Неизбежно, сознание движется в режиме будущего и таким образом оно работает, возвращаясь к прошедшим событиям. Неизбежно время сознания – футуризация. Оно идет к тому, что случится с сознанием, даже в случае воспоминания. Итак, люди, которые идут к прошлому и закрепляются в нем, фиксируются в нем, кажется динамика их сознания кристаллизовалась, но даже для этих людей динамика сознания продолжает действовать. Во всех случаях я создаю регистры прошедшего, но направление моего сознания всегда в поиске, оно всегда продвигается вперед, даже пытаюсь вернуть события, имевшие место давно в прошлом. Структурирование времен сознания отличается в соответствии с вариацией уровня работы сознания. Данные хранятся в определенной последовательности и позднее я могу вспомнить их последовательность, однако это не работает таким же образом на других уровнях работы сознания. Последовательность событий модифицируется в зависимости от уровня сознания. Может казаться, что-то что случилось раньше, случилось позже, последующее событие, может показаться предшествовавшим, и возникает та странная смесь, которая происходит в сновидениях.

Есть две важные особенности в структурировании, выполняемом в соответствии с уровнем, на котором оперирует сознание: порядок хода времени (в сознании) с одной стороны, и вариация обратимости с другой.

Эффективность механизмов обратимости и порядочное расположение объектов во времени сознания – полностью характерные особенности бодрствования. Мы можем говорить о другом виде механизма или другом типе функции сознания, например, внимании, являющемся способностью сознания, благодаря которой возможно наблюдать внутренние и внешние явления. Когда стимул минует порог, он пробуждает интерес сознания и занимает центральное место, к которому направляется внимание сознания. Другими словами, внимание работает в зависимости от интереса, в зависимости от того, что так или иначе производит впечатление на сознание.

Возникает стимул, который преодолевает порог и затем, если больше ничего его не занимает, внимание направляется в сторону стимула, призывающего к себе. Другими словами, внимание всегда руководится интересами, которые являются регистрами. Объект может оставаться в центральной области, в этом случае я полностью на нем концентрируюсь. Если я занят объектом целиком, окружающие его объекты теряют для меня интерес, мое внимание полностью сконцентрируется на объекте и во вторую очередь его поле расширяется, включая другие объекты. Но мое внимание направлено на объект. Я называю это полем присутствия – т.е. все, что возникает в моем внимании независимо. Все, что не кажется непосредственно связанным с объектом, становится размытым в моем внимании. Словно все, что окружает объект, не интересует меня. Я рассматриваю это постепенное отсутствие интереса к другим объектам как вступление в поле соприсутствия, хотя это соприсутствие также действует и сопровождает центральное присутствие объекта. Следовательно мы

не должны путать поле присутствия и соприсутствия со старым понятием «центра внимания», который предположительно выделил объект внимания и постепенно затуманил другие объекты, сократив их до состояния неактивности.

Эти поля соприсутствия, хотя и кажутся явлениями, строго ограниченными механизмами сознания, связаны с памятью. В первый момент я наблюдаю за объектом. Этот объект окружен другими. Объект, на который я обращаю внимание – самый важный, но есть и другие. Эти операции связаны и с вниманием и с восприятием. Если я вспоминаю центральный объект, который я раньше наблюдал, он затем вступит в мое поле присутствия; но я теперь также могу вспомнить и поместить в поле присутствия объекты второстепенные в момент восприятия; так что в эвокации я могу переместить мое поле присутствия к объектам соприсутствия. Что было второстепенным, может в эвокации превращаться в первостепенное. Я могу это делать потому, что в любом случае, была регистрация присутствующего и соприсутствующих объектов.

Эти соприсутствия в памяти выполняют очень важные функции, потому что они сделают возможным для меня связать ряд объектов, которые не присутствуют в одном моменте записи, но были записаны ранее. Это даст мне возможность сказать: «А, это похоже на что-то, что я видел раньше!» «А, это похоже на вон то!» «Ага, это не такое как то!» «Ага, это связано с тем!» Это потому, что когда я воспринимаю, память также работает, и многочисленные данные работают соприсутствуя с тем, что я вижу. Работа присутствий и соприсутствий делает возможным структурировать новые данные, поступающие средством восприятия. Если не было бы давление от этих данных в соприсутствии я не смог бы структурировать новые поступающие данные.

Таким образом, мы говорим просто, что когда работает внимание, есть объекты, кажущиеся центральными и объекты, кажущиеся периферийными – объекты которые появляются соприсутственно. Это присутствие и соприсутствие внимания происходит как в отношении внутренних, так и внешних объектов. Когда я уделяю внимание объекту, присутствует очевидный аспект, а не очевидные действуют соприсутственно. Этот объект, который я вижу, присутствует только в том аспекте, в котором я способен воспринять его, остальное «скрыто». Но скрытая часть действует соприсутственно. Я не воображаю, что то, что передо мной просто линия, или плоскость или две плоскости, которые я воспринимаю. Я понимаю, что это тело. Все это работает соприсутственно и все это больше, чем мое восприятие. Каждый раз, когда я воспринимаю, я воспринимаю объект плюс то, что его сопровождает. Сознание делает это над восприятием. Я всегда воспринимаю и структурирую больше, чем я воспринимаю. Иногда я неплохо справляюсь, иногда неудачно. Это подразумевание об объекте, гораздо больше чем можно воспринять о нем, характерно для сознания. Сознание работает с большими объемами, чем то, чему оно нужно уделять внимание, оно идет за пределы наблюдаемого объекта. На различных уровнях сознания, человек испытывает одно и то же. Например, в бодрствовании есть соприсутствие грез, в снах возможно соприсутствие бодрствования. У кого не было ощущения, когда он спал, что он бодрствует? У кого не было ощущения знания, во сне, что он спит? У кого не было ощущения в бодрствовании, что он как будто спит, когда он осознает силу череды грез, воздействующих на него? Уровни работают соприсутственно и иногда у человека этот факт регистрируется. Иногда в бодрствовании проявляются содержания других уровней и тогда я осознаю давление оказываемое этими содержаниями. В мое бодрствование вмешивается состояние, в мой уровень бодрствования вторгается состояние, не соответствующее миру восприятия; объекты, не имеющие ничего общего с теми, которые я воспринимаю в повседневности. Эти состояния, возникая в моем бодрствовании, дают мне понять, что другие уровни оперируют одновременно с уровнем бодрствования. Существует соприсутствие работы других уровней, одновременное с работой конкретного уровня.

В этом замечательном сознании есть и механизмы абстракции и ассоциации. Абстрактивная способность сознания увеличивается в уровне бодрствования. Мы говорим в общем, что обратимость возрастает в бодрствовании, усиливается управление внимания, порядок событий, также увеличивается абстрактивная работа сознания. В полусне и сне все механизмы описанные выше испытывают падение в уровне работы и способность к абстракции также снижается. При падении уровня, способность к абстракции снижается, способность мыслить абстрактно у человека снижается. Когда хочется спать, немного математических операций можно сделать, а еще меньше этих операций можно сделать, когда спишь. Однако, с понижением уровня сознания возрастает ассоциативная способность. В основе бодрствования также есть ассоциация, но бодрствование специализируется на абстрактивных механизмах. Говоря о воображении, мы скажем, что его работа проявляется активации ассоциативных механизмов. Мы подтверждаем, что есть спонтанное

воображение, просто ассоциативное воображение, и направленное воображение. Есть различие между беспорядочным ассоциированием и установлением отношений между событиями, как делает например, романист. Он пишет «глава 1», «глава 2» и воображение создает порядок. Спонтанное хаотичное и ассоциативное воображение довольно отличается от воображения, которое расставляет по порядку все ассоциативное. Последнее часто называется «направленным воображением». Искусство активно использует этот тип воображения.

Есть важные различия между абстрактными операциями и операциями воображения. У абстрактных больше логики, они упорядочивают мир данных. Воображение не занимается упорядочением, а работает с образами, функционирующими на основе ассоциаций идентичных с идентичными, похожих – с похожими. Это один путь, который мы называем «сходство». Ассоциация по сходству, например: «красный – кровь». По соседству: «мост - река» По контрасту: «белый – черный», «высокий – низкий» и т. д. Дивагационное воображение характеризуется свободной ассоциацией, без гида, в котором образы отпускаются и налагаются на сознание, прежде всего в снах и грезах. В направляемом воображении, с другой стороны, у сознания в бодрствовании есть некоторая оперативная свобода, позволяющая направлять по плану изобретение, цель которого в формировании еще не существующего. Кто-то следует за планом и говорит: «Я напишу об этом» и человек дает свободу воображению, но более или менее согласно плану.

В зависимости от того, какой из указанных механизмов работает над поступающими в сознание импульсами, т.е. механизм абстракции или ассоциации, получатся различные переводы, которые формально закрепятся в различных репрезентациях. Обычно абстрактная работа мало связана с образами. С другой стороны, когда ассоциативные механизмы активированы, основа работы – образ. Тема образа приводит нас к жизненно важным вопросам.

Пространство репрезентации³

Некоторые психологи полагали, что образ это плохая «копия» восприятия, и в общем, ошибка сознания. Для нас образ выполняет много функций, одна из наиболее важных - перенос импульсов к аппарату ответа. Следовательно, когда возникает образ, обычно мобилизуется ответ. Когда возникает абстракция, ответ необязательно возникает. С этими «вещами, которые я воображаю» происходит то, что я переношу импульсы от репрезентации к аппарату ответа. Мы увидим это на примере «мышечного тонуса». Если я представляю объект справа от моего тела, понемногу оно обратится в эту сторону. Если я представляю объект слева, то же произойдет в другом направлении. Рука легче движется по направлению к объекту, о котором думалось. Труднее двигать ее в обратном направлении. Образ предполагает работу моторного центра в одном или другом направлении.

Давайте рассмотрим это поподробнее. Человек дома и голоден. Он немедленно направляется к холодильнику. Всякий скажет, что это ответ на стимул. Так просто! Но что привело к тому, что «стимулу-голоду» соответствует ответ «пойти к холодильнику»? Почему, например, когда человек голоден, не идет в туалет? Как получается, что появляется холодильник, а не туалет? Конечно что-то случилось молниеносное, что не было даже осознано визуализировано, но оно сработало. Чрезвычайно важно понять функцию, выполняемую образом, потому, что именно он готовит телесный тонус и в конце-концов движет тело в определенном направлении. Когда мы говорим «образ переносит психические заряды на физические уровни», мы далеки от того, что думали психологи предполагавшие, что образ это приглушенное восприятие. Давайте свяжем работу образов с работой красных кровяных шариков. Эти красные кровяные шарики достигают легких и заряжаются кислородом. Оттуда они спускаются с потоком крови, отдавая кислород разным частям тела. Совершая это, они загружаются испорченными газами, и вернувшись в легкие он разряжаются от них. Таким же образом работают соединительные элементы психики (образы): забирая заряд из одного места, перенося его в другое, опять забирая заряд, и перенося его. Так образы переносят психофизическую энергию. Образы передвигают импульсы с одного места в другое, иногда это напряжения, иногда раздражения, иногда данные восприятия, иногда данные памяти. Эти импульсы переводятся в образы, которые затем проявляются и запускаются в направлении центров ответа. Затем центры движутся либо защищая тело, или провоцируя борьбу, либо приближая приятное. И именно благодаря образам регистры приятного и болезненного могут превратиться в деятельность тела. Но то же происходит по отношению к приятному и болезненному в самой деятельности мозга. Некоторые

3 О пространстве репрезентации см. в книге: Сило. К вопросу о мышлении. «Психология образа» www.silo.net

образы выполняют функцию разряда напряжений в репрезентации, посредством функции воспоминания приятных объектов или ситуаций, работающих на экономию психизма. Эти образы всегда открывают путь, но при этом сталкиваются с препятствиями. Существуют образы, которые навязываются сознанию потому, что они не могут открыть канал. Конечно существуют процедуры, чтобы помочь образу найти свой путь и проявиться в направлении некоторого заданного центра. Это нам с очевидностью демонстрируют катартические особенности образа. Образ позднее превращается в слова, например, и некоторые напряжения разряжаются ими или продолжают трансформироваться вымещаясь в сторону центров. Кроме этого, мы обнаруживаем не только «катартические» функции (перенос заряда образа), но и трансференциальную функцию образа, проявляющуюся при отделении от мотивировавшего его поля импульсов.

Давайте спросим: как возможно, что на уровне сна образы так сильны, но не движут телом? Они должны бы, из-за тонуса двигать телом даже больше, чем в бодрствовании. Если с понижением уровня возникает больше образов, тело должно больше двигаться. Однако, обычно во сне тело не двигается вслед образам. Здесь срабатывает механизм блокировки, который можно проследить физиологически - механизм, срезающий связь с моторным центром при падении уровня сознания. Тогда появляется образ, но разряд, который мобилизовал бы тело, не проходит.

Когда мы говорим об образах, мы не просто говорим о зрительных образах. Каждое чувство производит свой тип образов и благодаря этому, у человека могут быть репрезентации осязательных, вкусовых, слуховых и т.п. явлений. Обычно в нынешней культуре и в данной модели образования образы ассоциируются со зрением. Однако, вы можете проверить, что у вас есть также репрезентации запахов или, что вы помните голоса, не обязательно при этом имея визуальные репрезентации. Все, что вы помните в отношении запаха или звука, происходит в «некоторой части» репрезентации. Естественно вы отличаете в смысле местонахождения звуковых репрезентаций звук, поступающий снаружи от звука, который вы представляете, воображаете. Этот последний образ не просто «внутри» (и это уже указывает на пространство репрезентации), но и это «внутри» расположено в некотором «месте». Это место не обязательно видимо, но оно ощущается, чувствуется.

Вы на концерте, перед вами оркестр. Вы закрываете глаза, и внимательно слушаете звуки инструментов. Вы слышите инструмент слева, вы слышите инструмент справа. Если вы обратите внимание на глаза, то вы заметите, что когда вы слушаете что-то слева, глаза ваши движутся влево, когда вы слушаете инструмент справа, ваши глаза движутся вправо. Таким образом вы следите не совсем за музыкой, а также и за источниками звуков движением глаз. Отсюда можно заключить (еще один случай тоничности), что куда бы ни направлялся феномен внимания, даже если оно не визуальное, глаза также будут следовать за источником; так, хотя глаз не имеет отношение к музыке, никакого отношения к звуку, глаз следит в пространстве за стимулом, который достигает уха. Более того, о звуке говорят «высокий» или «низкий» потому, что, вы также можете заметить, проследив за репрезентацией этих звуков и регистром движения глаза, что при повышении тональности звука, глаз имеет тенденцию подниматься вверх. Как только звук становится глубже, глаз движется вниз. Казалось бы, что между ухом и глазом нет связи. *Но так как все чувства производят свои репрезентации, каждой из которых отведено место в умственном пространстве, это пространство является средой, где умещаются репрезентации, произошедшие из разных источников восприятия. Это пространство всего лишь совокупность внутренних репрезентаций, присущих сенестетической системе.*

Итак умственное пространство - это своего рода экран, на котором воспроизводятся импульсы сенестезии индивида. Таким образом, каждый феномен восприятия, достигающий аппарата координации, помещается в некоторой точке экрана репрезентации. Будь-то звук, запах, или предмет, который вводится визуально, в каждом случае репрезентация размещается в какой-то точке пространства репрезентации. Это пространство не только обладает градацией в двух плоскостях, у него есть глубина, объем, и оно приблизительно реплицирует тело индивида. Это «тело» репрезентации или, если угодно, «пространственный референциальный фон».

Если вы помните оркестр из примера, вы вероятно также помните и музыку и пространственное расположение инструментов и звуков. Также возможно проверить, что при актах воспоминания, глаз движется в поиске «звукопроизводящего» источника, отыскивая «места», откуда происходит этот «звук». Когда вспоминаются звуки, находящиеся «вдали и впереди», они помещаются на глубине пространства, отличной от места, где расположена память звука «вблизи и впереди», и эта градация внутренних расстояний сопровождается настройкой глаза, словно бы он воспринимал феномены из внешнего мира. Эти категории «близко» и «далеко» вместе с положениями «вперед», «назад»,

«налево», «направо», «вниз» и «вверх» ясно показывают объемные параметры пространства репрезентации. Если у этого пространства по крайней мере три измерения, тогда все явления (даже тактильные, вкусовые или обонятельные) могут быть помещены по высоте, широте и глубине. Эта глубина пространства репрезентации делает возможным определение происхождения феномена — поступил ли он из внутреннего или внешнего мира.

Здесь мы должны установить, что *«барьер», разделяющий внутреннее и внешнее – это чувство осязания*, закономерно подразделенное на внутреннее осязание и внешнее осязание. Одно из важных местоположений «тактильного барьера» - на лице, именно здесь сконцентрировано на небольшом пространстве большинство внешних органов чувств.

Следовательно, существует система градации в пространстве репрезентации, которая делает возможным нахождение феномена, исходя из его источника и кроме того, различение до некоторой степени мира сенестезии и мира внешних чувств. Благодаря существованию пространства репрезентации, система импульсов достигает сознания, переводится в образ. Этот образ заново переводится, запуская деятельность в центре, а последний активизируется в направлении некоторого диапазона и глубины пространства референции. С другой стороны, от работы центра также есть восприятие; это восприятие генерирует соответствующий образ, и таким образом, по цепи обратной связи, корректируется общую деятельность структуры.

Если внутренняя репрезентация помещена на уровне сенестетического явления, эти образы, превращенные в ответ, мобилизуют явление на сенестетическом уровне. Если репрезентация задействована на уровнях, присущих внешней деятельности, центры будут мобилизованы во внешнем направлении. Конечно, возможны многочисленные ошибки в размещении образа на определенном уровне репрезентации и следовательно, будет интересно владеть методами, которые позволили бы выместить образ (который является основой для ответа) в сторону надлежащего положения во внутреннем пространстве репрезентации.

Пространство репрезентации обладает разнообразными качествами в соответствии с тем, какой уровень сознания работает. Возникновение явления в пространстве репрезентации в состоянии бодрствования, отлично от того, когда оно возникает на уровне сна. Когда вы видите себя во сне, вы помещаете себя в некоторой точке пространства репрезентации иным образом, чем когда вы вспоминаете о явлении (в бодрствовании). В первом случае вы видите себя включенным в виде образа внутри того пространства, но вы наблюдаете за собой из внешней точки (т.е. вы видите себя «снаружи»). Во втором случае, вы узнаете явление внутри пространства репрезентации и наблюдаете за ним из себя (иными словами, ваша точка зрения находится «снаружи» так же, как и в предыдущем случае, но вы не видите себя с внешней точки; вы видите объект из самого себя, как будто глядя своими глазами, узнавая объект, включенный в пространство репрезентации). Если у вас точка зрения «снаружи», внутреннее пространство кажется контейнером, и образ самого себя появляется включенным внутри того пространства. В этом случае последствия перевода образа в движение будут иными, чем если вы находитесь «снаружи» как точка зрения и как образ (поскольку вы смотрите изнутри и следовательно, вы - контейнер, а наблюдаемый объект – содержимое).

Первое происходит в снах. Вы видите себя внутри пространства репрезентации. Что вы тогда мобилизуете? Вы мобилизуете образ самих себя. Но совсем иное, когда вы себя не видите, а видите явление, включенное в это пространство. Следовательно, хотя существуют физиологические объяснения отключению движения, вызванному понижением уровня сознания, конечно, есть психологические регистры, которые позволяют нам понять, что в снах мобилизация образов в направлении к миру парализована потому, что регистр субъекта самого себя, наблюдается им самим же с внешней точки зрения и следовательно, становится включенным во внутреннее пространство. Мы должны опять подчеркнуть, что регистры, о которых мы говорим, образа самого себя и точки наблюдения, не следует рассматривать, как непременно визуальные образы. У слепых с рождения, согласно тому, что они говорят, нет зрительных репрезентаций; однако, нет сомнения в том, что они отлично помнят слуховые, вкусовые и другие явления. Им не нужны зрительные образы. В любом случае, у слепых репрезентации других чувств появляются размещенными в пространстве.

На данном этапе необходимо сделать несколько наблюдений о структурировании сознания и пространстве репрезентации, и некоторых сбоях, происходящих в их работе. В соответствии с тем, какой из механизмов абстракции, классификации, рассеянного или направленного воображения – будут работать над импульсами, поступающими в сознание, получают различные переводы образов, которые формализуют многочисленные репрезентации. Что же касается сбоев работы сознания, мы можем считать их отличными от *сбоев, случающихся в отношениях между сознанием,*

чувствами и памятью, которые мы в общем называем «дисфункциями». Галлюцинации, к примеру, не являются дисфункцией, но сбоям координации. Они случаются, когда репрезентации возникают, «проецируются» и воспринимаются «вне» сознания, и переживаются как реальные объекты или ситуации, размещенные во внешнем мире с характеристиками, присущими явлению, воспринимаемому внешними чувствами. В этом смысле все явления, возникшие на уровне сна и активного полусна, характеризуются галлюцинациями из-за мощного внушающего эффекта регистра реальности, который они имеют на наблюдателя, чья точка наблюдения, как в состоянии бодрствования, находится «вне» сцены галлюцинации.

Галлюцинации (в состоянии бодрствования) - это конфигурации, выполненные сознанием на основе памяти. Они обычно появляются в ситуациях острого истощения, из-за недостаточности стимулов, при некоторых заболеваниях и в ситуациях близкой смертельной опасности. Они часто случаются в случаях физической слабости и возбужденного сознания (что мы обсудим далее), в которых координатор теряет способность размещения во времени и пространстве.

В качестве дисфункций сознания, связанных с чувствами, мы можем упомянуть неспособность последовательно связать информацию, когда информация с одного канала приписывается другому.

Существуют многочисленные дисфункции сознания, связанные с памятью, случающиеся на разных уровнях сознания. Можно утверждать, что разные уровни выполняют функцию компенсации объема информации, выдавая временами структурирующие или компенсирующие ответы. Это приводит нас к мысли, что если явление оказывается в поле определенного уровня сознания, оно одновременно структурируется, связывается с другими явлениями. На этом уровне сознания также немедленно производится компенсаторный ответ. В связи с вторжением на эти уровни новых явлений, на них, следовательно, нарушается равновесие.

На уровне глубокого сна работа внешних чувств минимальна. Кроме информации, преодолевающей порог, установленный самим сном, не поступает никаких других данных от внешнего мира. Работа сенестетического чувства доминирует, подавая импульсы, которые переводятся и преобразуются работой ассоциативных механизмов, возбуждая онейрические образы, образы сновидения. Характеристики образов на этом уровне - огромная сила внушения и огромная гипнотическая способность. Психологическое время и пространство иные, чем в бодрствовании. Структурирование акт-объект часто проявляется без соотношения среди его элементов. Идет поиск отдельного объекта, а возникает другой, необычно завершая поиск. Так же случается, что климаты и ситуации развиваются независимо друг от друга, так что акты сознания на разных уровнях не совпадают с объектами сознания, как это происходит при бодрствовании. Заряды, сопровождающие репрезентации уровня глубокого сна, становятся независимыми от объектов, с которыми при бодрствовании сохранили бы более тесную связь. Исчезновение критичности и самокритичности типично для сна, но при подъеме уровня сознания эти механизмы наращивают свою деятельность.

Инерция уровней и среда, в которой расположены явления, являются причиной мобильности уровней и постепенности перехода от одного уровня на другой, его большей или меньшей замедленности, и некоторой непрерывности. Таким образом выход и вступление в сон совершаются переходом через полусон, а случаи прямого перехода от бодрствования ко сну, без минимальных регистров перехода через промежуточные уровни - довольно необычны. Если начиная от уровня сна субъект проснется в измененном состоянии, инерция предыдущей стадии полусна, будет оперировать в этом состоянии бодрствования, перетягивая содержание из предшествующего момента.

На уровне полусна, который предшествует бодрствованию, внешние органы чувств начинают посылать информацию сознанию, информацию не совсем структурированную, из-за помех со стороны грез и присутствия сильных сенестетических регистров. Содержания сна, хотя еще продолжает появляться, теряет свою силу внушения, из-за наполовину бодрствующего восприятия, которое уже поставляет новые параметры, приносит новые референции. Внушаемость не прекращает воздействие, прежде всего в случаях очень живых образов, которые мы называем «гипнагогическими образами». С другой стороны, появляется система прерывающихся грез. Именно на этом уровне ядро грез и вторичные грезы могут быть проще всего зарегистрированы по крайней мере в их эмоциональных тонах и основных видах напряжений. Уровень полусна до сна (когда содержание перетягивается из бодрствования) и после сна (когда перетягивается онейрическое содержание) различны по своему характеру. Также возможно наблюдать случай измененного состояния сознания, случающийся только при определенных условиях. Модальность грезы, характеризующая этот уровень (мы продолжаем говорить о полусне), обычно переводится действием инерции в бодрствование, обеспечивая сырой материал для рассеянного мышления хотя элементы бодрствующего восприятия также могут

присутствовать. Конечно, при переходе с одного уровня на другой, пространство репрезентации модифицируется так же, как и помещение субъектом самого себя в этом пространстве. В этом уровне полусна координатор уже может совершать некоторые связанные операции. Мы также упоминаем, что этот уровень весьма нестабилен, и, следовательно, его легко изменить и вывести из равновесия. Мы также обнаруживаем состояния пассивного и активного полусна. Пассивный полусон предлагает легкий, как будто субъект позволяет себе просто «провалиться», переход ко сну и сопровождается прогрессирующей релаксацией. С другой стороны, можно говорить об активном полусне, когда полусон склоняется к бодрствованию. Это состояние может стать «измененным» при переходе индивидом к «ложному бодрствованию», когда связь с системой отношений с внешним миром устанавливается, но без отказа от системы мышления полусна.

В бодрствовании внешние органы чувств вносят большой поток информации, регулируя внутренние чувства ингибированием и делая возможным для координатора ориентацию себя в направлении к миру в компенсаторной работе психизма. Здесь работают механизмы абстракции, механизмы критики и самокритики, достигая высокого уровня выражения и вмешательства в задачи координации и регистрации. Механизмы обратимости, которые проявились минимально на предшествующих уровнях, могут полностью функционировать в бодрствовании. Сила внушения содержания под уровнем бодрствования уменьшается с расширением системы референций, основанных на внешней информации. Есть тон активного бодрствования, который может быть внимательным с максимумом управления апперцепции; есть также и тон измененного бодрствования. Пассивное бодрствование также может быть внимательным или измененным. В этом последнем случае появляются рассеянное мышление и более или менее фиксированные грезы.

Существуют многочисленные отношения между уровнями, производящие взаимные альтерации. Один уровень не может действовать на другой, не может совершиться перенос заряда из одного уровня на другой без изменений в самом уровне. Любой уровень, регулируя другой уровень, в свою очередь подвергается воздействию. Можно перечислить по крайней мере четыре фактора, влияющие на отношения между уровнями. Мы можем назвать их «инерцией», «шумом», «рикошетом», «перетаскиванием». Давайте поговорим немного об инерции. Каждый уровень сознания стремится сохранить свой уровень работы и поддерживает его деятельность до тех пор, пока не завершён цикл. Мы уже говорили о том, как в общем все имеет цикличность. И конечно, бодрствование стремится сохранить себя в течение цикла, в течение более или менее адекватного промежутка времени – когда люди занимаются своими дневными делами. С нарастанием усталости (не только мышечной, но глубокой усталости) в цикле бодрствования наступает спад. Но до той поры бодрствование стремится сохранить себя.

Следующие примеры являются следствиями структурной инерции уровня, стремящейся к сохранению и расширению характерного типа артикуляции. Случай с «шумом» происходит, когда инерция предыдущего уровня проявляется как фон возмущения в работе высшего уровня. Инерция полусна появляется как фон возмущения при состоянии бодрствования, которого субъект достиг при пробуждении. Как шум мы различаем эмоциональный «климат», напряжение, и содержание, которое не соответствует работе координатора в настоящий момент. Эффект «рикошета» возникает как ответ уровня, в который было введено содержание с другого уровня, после преодоления защиты инерции, или при достижении ее. Таким образом некое содержание может перемещаться и, когда оно достигает другого уровня, оно встречает сильное сопротивление, сталкивается с «обороной уровня». Мы говорим, что содержание «рикошетирует», когда оно возвращается на изначальную территорию. Временами, содержание, климаты и тоны, присущие уровню, передвигаются, и остаются в другом уровне как «перетаскивания». Уже нет предыдущего уровня, но то, что было визуализировано на том уровне, переносится и остается на другом уровне как «перетаскивания». Люди, проснувшись в смятенном состоянии от сновидения, только наступившего, уже полностью бодрствуют и сохраняют образы сновидения или климат, в котором произошло сновидение – они сохраняют его как «перетаскивания» в бодрствовании и на довольно длительное время.

Существуют довольно важные примеры климата, напряжений или содержания, которые фиксируются в психизме, и удерживаются длительное время и могут появляться на разных уровнях. Это случаи перетаскивания не с одного уровня на другой, но фиксированного содержания, появляющегося на разных уровнях сознания и возможно с разными образами, но с тем же характерным климатом. Мы говорим о «перетаскивании» в самом общем смысле.

Мы должны различить тон, климат, напряжение и содержание. «Тон» измеряется энергетической интенсивностью. Операции на каждом уровне могут иметь большую или меньшую интенсивность,

больший или меньший тон. Временами тон может конвертироваться в фактор шума. Слишком громкий звук у деятельности сообщает ей непропорциональность по отношению к контексту другой деятельности. Есть и определённый «эмоциональный фон», настроение, который мы называем (по крайней мере на языке, на котором мы здесь говорим) «климатом». Из-за своей изменчивости, климат появляется скачкообразно и может обволакивать сознание на некоторый период времени, оттеняя всю его деятельность. Следует различать эти климаты с сильным эмоциональным зарядом, от эмоциональных действий, сопровождающих функционирование психизма. Если климат, эмоциональный фон — всеобщая неприязнь, то какой бы предмет не оказался в этом поле, он примет черты неприязни. Климаты могут фиксироваться в психизме и возмущать всю структуру, препятствуя мобильности и перемещению к другому, более благоприятному климату. Эти фиксированные климаты циркулируют по разным уровням, и таким образом они могут перейти из бодрствования в сон, остаться там, вернуться в бодрствование и так далее в течение долгого времени. Все это отличается от ситуационных климатов, случающихся в конкретных ситуациях. «Напряжение» имеет более «телесные» корни. Конечно, все телесно, но это напряжение имеет более «телесные» корни в регистре, который имеет от него индивида, так как мы воспринимаем напряжение непосредственно через наши мышцы. Климаты, напротив, регистрируются диффузно. Связь этого напряжения с психизмом не всегда прямая, так как мышечное расслабление не всегда сопровождается психическим. Бывает, что сознание сохранит свое напряжение, в то время, как тело уже достигло состояния расслабления. Это играет некоторую роль при рассмотрении систем разрядов напряжения. Люди полагают, что физическая, мышечная разгрузка всегда коррелирует с психическим разрядом. Это не всегда так. Иногда возникает любопытное противоречие в субъекте, испытывающем физическую разгрузку, но не ощущающем при этом разрядки напряжения.

Следует иметь в виду, как интегрирована схема чувств, памяти, координатора, уровней и центров. Соединительные элементы между чувствами, памятью, сознанием и центрами раскрывают важные аспекты функционирования психизма. Соединительные цепи работают взаимосвязанно. Они регулируются между собой, выверяются с непрекращающейся динамикой, ведя весь психизм к комплексной саморегуляции. Когда координатор, скажем, выполняет апперцепцию восприятия, тормозится вспоминание. Координатор более внимателен к объекту восприятия и тем временем, пока внимание на этом объекте, информация, механически поставляемая памятью, блокируется. Вы скажете, что в любом случае, память поставит информацию так, чтобы данные поступающие от восприятия были узнаны. Но свидетельство работы памяти исчезает, и дверь открыта для восприятия, и внимание направлено на него. Обратным образом апперцепция памяти тормозит восприятие. Понаблюдайте за взглядом субъекта, когда он вспоминает — он закрывает веки, снижает активность внешних чувств. С другой стороны пронаблюдайте, что происходит в возбужденном мозге, когда процессы, которые должны взаимно регулироваться и компенсироваться, смешиваются вместо этого. Происходит противоположное — субъект погружен в мир воспоминаний, его взгляд становится неподвижным, стеклянным и пустым, сообщая наблюдателю об имеющей место своего рода галлюцинаторной деятельности, в процессе которой происходящее в его эвокации переносится в предметный мир, обволакивая его, как будто принимается внешняя информация.

Когда работают внешние чувства, замедляется вход внутренних стимулов, и наоборот. Самым ярким образом проявляется взаимная регуляция в переходе между уровнями работы сознания, когда при засыпании блокируются механизмы обратимости. При снижении уровня сознания, механизмы обратимости прогрессивно блокируются и происходит мощное освобождение ассоциативных механизмов.

Между чувствами существует также автоматическая взаимная регуляция. Когда зрение расширяет свой средний предел, уменьшаются осязание, обоняние и слух, и то же самое с другими чувствами. Закрываются глаза, чтобы лучше слышать и т.д.

Что же до пространства репрезентации, куда поступают образы от всех чувств, там происходит очень интересный феномен. При падении уровня сознания, расширяются параметры пространства репрезентации и оно становится «объемным». Это происходит потому, что при снижении уровня сознания регистр внешних чувств уменьшается, а внутренний сенестетический регистр расширяется. И таким образом, когда субъект спускается на уровень, вместе с расширенным регистром сигналов от всего интратела, имеет место подобное же увеличение перевода объемной конфигурации психического пространства. Размеры и амплитуда последнего увеличиваются. С поднятием уровня сознания, тускнеют сигналы из сенестезии, они уменьшаются и начинается сопоставление данных с информацией от умственных операций и информацией от внешних чувств. Следовательно, *подъем*

уровня сознания означает «выравнивание пространства репрезентации», недостаток регистров других конфигураций, соответствующих более глубоким уровням.

Конечно, пространство репрезентации функционирует в бодрствовании, но вместо увеличения объемности, пространство «выравнивается», отмечая разницу в репрезентации внутренних и внешних явлений. Всё-таки, оно имеет глубину. Когда я в бодрствовании представляю явление позади себя, я его представляю в некотором психическом пространстве, которое в данном случае включает пространство за моей головой, хотя там нет глаз. Так как глаза и другие органы внешних чувств расположены на внешней и передней стороне нашего тела, когда происходит описанный выше тип репрезентации (т. е. видение позади себя), у меня есть референции для того, чтобы отметить разницу между внешним явлением восприятия и внутренним явлением репрезентации. Такого не происходит, когда мы спускаемся на уровень работы сознания и можем наблюдать явление в любом направлении потому, что сенестетические регистры поступают со всех направлений. Так я могу видеть себя, как во сне, со стороны, словно я различаю себя с регистров, находящихся в различных регионах моего пространства репрезентации. Пронаблюдав за репрезентациями в пространстве, отличном от пространства бодрствования (т.е. пространства на уровне сна), такое содержание появляется словно снаружи, извне наблюдателя, так как наблюдатель (как точка наблюдения) помещен на границе пространства репрезентации, выступая «контейнером» репрезентированных предметов. Однако, сам индивид (как репрезентация) может поместиться внутри этого пространства, и наблюдение за ним может вестись с пределов контейнера. Конечно «я» может быть репрезентировано различными способами: как визуальный образ, или как совокупность незрительных регистров. На уровне бодрствования внешний мир наблюдается как невключенный в пространство репрезентации, а «я» идентифицируется с точкой зрения, которая появляется на другой конечной точке отношений, исключенной из внешнего мира, откуда поступают восприятия, за исключением случаев галлюцинаций в состоянии бодрствования. В этом случае пространство репрезентации изменено и внутреннее содержание «проецируется» на внешний мир и следовательно принимается за восприятие, поступающее от внешних чувств. Если такое случается, в свою очередь, это потому, что механизмы обратимости блокировались, меняя уровень сознания.

Импульсы: перевод и трансформация

- **Морфология импульсов: знаки, символы и аллегории**

Импульсы, достигающие координатора из памяти и чувств, трансформируются в репрезентации, образы. Сознание обрабатывает эти структуры восприятия и воспоминания, чтобы выработать эффективные ответы в своей работе по уравниванию внешней и внутренней среды. В то время, как греза – это образ-ответ внутренней среде сознания, моторное перемещение – это движение-ответ психизма внешней среде, и этим перемещением также руководят образы. В случае с умственной идеацией, переносимой на уровень знаков, у нас другой тип образов-ответов, выполняющий коммуникационную функцию, язык, например. Но мы также знаем, что есть некоторые знаки и чистые, абстрактные идеи, направленные на внутреннюю сторону психизма.

С другой стороны, любая репрезентация, возникающая в поле присутствия координатора, вызывает ассоциативные цепи между представленным объектом и его соприсутствием. Таким образом, пока объект фиксируется точно в деталях в пространстве присутствия, в пространстве соприсутствия есть отношения с объектами, которые не присутствуют, но связаны с ним, а память играет основную роль.

Важность теме импульсов придает особый способ работы координатора с репрезентациями, которая выполняется по двум каналам. Работая по *абстрактивному каналу*, он сокращает разнообразие феномена до его основных характеристик. Будь феномен из внешнего или внутреннего мира, происходит абстрактивная работа с одной стороны и *ассоциативная работа* с другой. Репрезентации структурируются на основе сходства, соседства, контраста и других меньших форм, с различными классификациями, установленными согласно уровню, на котором они работают.

Начиная с этих двух каналов абстракции и ассоциации, сознание организует образы внутри пространства репрезентации. Эти образы являются связующими между сознанием, которое их формирует и феноменами предметного мира (внутреннего и внешнего), с которым они референцируют. Между предметным миром и сознанием не было бы связи, если бы не существовали эти феномены. Они начали путь как импульсы от некоторых каналов, создающих эти образы, которые помещаются на соответствующем им уровне, на пространстве репрезентации, и выпускают свои

сигналы на соответствующий центр так, чтобы преобразованный сигнал мог бы проявиться внешнему и внутреннему миру.

Импульсы будут значительно переведены и трансформированы до того, как достичь сознания; до того, как достичь абстрактного и ассоциативного аппаратов, в соответствии с предыдущими сенсорными условиями и затем, в соответствии с работой уровней сознания. Мы говорим, что импульсы, исходящие от сенсорного аппарата, и достигающие сознания, открывая абстрактный или ассоциативный канал в нем, могут быть трансформированы или переведены еще до того, как попадут в сознание. Переведенные или преобразованные, они открывают различные каналы с помощью информации, которая не точно соответствует данным, поступающим в орган чувства. То же случится с информацией, поступающей из памяти: они открывают ассоциативный или абстрактивный канал в сознании, но до того, как они дойдут до сознания, они претерпят перевод и преобразование.

Давайте обратим внимание еще раз, на то, что у каждого чувства возникают импульсы, которые затем переводятся в соответствующие образы, хотя такие образы не визуальны (за исключением, конечно, образов зрения). Все чувства выпускают свои сенсорные импульсы, которые будут переведены в образ, соответствующий чувству: звуковой, тактильный, сенестетический образ и т.д. Таким образом сенестетические импульсы создадут образы, но явления перевода и трансформации усложнит все до такой степени, что возникнут образы, соответствующие одному чувству, хотя в действительности, эти образы произошли от импульсов, посланных другим чувством. Таким образом, например, внутренняя сенестетическая информация достигает сознания и открывает ассоциативный или абстрактивный канал, но достигнув сознания, эта информация появляется или сконфигурирована как зрительный образ, хотя, в действительности, ее первоисточник был сенестетическим. Сенестезия не информирует зрительными образами. Однако, импульс был преобразован и в сознание поступил образ. Первичная информация была сенестетической, но теперь репрезентация кажется визуальной, звуковой, или другого типа. Очень трудно проследовать за названным импульсом именно из-за трансформаций, которые имеют место по пути. Это не позволяло людям, занимающимся этими вопросами, понять, каким образом функционирует психический аппарат, какова мобильность импульса, как он трансформируется, как он переводится, и как проходит его конечное выражение, настолько отличное от тех условий, в которых он возник.

Проблема боли приобретает иную оценку, когда достигается понимание, что то, что производит боль в одной точке, может быть иллюзорно преобразовано, переведено, и новые деформации переживаются в эвокации. Что же касается страдания, - мы не говорим сейчас о боли – применимы те же соображения, так как, когда импульсы трансформируются в образы, которые не соответствуют друг другу, они мобилизуют ответы, которые так же не соответствуют первичным импульсам страдания. И таким образом, проблема боли и страдания, рассматриваемых просто как ощущения, имеет свою механику, но так как импульсы прибывают в виде деформированных и преобразованных репрезентаций, необходимо обратиться к работе воображения, чтобы понять их суммарно. Следовательно, недостаточно объяснить боль одним ощущением. Необходимо понять, что это болезненное или агоничное ощущение преобразовано, и переведено воображением и также данными, поступающими из памяти. Боль и страдания оказываются, в конце концов, переведенными и трансформированными воображением в общем. И таким образом, многие страдания не существуют нигде, кроме как в образах, переведенных и преобразованных разумом.

Мы будем говорить об импульсах, произведенных в сознании характерным способом, после того как они последовали особыми путями, известными нам как абстрактивный и ассоциативный каналы. Эти импульсы в сознании могут открыть и другие каналы, но мы займемся лишь этими двумя.

Когда импульсы достигают сознания, они структурированы характерным образом; структурирование это зависит, среди прочего, от того, на каком уровне находилось сознание в тот момент. Образы, которые будут произведены позднее, были структурированы характерным образом. В общем, мы называем эти структуризации, выполняемые над образом, «формой». Если формы концептуализируются как сущность, отдельная от психологического процесса, их в конце концов можно рассмотреть как существующие в себе, и можно полагать, что репрезентации предназначены для заполнения этих форм. Античные люди так и полагали, что такие формы существуют, и что внутренние процессы выполняют функцию заполнения этих форм. В действительности формы это умственные среды внутреннего регистра, позволяющие структурировать разные явления. Когда мы говорим о «форме» внутреннего феномена сознания, мы упоминаем особую структуру, которой обладает феномен. Речь идет не о независимых «формах», а скорее о том, как феномены структурированы. Обычный язык называет это просто. Люди говорят: «Все организовано так-то»,

или: «Это делается так-то таким образом». Мы имеем в виду это, говоря о форме. Мы можем отождествить формы с образами, как только эти образы покинули ассоциативный и абстрактивный каналы.

Мы можем говорить о формах, как структурах перцепции, например. Каждое чувство имеет свою форму структурирования информации. Сознание потом структурирует информацию с характерными формами, соответствующими различным каналам. Например, могут быть разные формы у одного и того же предмета, в соответствии с тем, какой используется канал ощущения, перспективой предмета, и типом структурирования, которое выполняет сознание. Все эти формы одного и того же предмета заставляют его казаться нам иным, чем он сам есть, как будто дело касается разных предметов, согласно тому, воспринят ли был предмет ухом или глазом, к примеру. Очевидно, что рассматриваются два различных предмета, потому что информация от предмета структурирована различными способами.

В обучении есть некоторая проблема, так как по мере того, как обретается полный образ предмета, должны согласовываться разные перцептуальные формы. И таким образом, я удивляюсь, услышав звук от предмета, который не совпадает с его (звуковым) образом, соответствовавшим, как мне казалось, ему. Я держал предмет в руках, и я отметил себе его вес. Я наблюдал его зрительно, но предмет падает и издает звук, который я бы не смог представить. Что я должен делать с информацией, которая структурирована такими разными способами – звуковым, тактильным, обонятельным и т.д., – чтобы они согласовались в моей структуре сознания? Это возможно потому, что все разнообразие системы восприятия структурировано внутри формы восприятия, связанного с внутренними регистрами. Когда я узнаю предмет, я говорю, что он может использовать разные сигналы, разные знаки, которые являются системой кодов регистра. Когда у меня есть кодифицированный регистр предмета, и предмет представляется перед моим восприятием, я могу считать его полным, даже если у меня есть лишь один сектор его полноты. Знаки пробуждают во мне кодифицированные регистры. Знаки языка не просто знаки. Я слышу слово и, рассмотрев его концептуально, я могу сказать о нем, что оно есть выражение со значением. Но рассмотренное со структуры сознания, поступающее слово является импульсом, регистр которого закодирован для меня. И таким образом слово пускает в движение разнообразную деятельность в моем мозге, так как оно запускает соответствующий регистр, другое слово запускает другой регистр и т.д. Но эти выражения, которые достигают меня, структурированы с определенной формой. Много слов выражают словосочетания, они выражают предложения, предложения выражают комплекты, а самые комплекты функционируют временами как кодифицированные знаки. Нет у меня необходимости рассматривать слово «дом» как знак, потому, что оно уже кодифицировано во мне как регистр. Очевидно целые группы слов кодифицированы в структурированном виде, так что эти структуры, эти формы организации языка также появляются во мне кодифицированными.

Каждый из различных уровней сознания обеспечивает свою собственную формальную среду. Это означает, что разные уровни сознания структурируют информацию, поступающую в сознание, по-разному, по-своему. Каждый уровень действует как самая общая формальная структура, и он (уровень) связан с характерными [своими] формами. Формы, которые возникают в сознании, будут зависеть в большой степени от уровня, которое формирует свою среду структурирования. Стимул превращается в форму, т.е. стимул будет превращен в образ, когда сознание структурирует его со своего уровня работы. Таким образом, один и тот же стимул будет переведен в различные формы, в различные образы. И эти образы могут быть перемещены в сознание.

Если знак кодифицирован во мне, я узнаю его, когда появляется снова; а он появляется в характерной форме в моем пространстве репрезентации. Мое сознание может прекрасно перевести образ, который поступил от одного чувства в образы, соответствующие другим чувствам, потому что для узнавания, отдельной характеристики или полосы восприятия может быть достаточно чтобы структурировать предмет целиком. Таким образом может случиться, что информация, поступающая от глаза может быть внутренне переведена в информацию, поступающую от уха. Другими словами, перевод может действовать в сознании так, что данные одного вида восприятия кажутся данными другого чувства. Таким образом, хотя знак может пробудить разные образы, между ними есть соответствие относительно их расположения в пространстве репрезентации, и даже относительно функции, которую они впоследствии выполняют в качестве образов, которые запускаются в соответствующие центры. В этом случае, если я слышу потрескивание костра поблизости, и я вижу костер неподалеку, я чувствую запах костра неподалеку – во всех этих случаях восприятия, которые достигают меня по различным каналам, структурируются в характерные глобальные репрезентации и все восприятия –

взаимозаменяемы и могут занять место других. Взаимозаменяемые и следовательно переводимые. Они помещаются на одном и том же уровне репрезентации, готовые запустить один и тот же тип предупреждения об опасности. И так если я слышу, чую или вижу огонь, эти первичные восприятия переводимы. Перемещение внешней перцептуальной информации запускает в движение мой внутренний регистр. Если я наблюдаю черту в пространстве, и мой глаз следует за чертой в одном направлении, я замечу также, это вымещение в моем внутреннем регистре. Таким образом то, что происходит в глазу происходит в моем внутреннем пространстве репрезентации. Следовательно не будет все равно, какой тип образа появится вне, так как соответствующий образ будет следовать за особыми движениями, он будет размещен на разных точках и глубинах моего внутреннего пространства. И таким образом будет достаточно изучить, что делает глаз, когда он следует за определенным феноменом восприятия, чтобы понять, что происходит внутри, в моей системе регистра.

➤ **Знаки**

Существует то, что условно называется «*символ*», и то, что называется «*аллегория*», хотя ни одной из этих репрезентаций не было дано точное определение. Внутренне, *символ это образ, возникающий из абстрактивного канала, а аллегория - это образ, возникающий из ассоциативного канала*. Эти два вида отличаются как по структуре, так и по общей форме. Образы, которые возникли из абстрактивного канала редуцированы, они лишены вторичных характеристик, они синтезируют ряд характеристик или сокращают большинство основных из всех присутствующих характеристик до абстракции, в то время как образы, соответствующие ассоциативному каналу мультипликативны.

Есть также репрезентации, которые выполняют функцию кодировки регистров. Мы называем их «*знаки*». В этом смысле слово, например, - это знак, кодифицированный, вызывающий некий регистр во мне и, кроме того, пробуждающий ряд явлений и процессов. Если вы скажете человеку: «огонь», так как этот регистр закодирован, внутри этого человека будет задействована комплексная система реакций; и с каждым словом, с каждым знаком, выпускаются эта кодировка и кодификации, непосредственно связанные с ним.

Конечно, знаки поступают по разным каналам. К примеру, я могу установить знаковую систему отношений с другим лицом, двигая руками, жестикулируя особым способом. Если я жестикулирую неким образом перед этим человеком, он получает эту внутренне закодированную информацию. Что же происходит с внутренней кодировкой информации? Она активирует внутри тот же самый процесс, который возбудил образ в другом, кто выпустил знак. Так, производится феномен различения, в котором мы постепенно достигаем одного и того же регистра. Если не поступал бы одинаковый регистр, не было бы возможности сообщения между людьми. И если кто-то указывает мне на что-то жестом, я должен иметь такой же внутренний регистр того же жеста, как и другой человек, иначе, я не смогу понять значение для него этой операции. Именно благодаря кодифицированным регистрам между людьми могут установиться отношения. Будь-то регистры слов, жестов, взглядов, или общих положений тела, в каждом случае мы говорим о знаках, которые устанавливают отношения, потому, что существует такой же код регистров этих знаков. Один жестом, например, можно запустить комплексную систему кодифицированных регистров. Одним жестом, например, возможно заставить человека сильно беспокоиться.

Мы можем говорить о *знаках* и изучать их в мире человеческого общения. Выражение и значение формируют структуру и являются неразделимыми. Когда значение выражения неизвестно, оно теряет свою оперативность. Выражения, которые допускают различные значения понимаются по контексту. Знак может выражать значение или сигнализировать своим ассоциативным характером. Сигнальные коды обеспечиваются сигналами, обозначающими предметы, феномены или деятельность. Ясно, что как символ, так и аллегория могут выполнять знаковые функции. В первом случае, перевернутый треугольник на столбе у обочины дороги могут указывать на дорожные работы. Во втором, молния, изображенная на знаке, прикрепленном к забору может означать : «Опасно! Высокое напряжение!»

Наш интерес сконцентрирован на внутренних знаках, или таких знаках, которые запускают кодифицированные регистры внутри субъекта. Так же, как жест запускается вовне в виде знака, который интерпретируется другими, таким же образом многочисленные знаки, символы, и аллегии можно поместить во внешнем мире, и их можно интерпретировать.

➤ **Символы**

Точка во внешнем пространстве будет функционировать так же, как точка во внутреннем пространстве репрезентации. Мы проверяем, что восприятие точки без референций заставляет глаз двигаться во всех направлениях, так как глаз ищет перцепционные параметры для ее оформления. То же случится с точкой репрезентации. Перед воображаемой точкой будут искажаться параметры, референции вплоть до границ пространства репрезентации. Точка пойдет вниз, поднимется, двинется в одну сторону или другую, усилие будет сделано чтобы сохранить эту точку, но станет очевидным, что «внутренний глаз» будет искать референции в умственном пространстве. Отсюда, точка без референций заставляет глаз двигаться во всех направлениях.

Горизонтальная черта ведет глаз в горизонтальном направлении без особых усилий. Но вертикальная черта провоцирует определенный тип напряжения. В пространстве репрезентации вымещение образов по «высотам» и «глубинам» представляет больше сложность, чем горизонтальное размещение. Внутренне, за постоянным «горизонтальным» движением можно проследить и вернуться в изначальную позицию, в то время как труднее «подняться» и, проделав круг, вернуться «снизу» назад, в исходную точку. Также, глаз может двигаться с большей легкостью горизонтально.

Две пересекающиеся черты ведут глаз к центру, оставаясь в рамке.

Кривая ведет глаз к включению пространства. Это провоцирует ощущение границы между внешним и внутренним для нее, заставляя глаз скользить в сторону региона, включенного внутри изгиба.

Пересечение двух кривых фиксирует глаз и приводит к тому, что точка заново возникает.

Пересечение кривой и прямой фиксирует центральную точку и ломает изоляцию между пространствами включенным и исключенным из изгиба.

Прямая пунктирная линия ломает размещение глаза и требует увеличенного напряжения при зрении. То же происходит при прерывающихся изгибах. Если наблюдается горизонтальная черта в пространстве репрезентации, и эта черта прервана и нисходит, инерция, которую поддерживал феномен, разрушена, остановлена, вызывая возрастание напряжения. Если то же происходит с горизонтальной чертой, но она разбита вверх вместо вниз, произойдет другой феномен. Однако, в любом случае, инерция будет разбита.

Повторение равных сегментов прерывающихся прямой или кривой черт еще раз помещает движение глаза в систему инерции. Следовательно, напряжение в акте зрения снижается и происходит разряжение. То есть, удовольствие ритма, зарегистрировалось в повторяющихся изгибах кривой или повторяющихся сегментах прямой, и это столь важно для декоративных целей. Также в случае с ухом, эффект ритма легко проверить.

Когда прямые и кривые соединяются в цепь, *появляется символ рамки и поля*. В пространстве репрезентации, основная рамка задается границами упомянутого внутреннего пространства, но, конечно, оно переменное. Во всяком случае, его границы являются основной рамкой. То, что происходит внутри его поля, находится внутри поля репрезентации. Если взять например, квадрат и поместить точку внутри его поля, будет отмечена разная система напряжений, в зависимости от того близка ли точка к прерванной прямой (углу квадрата) или равноудалена от всех углов. Во втором случае, очевиден своего рода баланс. Эта точка может быть удалена от квадрата и помещена вне него, проверяя тенденцию глаза включать ее внутрь поля квадрата. Конечно, это повторится во внутренней репрезентации.

Когда прямые и кривые линии отделяются от цепи, возникает символ расширения (если направление их движения – открывание) или символ сжатия (если направление их движения – закрытие).

Элементарная геометрическая фигура работает как референциал явных центров. Существует разница между явными центрами (где пересекаются линии) и невыраженными центрами (куда глаз направляется без указания со стороны линий). В квадрате, невыраженный центр возникает на пересечении его диагоналей (даже если линии не начерчены), но он становится явным, когда туда помещается точка. Явные центры таким образом, появляются, когда кривые или прямые линии пресечены, и зрение становится неподвижным. Невыраженные центры это те, которые появляются словно были помещены там, оперирующие словно существует феномен. Феномена нет, но существует регистр неподвижного зрения.

В круге нет явных центров. Есть только невыраженный центр – тот, который провоцирует глаз на движение в сторону центра.

Точка это типичный явный центр. Так как у нее нет ни формы, ни невыраженного центра, этот центр движется в любом направлении.

Пустота – это типичный невыраженный центр. Так как у нее нет ни формы, ни явного центра, этот

центр провоцирует общее движение к себе.

Когда символ включает в свое поле другой символ, второй является явным центром. Явные центры привлекают к себе глаз. Явный центр, помещенный в пространстве репрезентации, привлекает к себе все напряжение психизма.

Два центра напряжения провоцируют пустоту в невыраженном центре, смещая зрение к обоим полюсам и потом в сторону центра пустоты, создавая прерывистые напряжения.

Внутри поля рамки-символа, все символы находятся связаны, и помещение одного из символов вне рамки устанавливает напряжение между этим символом и группой, в которую он включен. То же происходит с пространством репрезентации, как основным заключающим элементом. Все образы стремятся быть включенными немедленно в пространство и соприсутствующие образы будут стремиться выразить себя в этом пространстве. То же происходит между уровнями в их отношениях с образами. И в пространстве репрезентации может быть некий образ (навязчивый образ, к примеру) который предотвратил приближение других репрезентаций. Более того, когда внимание активно упражняется на некотором содержании, таким образом предотвращается вмешательство других содержаний. Однако, может возникнуть огромная пустота, которая позволит глубокому содержанию, появившемуся в ее поле, легко проявить себя.

Символы, внешние для рамки, связаны друг с другом только своей референцией с рамкой.

Знаки, аллегории и символы могут взаимно служить друг другу рамкой или служить связующим звеном между рамками.

Кривые концентрируют зрение в сторону центра, а точки рассеивают внимание за пределы поля.

Цвет не модифицирует сущность символа, хотя он сообщает ему вес как психологическому феномену.

Действие формы символа происходит при условиях, что указанный символ регистрируется; т.е. если кто-то помещен внутри комнаты и не знает, что ее форма – куб, сфера или пирамида, тогда действие формы не происходит. Но если кто-то знает или полагает (к примеру, экспериментально, с повязанными глазами), что он включен внутрь пирамидальной комнаты, тогда он будет ощущать регистры, весьма отличные от тех, которые ощущал бы, полагая, что находится в сферической комнате. Феномен «действия формы» производится не формой самой, а умственной репрезентацией, которая соответствует форме. Эти символы, которые работают как контейнеры, производят ряд напряжений в других содержаниях. Они станут движущей силой для некоторых, включают иные, будут исключены третьими, и т.д. В заключение, особая система отношений будет установлена среди содержаний, в соответствии с типом символических контейнеров, которые ими конфигурируются.

➤ **Аллегии**

Аллегория это агглютинация разнообразных содержаний в единой репрезентации. Из-за происхождения каждого компонента, аллегии обычно понимаются как репрезентации «воображаемых» или мифических существ – например, сфинкса. Эти образы, хотя фиксированные в одной репрезентации, выполняют «повествовательную» функцию. Если упомянуть кому-нибудь о «Юстиции», упоминание может быть выражением, от которого у индивида нет регистра, или оно может иметь несколько значений, которые будут репрезентированы в ассоциативных цепочках. В этом случае, «Юстиция» может быть репрезентирована для индивида как картина, где разные люди реализуют судебскую деятельность, или возможно, в виде женщины с повязанными глазами, весами в одной руке и мечом в другой. Эта аллегория синтезировала бы разнообразие, представляя своего рода повествование в едином образе.

В пространстве репрезентации аллегии имеют любопытную способность двигаться, модифицироваться, трансформироваться. В то время как символы – фиксированные образы, аллегии являются образами, которые, циркулируя, преобразуются, и выполняют последовательность операций. Достаточно образу такой природы быть выпущенным, чтобы он начал жить своей жизнью и начал выполнять операции бессвязно, в то время, как символ, расположенный в пространстве репрезентации следует против течения динамики сознания, и требуется усилие для того, чтобы поддержать его без блужданий, которые могут преобразовать его и привести к потере его свойств.

Аллегория может быть взята изнутри и помещена снаружи, как например, статуя на площади.

Аллегии являются преобразованными повествованиями, в которых разнообразное фиксировано или умножено аллюзией. Но также в них конкретизировано абстрактное. Мультипликативный характер аллегии ясно связан с ассоциативными процессами.

Чтобы понять аллегию, неплохо вспомнить, как идеи соединяются друг с другом. В первом случае, говорится, что рассудок руководит *сходство*, когда он ищет что-то подобное некоторому предмету; *соседство*, когда рассудок ищет что-то, что свойственно предмету или что-то, что было или будет в контакте с данным предметом; *контраст* руководит рассудком, когда он ищет что-то, что противоположно или находится в диалектическом отношении с данным предметом.

Мы наблюдаем, что аллегия очень ситуационна. Она динамична и связывает ситуации, относящиеся к индивидуальному уму, как происходит в снах, в некоторых личных дивагациях, при патологиях и в мистицизме. Однако, такое также происходит с коллективным психизмом, как в рассказах, искусстве, фольклоре, мифах и религии.

Аллегии выполняют различные функции. Аллегии рассказывают о ситуациях, компенсируя трудности полного понимания. Когда феномен появляется и не понимается адекватно, можно его аллегорически толковать и рассказывать историю, вместо создания точного описания. Если то, что происходит, когда гремит гром, не хорошо понимается, возможно рассказывается история о том, как кто-то бежит по небесам; если не понимается, как функционирует психизм, тогда появляются истории и мифы, чтобы объяснить, что происходит внутри индивида.

Схватывая ситуации аллегорически, можно оперировать реальными ситуациями косвенно, или, по крайней мере, так думает тот, кто толкует ситуацию аллегорически.

В аллегиях эмоциональный фактор не зависит от репрезентаций. В снах возникают аллегии, которые, если бы у них было точное соответствие с повседневной жизнью, задействовали бы типичные эмоции. Однако, в снах задействованы эмоции, не имеющие ничего общего с работающими репрезентациями.

Один пример: видящий сон видит себя связанным на железнодорожном пути. Грохочущий локомотив несется к нему, но вместо того, чтобы чувствовать отчаяние, видящий сон начинает смеяться так, что просыпается в изумлении.

Внутреннее состояние может быть изображено аллегорически, и индивид может сказать: «Словно я чувствовал, как летел вниз, по трубе». Внутреннее ощущение, переживаемое и регистрируемое, является своего рода отчаянием, пустотой и т.д., но оно может быть иносказательно выражено, как «падение вниз по трубе».

Чтобы понять аллегорическую систему, необходимо иметь в виду климат, сопровождающее аллегию, потому что именно климат укажет на ее значение. Когда нет согласования между образом и климатом мы должны руководствоваться климатом, а не образом, чтобы понять глубокое значение. Когда климат совершенно сплетается с соответствующим образом, нет проблем относительно следования за образом - за ним легче следовать. Но в случае несогласования, мы всегда будем склонны к климату.

Аллегорические образы имеют тенденцию вымещать энергию в сторону центров, чтобы вызвать ответ. Конечно, есть система напряжений и система разрядки этих напряжений; а аллегия циркулирует, играя роль «соединительного красного кровяного шарика», которое несет заряды по потоку – в этом случае, по цепи сознания. Когда происходит перевод этих зарядов, аллегии, работающей над центром, производится энергетическое проявление. Такие энергетические проявления могут быть узнаны в интенсивных выражениях, таких, как смех, плач, сексуальный акт, агрессивная конфронтация и т. д. Это наиболее адекватные средства облегчения внутреннего напряжения, и когда возникают аллегии, они обычно имеют тенденцию выполнять функцию разрядки.

Рассматривая *композицию аллегии*, можно подготовить опись ресурсов, которые могут быть использованы. Так, мы можем говорить, например, о «контейнерах». Контейнеры охраняют, защищают или включают, то, что внутри них. «Содержания», с другой стороны, - это элементы, включенные в контейнер. «Соединительные элементы» являются объектами, способствующими или осложняющими связи между содержаниями, контейнерами или между содержаниями и контейнерами. «Атрибуты», которые могут быть явными или скрытыми (когда они спрятаны), относятся к характеристикам аллегорических элементов или всей аллегии. Мы также отмечаем «уровни», «текстуры», «элементы» и «моменты процесса». Эти моменты процесса изображаются иносказательно как, например, возрасты. Наконец, мы должны упомянуть «трансформизмы» и

«инверсии».

Заинтересовавшись аллегорией, попытавшись понять аллегорию, мы стараемся установить некоторые *правила интерпретации*, которые могут помочь нам понять, что означает аллегория, и какую функцию она выполняет в экономии психизма.

1. Когда мы хотим интерпретировать аллегорию, мы сокращаем ее до символа, чтобы понять систему напряжений, в которые она помещена. Символ является контейнером для аллегории. Таким образом, если в аллегорической системе появляются несколько человек, спорящих на городской площади (к примеру, квадратной или овальной), площадь является основным контейнером (с его особой системой напряжений, согласно его символической структуре), и внутри него находятся спорящие (содержание этого символа). Символическая редукция рассматривает городскую площадь как контейнер, налагающий свою систему напряжений на ситуацию (например, бифокальное напряжение, если городская площадь овальной формы), в которой содержания разворачиваются конфликтно (люди спорят).

2. Мы стараемся понять сырой материал аллегории; то есть, из каких каналов поступает основной импульс. Поступает ли он от чувств (и от какого или каких чувств?) или из памяти? Поступает ли он от смеси чувств и памяти или от характерного состояния сознания, которое имеет тенденцию выполнять эту избирательную артикуляцию?

3. Мы стараемся интерпретировать на основе ассоциативных законов, основанных на общепринятых моделях. Таким образом, когда мы интерпретируем эти ассоциации, мы должны прежде всего спросить себя что означает аллегория, что она значит для нас. А если мы хотим интерпретировать аллегорию, помещенную во внешнем мире, такую, как, например, картина, мы должны спросить автора, что эти аллегории значат для него. Но столетия могут отделять нас от изобразившего, и наше временное и культурное понимание осложнит интерпретацию значения аллегории для экономии психизма ее создателя. Однако, мы можем постичь интуитивно или можем обладать информацией о значениях, относящихся к той эпохе. Следовательно, мы говорим, что всегда полезно интерпретировать в соответствии с ассоциативными законами и на основе общепринятых моделей. А если изучается социальная аллегория, человек должен исследовать ее значение, консультируясь с лицами, являющимися или бывшими агентами такой аллегорической системы. Именно они, а не мы, проясняют значение, так как мы не являемся, или не являлись агентами этой аллегорической системы. Следовательно, мы «инфильтрировали» бы в эти значения, деформируя их, наше содержание (личное или культурное). Приведем пример: некто рассказывает мне о портрете пожилой женщины. Если на мой вопрос о том, что значит для него пожилая женщина на портрете, индивид мне ответит: «доброту», - я должен буду принять это, и будет неправомерно с моей стороны давать другую интерпретацию, вводя мое собственное содержание и систему напряжений. Если я попрошу кого-то рассказать мне об аллегории доброй пожилой женщины, мне придется принять то, что мне расскажут; иначе я авторитарно и неправомерно буду игнорировать интерпретацию другого лица, предпочитая объяснять все согласно тому, что происходит со мной. Следовательно, если создатель аллегории говорит со мной о «доброте», у меня нет причин интерпретировать эту «доброту», как подавленное деформированное сексуальное содержание. Мой собеседник не живет в сексуально сдержанном обществе, как Вена 19 столетия; он не участник неоклассической атмосферы, где последователи прециозной школы читают Софокла - он живет в двадцатом веке в Рио-де Жанейро и участвует по крайней мере в культурной атмосфере «неоязычества». И таким образом, самым правильным решением для меня будет принять интерпретацию, данную мне создателем аллегории, который живет и дышит культурным климатом города Рио-де-Жанейро. Мы хорошо информированы о том, где завершили свой путь интерпретации некоторых психологических и антропологических течений, подменивших изложения и интерпретации людей - непосредственных участников, особыми исследовательскими увлечениями.

4. Мы стараемся понять сюжет. Мы проводим различие между темами и сюжетом. Сюжет – это история, но внутри истории есть особые темы. Иногда темы остаются, а сюжет меняется; или темы меняются, а сюжет всегда остается тем же. Такое происходит, например, во сне или в последовательности сновидений.

5. Когда климат и образ совпадают, следуют за образом.

6. Когда климат и образ не совпадают, климат служит направляющей нитью.

7. Мы рассматриваем ядро сновидения, которое появляется как аллегорический образ, или как постоянный (фиксированный) климат, посредством различных аллегоризаций и по прошествии

времени.

8. Все, что выполняет функцию, само является функцией, а не иное. Если в сновидении индивид убивает словом, это слово – оружие. Если словом индивид оживляет или излечивает кого-то, это слово, а не что-то иное, является инструментом оживления или излечения.

9. Интерпретируя цвет, понимается, что в аллегорических репрезентациях пространство репрезентации движется от темного к светлому, так что по мере того, как репрезентации набирают высоту, пространство само становится более светлым; по мере того, как они снижаются, пространство темнеет. Во всех высотах пространства репрезентации могут появляться разные цвета с разными оттенками.

10. Когда человек понимает композицию разных элементов, конфигурирующих аллегорическую систему; когда он понимает отношения между компонентами; когда он может синтезировать на основе функции, которая выполняется элементами и их отношениями, тогда уровень интерпретации может считаться совершенным. Конечно, если необходимо, индивид может изучать новые уровни интерпретации более глубоко.

11. Чтобы понять процесс и развертывание аллегорической системы, время от времени необходимо производить синтез. Таким образом, полная интерпретация на данный момент времени не может быть достаточной, если человек не может мельком увидеть процесс или тенденции, куда может проследовать упомянутая аллегорическая система. Может возникнуть необходимость доступа к различным интерпретациям по ходу времени.

Оператив

Умственное пространство, которое точно соответствует моему телу, может быть зарегистрировано мной как общая сумма сенестетических ощущений. Это «второе тело» - тело чувств, памяти и воображения. Оно не существует само по себе, хотя иногда были попытки придать ему отдельное существование от физического тела. Это - «тело», которое сформировалось общей суммой ощущений от физического тела, но в зависимости от того поступает ли энергия репрезентации в ту или другую точку, оно мобилизует ту или иную часть тела. Итак, если образ сконцентрирован на определенном уровне пространства репрезентации – более внутреннем или более внешнем, на одной высоте или на другой,- соответствующие центры приводятся в движение, мобилизуя энергию в направлении соответствующей части тела.

Эти образы, которые возникают, возникают из-за конкретного телесного напряжения, а затем мы будем искать это напряжение в теле, в соответствующей точке.

Но что происходит, если в теле нет того напряжения, а феномен аллегоризации появляется на экране репрезентации? Может быть, в теле нет такого напряжения. Но может быть, что сигнал, происходя из памяти, воздействующий на сознание, выделяется в нем как образ, и раскрывает, что импульс из памяти воздействовал на некоторую часть тела. В тот момент произошло сокращение, запустившее импульс, который, зарегистрировавшись в сознании, появился на экране как аллегоризация; это дает нам возможность предположить, что феномен запускает свою пульсацию из некоторой точки тела. Эти феномены [памяти] принадлежат прошлому, они не находятся в настоящем, нет действующего постоянного напряжения; однако, это напряжение (не являясь напряжением само по себе, но скорее импульсом, записанным в памяти) приводит в движение напряжение соответствующими сенестетическим регистром, и позднее в конце-концов предстанет как образ. Как только специфический «бит», специфический сигнал, пробуждается в системе регистра, этот сигнал выпускается в сторону сознания, могут возникнуть сопутствующие феномены телесного сокращения или возбуждающие телесного напряжения.

Я исследую феномены, которые не существуют в настоящем. Феномены, которые я могу регистрировать в моем собственном теле, но которые не существуют в моем теле постоянно – скорее они существуют в памяти, и при своем пробуждении выражаются в теле. Итак, это пространство репрезентации имеет свойство выступать посредником между одними и другими механизмами, потому что оно образовано общей суммой сенестетических ощущений. В нем проявляются трансформированные феномены внешних или внутренних ощущений, в нем выражаются феномены, которые были произведены давно и поместились в память. Также в нем появляются феномены, которые не существуют на данный момент в теле, но которые, как продукт работы воображения самого координатора, в конце-концов воздействуют на тело.

Наступил подходящий момент посмотреть виды деятельности, которые ориентированы на модификацию некоторых психических поступков.

Набор методик, который мы называем «Оператив», позволяет нам оперировать феноменами, модифицировать их. В Оператив включены несколько методик: методики, которые мы называем *катарсис*, методики, которые мы называем *трансференцией* и различные формы *самотрансференции*.

В последнее время слово «катарсис» вновь вошло в употребление. Снова появился господин, который сидит перед кем-то с психическими проблемами и говорит, как и тысячи лет назад: «Ну-ну, мой друг, выпустите кота из мешка, расскажите о ваших проблемах». И затем они выпускают кота из мешка, объясняют проблемы и происходит своего рода внутренняя чистка (или внутренняя «отрыжка»). Эта методика была названа «катарсис».

Другая методика Оператива была названа «трансференцией». Берутся за человека, который уже совершил катарсис и ослабил напряжения, чтобы начать более сложную работу. Эта работа состоит в том, чтобы «провести» индивида по различным внутренним состояниям.

Пройдя через эти состояния, индивид, который уже не страдает от больших напряжений, может двигаться по своему внутреннему ландшафту, замечая, «переносить» проблемы или сложности. Субъект в воображении переносит тягостное содержание на другие образы – образы, которые не имели бы эмоционального заряда и не компрометировали бы субъекта биографически...

Мы ранее говорили о регистрах напряжения в простом акте выделения внимания. Вы узнаете это легко. Вы можете следить за чем-то с напряжением или без него – в этом разница. Вы иногда можете снизить напряжение и следить. Обычно вы полагаете, что, если вы снизите напряжение, вы потеряете интерес к теме. Происходит совсем не так. Однако долгое время вы ассоциировали некоторое количество мышечного напряжения с актом внимания и вы полагаете, что выделяете внимание когда напряжены. Но внимание не имеет с этим ничего общего.

Что происходит с напряжением вообще, не только с напряжением, связанным с вниманием? Вообще, мы определяем местонахождение напряжений в разных точках тела, в особенности в мышцах. Мы говорим о внешнем мышечном напряжении. Я намеренно напрягаю мышцу и я получаю регистр этого напряжения. Я намеренно напрягаю мышцы лица, у меня есть регистр этого напряжения. Я напрягаю другие мышцы тела и у меня есть регистр этого напряжения. Я знакомлюсь с методикой искусственного напряжения. У меня большой интерес к получению как можно большего количества регистров напряжением различных мышц моего тела. Я также заинтересован в диссоциации напряжения, которое я произвел ранее. Я сделал наблюдение, что когда одна точка напрягается, напрягаются другие точки. Затем я пытаюсь расслабить точку, но иногда другие мышцы, которые сопровождали напряжение, не расслабляются.

Если работать с некоторыми частями тела, вы можете убедиться, что, стараясь напрячь одну точку, происходит напряжение этой и других точек; а далее, после снятия напряжения с этой точки, эта точка расслабляется, а другие нет.

Такое происходит не только с этими видами произвольной работы – такое также происходит в повседневной жизни. Перед лицом проблемы ежедневной конфронтации, например, мышечная система напрягается; конфронтация с объектом исчезает, - сопряженные мышцы расслабляются, но не расслабляются другие мышцы, сопровождавшие напряжение в момент возникновения. Еще немного спустя все расслабляется. Иногда случается так, что несмотря на то, что прошел значительный период времени, другие точки не расслабились.

Кто из вас не узнает более или менее постоянного мышечного напряжения? Люди регистрирует мышечное напряжение иногда в шее, иногда в других частях тела. В эту самую минуту, если вы пронаблюдаете внимательно, вы можете обнаружить ненужное напряжение в различных частях вашего тела. Вы можете зарегистрировать это. И, как вы можете видеть, то, что вы регистрируете в различных частях тела, не выполняет совсем никакой функции.

Теперь мы различаем между внешним мышечным напряжением ситуационного типа и продолжительным внешним мышечным напряжением. В случае с ситуационным напряжением, субъект напрягает некоторые части своего тела и, когда исчезает трудность (в нашем примере – конфронтация), напряжение также исчезает. Эти ситуационные напряжения конечно выполняют очень важные функции, и понятно, что мы не намерены их уничтожить. Существуют другие - продолжительные не ситуационные напряжения, - и это они несут в себе отягчающее обстоятельство, что, если вдобавок возникает некоторый конфронтационный феномен, это постоянное напряжение

возрастает. Позднее ситуационное напряжение спадает, но уровень постоянного напряжения сохраняется.

Используя некоторые техники, я могу разрядить постоянное напряжение, но это не гарантирует, что различные системы напряжения не сохранятся во мне. Я могу работать над всей моей внешней мускулатурой, делать сколько угодно упражнений, но тем не менее, внутренне напряжение продолжает действовать. Какова природа этого внутреннего напряжения? Временами оно бывает *глубокого мышечного* типа; иногда я регистрирую это напряжение как *глубокое раздражение*, висцеральное раздражение, которое испускает импульсы и которое конфигурирует систему напряжений.

Говоря об этих глубоких напряжениях, мы говорим о напряжениях, не сильно отличающихся от внешних напряжений, но имеющих весьма важную эмоциональную составляющую. Мы могли бы считать эти два явления градациями одного и того же типа операции. Мы говорим теперь об этих *эмоционально-окрашенных внутренних напряжениях* и мы определяем их как *климаты* - не очень отличные от напряжения в целом, но обладающие сильной эмоциональной составляющей.

Что происходит с такими явлениями, как депрессия и напряжения? Индивид скучает (скука – родня депрессии); все одинаково для него, у него нет никаких желаний - мы бы сказали – никаких напряжений. Возможно, он регистрирует в себе недостаток энергии, но за этим, это весьма возможно, стоит сильная эмоциональная составляющая. В ситуации, в которой он находится, мы замечаем, сильные эмоциональные негативные потоки, и мы полагаем, что, если эти потоки появляются, то это потому, что даже при отсутствии внешних мышечных напряжений, присутствуют внутренние напряжения, которые могут быть внутренними мышечными напряжениями или в других случаях, феноменами внутреннего раздражения. Иногда отсутствует длительная система напряжения или продолжительного раздражения, но из-за конфронтации с данной ситуацией, выпускаются мнемонические явления, явления памяти, которые воздействуют на свои внутренние запуски зарядов; затем возникает регистр недостатка энергии или скуки, или внутренней подавленности, или ощущение отгороженности и т. д..

Обычно, мы можем справиться с внешним мышечным напряжением по нашему желанию. С другой стороны, мы не можем справиться с климатами по желанию потому, что у них иное свойство: они следуют за субъектом, даже когда он вышел из ситуации, мотивировавшей этот климат. Вы вспомните феномены перетягивания, те, которые следуют за субъектом, даже когда ситуация ушла в прошлое. Эти климаты следуют за субъектом до такой степени, что он может изменить всю ситуацию, пройти через другие ситуации за годы, и все-таки он продолжает испытывать этот климат, который его преследует. Эти внутренние напряжения переводятся диффузно и суммирующе. Этот момент также объясняет свойства эмоции в целом, которая оперирует суммируя, синтезируя. Она не работает, соотносясь с конкретной точкой телесного напряжения; она не соотносится с точкой боли в интрателе – которую можно легко локализовать – скорее она соотносится с состоянием вторжения в сознании. Мы, следовательно, имеем дело с нелокализованными сенестетическими импульсами, это нам ясно.

Когда механизм перевода импульсов вносит образы, соответствующие этому диффузному климату, мы говорим о соответствии между *климатом и темой* (тема верно соответствует климату). Именно тогда весьма вероятно, что индивид, который испытывает некоторый климат, говорит, что «чувствует себя заключенным», например. Это «заключение» - вид зрительной репрезентации, который соответствует эмоциональному регистру, и те, кто более склонен к гиперболе, не просто говорят о «заключении» в общем, а объясняют, что чувствуют себя запертыми в некоторой коробке с такими-то и такими-то свойствами. В состоянии бодрствования им это не совсем ясно, но как только уровень их сознания падает немного, эта коробка, в которой они находятся, появляется. Конечно, когда механизмы перевода работают с силой, когда сенестетические регистры более напряжены и когда аллегорический путь запущен в движение, легче проследить за этими феноменами.

Иногда возникают образы, которые *не соответствуют климатам*. Наконец, есть случаи в которых регистрируется *климат без образов*. В действительности есть сенестетический образ, который работает во всех случаях, и размещение этого общего, расплывчатого образа в пространстве репрезентации нарушает деятельность всех центров ответа, потому что именно из этого пространства репрезентации образы запускают свою деятельность в сторону центров.

Человек снижает потенциал климатов катартическими разрядами, моторными разрядами, которые являются проявлением той энергии в направлении вовне тела; но хотя в этих случаях есть уменьшение напряжения, совсем необязательно произойдет его вымещение, его устранение.

Методики, которые соответствуют трансформации и вымещению климатов –

транферициальные методики. Их цель не в снижении потенциала внутреннего напряжения, но скорее в переносе заряда с одного образа в другой.

Будет недостаточно сказать, что климаты производятся только переводом сигналов глубоких, произвольных сокращений, и что такие сокращения, уловленные сенестезией, трансформируются в диффузные образы, которые занимают место в пространстве репрезентации. Это неполное утверждение. Прежде всего, потому, что регистр может быть не специфическим, а генерализованным - как в случае с сильными эмоциями - и эти состояния соответствуют разрядам, циркулирующим по организму и не соотносятся со специфичностью напряжения.

Что же касается происхождения этих феноменов, их источниками могут быть внутренние чувства, или акт памяти, или акт сознания. Когда импульс соответствует чисто телесному феномену, сенестезия принимает информацию, посылает соответствующий сигнал, который появляется как диффузный образ, т.е. такой, который не может быть визуально представлен (т.е. появляется как сенестетический образ, а не визуальный). Сенестезия посылает соответствующий сигнал и появляется диффузный образ, который в любом случае появляется в пространстве репрезентации.

Некоторые говорят, что, когда они сердятся, они «видят все в красном», или что их пространство репрезентации изменяется и они видят объект, спровоцировавший их гнев «уменьшенным»; другие говорят, им кажется, что этот предмет «выделяется» из окружающих, и т.д. Мы говорим не о локализованном регистре, но о диффузном эмоциональном состоянии, запущенном сенестетическим регистром, который был переведен в невизуализируемый сенестетический образ. Иногда у него могут быть переводы, которые можно представить визуально, но здесь не тот случай. Это размещение невизуализируемого образа происходит в пространстве репрезентации и по сути мобилизует инстинктивные центры. Все, что произошло, оставляет регистр в памяти. Если, с другой стороны, первый импульс поступает от внешних чувств, а на конце цепи импульсов также мобилизуются инстинктивные центры, это регистрируется в памяти, как ассоциированное с внешней ситуацией. Это мотивирует запись, в которой внешний импульс, тот импульс, который поступил извне, теперь остается привязанным к внутреннему телесному состоянию.

Возвращаясь к первому случаю, в котором внутренний импульс выпускается из-за вегетативного расстройства, к примеру. В этом случае также есть ассоциированная ситуационная запись, если внешние чувства работают со своей стороны. Но если он произведется, пока внешние чувства не работают или работают слегка (как на уровне сна), ситуационная запись может единственно соотнестись с информацией из памяти, так как она в тот момент будет обновляться и в конце цепи в памяти останется странная ассоциация феноменов из времени 2 (т.е. сенестетический регистр), с феноменами из времени 1 (т.е. информация из памяти).

Мы видели случаи, в которых точка отправления импульса есть *интратело*, и он ассоциирован с ситуациями внешнего восприятия; и случаи, когда есть такой же импульс, но ассоциированный с *памятью*, потому что внешние чувства не работали в тот момент. Мы также видели случай, в котором импульс, *произошедший из внешних чувств, в конце-концов мобилизовал сенестетические внутренние регистры*, что сделало возможным оставить регистрацию в памяти с того момента и впредь внешней ситуации и внутреннего регистра.

Память со своей стороны может поставлять импульсы и, мобилизовав регистры, распустить ассоциативные цепи образов (не только визуальных образов, но и образов от других чувств, включая сенестезию), которые в свою очередь пробуждают новые поступления информации, конфигурируя эмоциональные состояния, ассоциируемые на этот раз с новой ситуацией, воспринимаемой внешними чувствами.

Наконец, *сознание* само, вырабатывая образы, может пустить в движение все вышеуказанное, равно как добавить свою собственную деятельность окончательно записав в памяти внешние ситуации, ассоциируемые с воображаемыми элементами. В любом случае, сцепление чувства-память-сознание - неразрывно, нелинейно и, конечно, структурно.

И следовательно, если первое, что запускается - физическая боль, конечная конфигурация может быть - душевное страдание и возможно присутствие действительно сенестетических регистров, которые прочно записаны в памяти, но ассоциированы с воображением. Физическая боль часто заканчивается душевным страданием, которое выражается иллюзорными, но регистрируемыми элементами. Этот факт учит нас, что иллюзорное, хотя у него может быть «реальное» существование, может быть зарегистрировано посредством нескольких сопровождений, которые обладают неоспоримой психической реальностью. Не многое объясняется названием феномена «иллюзорным»; также не больше проясняется, если сказать, что иллюзии регистрируются так же, как регистрируются так

называемые иллюзорные восприятия. Иллюзорное страдание имеет регистр, который реален для сознания. Именно здесь лучшее поле для работы трансференции - в иллюзорном страдании. Оно отлично от того, что происходит с основными болезненными импульсами - будь они переведены или трансформированы - которые могут быть лишены иллюзорных компонентов, что совсем не обязательно приводит к устранению физической боли. Но оно не лежит в поле трансференции, как таковой.

Автоматическое сцепление страдания может быть диссоциировано. Это основная цель трансференции. Мы видим *трансференцию, одним из орудий Оператива, в основном предназначенное для дезартикуляции страдания, освобождения сознания от тягостного содержания*. Как катарсис освобождает заряды и производит моменты временного - хотя временами необходимого - облегчения, трансференция стремится к долговременному переносу этих зарядов, по крайней мере в отношении конкретной существующей проблемы.

Давайте теперь изучим некоторые аспекты компенсаторного функционирования аппаратов психизма. Пороги чувствительности различных чувств варьируются по структуре, а пороги внутренних чувств варьируются компенсаторно в соотношении с порогами внешних чувств. Феномены сенестетического порога, вслед за понижением импульсов от внешних чувств, поступают в восприятие и начинают испускать сигналы. Мы говорим, что, когда внешний импульс снижается, другие внутренние явления, которые работали на минимальном уровне порога и которые мы не регистрировали, появляются так, что их можно зарегистрировать. Следовательно, с понижением уровня сознания, возникновение феноменов в интралеле, которые не были явными при бодрствовании, становятся доступными для восприятия. После исчезновения шума от внешних чувств, эти другие феномены становятся явственными. С падением уровня, появляются внутренние импульсы, которые дают сигналы сознанию, следуя по ассоциативным каналам. Когда пробуждается этот ассоциативный путь, феномены перевода работают с большой силой.

Давайте вернемся к проблемам феноменов перевода и трансформации импульсов. Перед предметом, воспринимаемым мной визуально, я могу узнать его другие, не визуальные характеристики, которые я могу воспринимать в зависимости от ситуации. Эти различные восприятия, относящиеся к одному и тому же предмету, были ассоциированы в моей памяти по ходу жизненного опыта. У меня есть связанные регистры восприятий. Мы теперь рассматриваем нечто большее, чем структурирование восприятия, которое выполняет одно чувство - мы теперь рассматриваем структурирование, которое выполняется перед объектом общей суммой информации от всех чувств; информацией, которая была включена в память в течение некоторого времени. В моем распоряжении выражение различных свойств каждого предмета, так что когда одно из них фиксируется, другие ассоциированные с предметом свойства также выпускаются. Это уже основной механизм перевода импульсов. Что же подвергается переводу? Давайте рассмотрим пример. Слуховой импульс пробуждает мнемонические регистры; регистры, в которых зрительные импульсы в данное время были ассоциированы со звуковыми импульсами. Поступает не только слуховой импульс, но и зрительный импульс возникает в моем пространстве репрезентации. Это часто случается в состоянии бодрствования, и именно благодаря этому механизму ассоциации чувств, именно благодаря структуризации чувств мы можем конфигурировать важные секторы внешнего мира.

Так же, как пространство репрезентации начинает структурироваться с раннего детства, и предметный мир начинает структурироваться с раннего детства. На этой стадии познания дети, кажется, непоследовательно конфигурируют различные регистры, имеющиеся у них от одного и того же предмета. Как мы уже высказали раньше, ребенок нечетко различает свое тело и тело матери. Кроме того, дети не очень хорошо улавливают отношение между типом стимула, достигающего чувства, и функцией, выполняемой предметом. Они также путают аппарат регистра до такой степени, что можно часто наблюдать, как ребенок пытается положить что-то, что он хочет съесть, себе в ухо, а мы наблюдаем, как ребенок выполняет различные замены. Дети неспособны выразить всю систему восприятия; они еще не выражают ее логически связно. Их пространство репрезентации также не совсем логически структурировано. Строение, которое находится вдалеке, воспринимается как меньшее, чем когда оно ближе, но они тянутся к нему руками и стараются хвататься за камин, или окно, и есть его. Бывают дети, которые поступают так с Луной, которая, как вы знаете, находится дальше, чем на расстоянии вытянутой руки, или находилась дальше, чем на «расстоянии вытянутой руки». Стереоскопическое зрение, дающее нам глубину пространства и позволяющее выразить различные расстояния в пространстве, конфигурируется у ребенка постепенно. Также внутреннее пространство репрезентации постепенно обретает объемность. Ясно, что ребенок не рождается с

такой же предметной артикуляцией, как у взрослого, но информация, поставляемая чувствами, далее позволяет психическому аппарату выполнить работу, всегда базируясь на памяти.

Мы изучаем эти первые феномены *перевода импульсов*. Например, феномен, который действует на чувство, активирует цепь, в которой появляются образы, соответствующие другим чувствам, но связанные с тем же предметом. Что происходит в тех странных случаях ассоциации свойств предмета, в которых они, свойства, вложены в другой предмет? Здесь мы имеем более интересный перевод, потому что, например, человек слышит звон колокола, но образ вызывается не колокола, а родственника. Теперь человек не связывает объект, который он слышит, с объектом, который он видел в другой момент, или с объектом, который он понюхал в другой момент – теперь человек ассоциирует первый предмет с другими феноменами, другими образами, которые сопровождали запись определенного момента, но которые относятся не к обсуждаемому объекту, а к другому типу объектов. В основном, индивид создает ассоциации между различными перцептуальными свойствами данного объекта. Но мы говорим о чем-то большем, об объекте, с которым ассоциируются не просто различные свойства, а с которым связаны все эти феномены в прошлом. А эти феномены компрометируют другие предметы, они компрометируют других людей, они компрометируют целые ситуации. Мы тогда говорим о феномене перевода импульсов, который соотносится не только с чертами одного и того же предмета, но и с чертами других предметов и ситуационных структур, которые ассоциировались с данным предметом. Так, следовательно, кажется, что *структурирование осуществляется, связывая различные восприятия одного и того же предмета и в соответствии с ситуационным контекстом*.

Более того, случается, что, так как есть внутренний импульс, если этот внутренний импульс обладает достаточным сигнальным потенциалом чтобы достичь порога регистра, тогда, восприняв звук колокола, субъект испытывает любопытную эмоцию. Он уже не переводит импульсы и не ассоциирует некоторые импульсы от различных свойств предмета, с другими импульсами, которые сопровождают предмет, или между структурами полного восприятия, происходит нечто большее – он переводит между полными структурами восприятия и структурами регистра, который сопровождал человека в тот момент.

Если мы видим, что импульс, который соответствует чувству, может быть переведен и перенесен в другой, почему не смогли бы мы перевести импульсы, которые регистрируются внешними чувствами и которые по соседству пробуждают импульсы, записанные от внутренних чувств? Это не так уж трудно. Случается, что феномен несколько изумителен и принимает причудливые свойства при снижении уровня сознания. Но его механика известна.

Давайте вспомним, что память, изучаемая по слоям, как древняя память, промежуточная память и кратковременная память, находится в движении. Сырой материал, ближайший - сегодняшний материал, вот где мы имеем новейшую информацию. Но есть много ассоциированных феноменов, которые связаны с древней памятью, и они создают нам проблемы, так как регистр объекта, который может быть ассоциирован с недавними феноменами, сопровождается феноменами из древней памяти транслативно. Это довольно необычно и происходит с некоторым видом чувства. В связи с его структурированием, обоняние самое богатое в этом виде производства. Обоняние обычно пробуждает огромные ассоциативные цепи ситуационного вида, и многие из них – древние. Вам знаком пример – воспринимается некоторый запах, и мгновенно выпускаются целый ряд образов из детства. Как выпускаются эти образы? Вам вспоминается такой же запах, просто такой же запах двадцатилетней давности? Нет, вы вспомнили целую ситуацию из далекого прошлого, которую запустило восприятие этого запаха в настоящем.

Перевод импульсов, который, как сначала представляется, просто и легко исследовать, оказывается сложным. Разнообразные секторы памяти, очевидно непоследовательные структурирования восприятия, внутренние регистры, которые ассоциируются с феноменами, воспринимаемыми внешне; воображаемые объекты, которые вмещиваются во внешний регистр и в то же время ассоциируются с ним; операции памяти, которые, переводясь, поступают на уровне сознания на ассоциативные пути - все это осложняет понимание общей схемы.

До сих пор мы видели, как импульсы ассоциировались и переводились из одного в другие. Но есть также другие, очень любопытные феномены – феномены трансформации. Образ, который был структурирован одним способом, вскоре начинает приобретать другие конфигурации. Это процесс, который происходит на ассоциативных путях, в которых ассоциированные импульсы, возникающие в пространстве репрезентации, начинают жить своей жизнью, деформироваться и трансформироваться, показывая нам одну изменчивость за другой. С этими проблемами мы встаем перед техникой

трансференции. Мы должны придать определенность всему этому, мы должны быть в состоянии опереться в этом на некоторые общие законы, которые позволят нам оперировать в этом подвижном хаосе. Нам нужны некоторые законы Оператива, что-то, что всегда срабатывает, при одних и тех же условиях дает один и тот же результат. Такое существует, потому что, к счастью, тело обладает неким постоянством, которым мы сможем оперировать. Однако, если такое произошло бы в исключительно психическом мире, не было бы возможности оперировать – не было бы референции.

Телесная предметная референция позволяет нам сказать, что даже если боль в некоей части тела переводится различными способами, пробуждает различные примыкания образов, создает смешения воспоминаний и времени - этот феномен будет выявлен в особой зоне пространства репрезентации. А мы сможем понять много других феноменов и многие функции благодаря неизменности тела. Это тело – наш старый друг, добрый товарищ, который дает нам референции, чтобы мы могли двигаться по психизму. Нет иного способа делать это.

Давайте посмотрим, что происходит с пространством репрезентации и феноменами, которые запущены из него.

Я воображаю горизонтальную прямую перед глазами. Я закрываю глаза. Где я ее представляю? - Ну, я представляю ее впереди и снаружи. Теперь я представляю желудок. Где я его представляю? - Внизу и внутри. Теперь я представляю эту линию там, где находится мой желудок, а это создает для меня проблему определения места. Теперь я представляю свой желудок впереди себя и снаружи и это также создает для меня проблему определения места. Когда я представляю желудок внутри и внизу, я не просто представляю свой желудок, но и имею его сенестетический регистр, а это – второй компонент репрезентации. Теперь я могу представить желудок перед собой, сверху и снаружи, но у меня нет того же сенестетического регистра. И таким образом, когда образ помещается в правильное место, он обладает сенестетическим компонентом регистра, который дает нам важную референцию. Приложив небольшое усилие, можно представить желудок сверху и снаружи. Но как вы теперь его представите? Возможно, как рисунок, какие вы видели в книгах. Но если вместо этого, вы вообразите его внизу и внутри, как вы его представляете? Как рисунок? Ничего подобного. У вас есть зрительный образ? Ничего подобного. У вас может быть образ, который был ассоциирован из-за феномена перевода – но что это такое относительно представления его в пространстве репрезентации, внизу и внутри? Это работа с другим типом образов – сенестетическим образом.

Итак, в соответствии с тем, помещается ли образ на пространстве репрезентации в одной или другой точке, на том или другом уровне глубины, существует не только регистр образа, но и характерная сенестетическая репрезентация в таком-то месте и на такой-то глубине. Когда предметы, помещенные на пространстве репрезентации, наблюдаются с «заднего плана» этого пространства, мы говорим, что мы работаем с артикуляцией бодрствования. То есть, мы видим феномены, которые являются внешними для нас (или, которые называются «внешними»), вне нашей головы.

Я могу сейчас представить далекие объекты, вне моей головы. Откуда я регистрирую эти образы? Изнутри моей головы – такое у меня ощущение. Тем не менее я бы не сказал, что эти предметы у меня в голове. Если я возьму предмет, который я вообразил снаружи, и на этот раз я помещу в воображении его внутрь своей головы, у меня возникнет сенестетический регистр помимо образа, который я поместил внутрь своей головы.

В зависимости от уровня глубины пространства репрезентации, у нас есть тип внешнего регистра, или тип сенестетического регистра. Это существенно важно для понимания последующего феномена трансференции.

Я могу представить со стороны заднего плана этого своего рода экрана феномены, которые находятся вне моей головы и также, вообразив феномены, которые внутри моей головы, я могу назначить место внутри того умственного пространства. Я могу сделать большее усилие и представить этот предмет внутри моей головы, как если бы он виделся в то же время с разных точек. Возможно видеть предмет с различных точек, словно «тот, кто представляет», окружает этот предмет; но обычно индивид воспроизводит предмет на некотором фоне.

Есть достаточно сложностей с умственным пространством, помещенным из головы назад, не то - с помещенным из головы вперед. Почти все внешние чувства расположены на передней части головы и именно так индивид воспринимает мир, и так умственное пространство, ему [миру] соответствующее, артикулируется; но от ушей и назад, восприятие и репрезентация становятся более затрудненными. Позади вас в этой комнате – занавес и вы можете представить его себе не глядя. Но когда вы наблюдаете занавес позади себя на пространстве репрезентации, вас могут спросить: «Откуда вы видите занавес?» Вы видите его на том же экране, разве что на экране произошла

некоторого рода инверсия. Вы не заходите за занавес - вы помещаете себя в той же точке внутреннего размещения. А теперь вам кажется, что занавес вне вас, но позади. Это создает проблему для нас, но в любом случае, мы продолжаем размещаться на заднем плане пространства репрезентации.

Пространство репрезентации создает некоторые проблемы «топографии». Я представляю теперь феномены, которые находятся вне этой комнаты. Я не могу попытаться поместить мое сознание вне этой комнаты. Тем не менее, я вставляю эти предметы внутрь моего пространства репрезентации. Где тогда находится мое пространство репрезентации, если оно относится к предметам, которые находятся снаружи? Этот иллюзорный феномен чрезвычайно интересен, если учесть факт, что репрезентация предметов может быть распространена за пределы пространства восприятия моих чувств, но никогда вне моего пространства репрезентации. И оказывается, что мое пространство репрезентации именно внутреннее, а не внешнее.

Если человек изучит это неверно, он полагает, что пространство репрезентации распространяется из тела в направлении к внешней среде. В действительности пространство репрезентации распространяется в направлении внутренней среды тела. Этот «экран» конфигурируется благодаря общей сумме сенестетических импульсов, которые обеспечивают постоянные референции. Этот экран является внутренним и феномены, которые я воображаю извне, не то, что мелькают на этом экране; в любом случае, я представляю их внутри, но на разных уровнях глубины этого внутреннего экрана.

Когда мы говорим, что образы, которые появляются в разных точках пространства репрезентации воздействуют на центры, становится ясным, что они не могли бы воздействовать на центры, если экран был бы помещен вовне. Образы воздействуют на центры потому, что импульсы поступают внутрь, даже когда субъект полагает, что феномены помещены снаружи. Здесь полезно прояснить, что я не отрицаю существование внешних феноменов; скорее я изучаю их конфигурацию, принимая, что они (данные феномены) представляются мне перед моими фильтрами восприятия и артикулируются на моем экране репрезентации.

При падении уровня сознания структурирование пространства репрезентации модифицируется и феномены, которые изначально виделись изнутри, и полагалось, что они находятся снаружи, с падением уровня сознания они видятся снаружи, и полагается, что они внутри; или они видятся внутри, и полагается, что они находятся снаружи. Этот фон экрана, где я был помещен, когда я референцировал воображаемый внешний феномен - где он теперь, когда «я» вижу себя помещенным вне «того», что видит? А я вижу себя сверху, снизу, издали, ближе и т. д. Оказывается, теперь пространство репрезентации действительно принимает внутренние черты в своих границах. Пространство репрезентации становится внутренним, когда падает уровень сознания, потому что раздражители от внешних чувств исчезли и усилилась работа внутренних чувств. С усилением внутренних сенестетических импульсов, внутреннее пространство репрезентации обрело полноту и теперь у нас есть эти феномены, случающиеся во «внутренней среде» пространства репрезентации как таковой. Возникают образы, в которых пространство репрезентации приобретает обостренные черты, согласно сканированию, выполняемому сенестетическими импульсами. В сновидениях пространство репрезентации представляется имеющим границы похожие на стены или похожим на контейнеры разных сортов; иногда представляется похожим на голову самого индивида, внутри которой возникают онерические феномены. Самыми большими из контейнеров в падении уровня сознания являются именно границы пространства репрезентации.

Инстинктивные центры (вегетативный и сексуальный) значительно мобилизуются с падением уровня сознания, хотя могут быть некоторые сопровождения эмоционального вида и также некоторые сопровождения интеллектуального, и почти никаких моторных сопровождений. Когда происходит помещение феномена в пространстве репрезентации, которое соответствует низкому уровню сознания, происходит самый большой запуск образов в вегетативный и сексуальный центры, являющиеся самыми внутренними центрами, работающими с регистрами сенестетических ощущений, в то время как другие центры имеют тенденцию быть тесно связанными с импульсами от внешних чувств. С другой стороны, образы, которые в повседневной жизни не мобилизуют важные заряды и разряды в центрах референции могут оказаться довольно мощными при падении уровня сознания. В свою очередь, сильные внутренние образы конфигурируются работой этих двух центров, так как есть восприятие работы этих центров, которое трансформируется в образ. Этот феномен обратим и так же, как пространство репрезентации, конфигурируется сенестетическими импульсами, любой образ, который помещен на некотором уровне пространства репрезентации в его внутреннем пласте, воздействует на телесный уровень, который ему соответствует.

Давайте теперь пересмотрим, что было сказано относительно предметных ассоциаций различных чувств, относительно переводов импульсов в отношении к одному и тому же предмету; предметных ассоциаций между предметами и ситуациями и переводов импульсов предмета в отношении к другим предметам, его окружающим. Предметные ассоциации, относящиеся к внешним и внутренним ситуациям (т.е. сенестетические импульсы) являются комплексными регистрами, которые записываются в памяти. Эти записи всегда существуют как фон каждого феномена репрезентации (т.е. образа) и они связаны с точными зонами и глубинами пространства репрезентации.

В нашем распоряжении уже есть несколько элементов, которые позволят нам понять, что происходит с перемещением образов в пространстве репрезентации на уровнях сна и полусна. Мы уже понимаем первые шаги того, что мы назовем «техникой трансференции». Эта техника будет эффективной, она выполнит свое назначение, если действительно эти феномены, возникающие на экране репрезентации на низких уровнях сознания (после того как они трансформируются), мобилизуют различные части тела, различные напряжения в теле, или замещают мнемонические феномены, которые производят напряжения, выражаемые в соответствующих образах. Когда мы воздействуем на эти образы, мы изменяем систему ассоциаций, которые мотивировали напряжения.

Наша проблема в этой технике трансференции будет лежать в ассоциации и диссоциации климатов с образами. Другими словами, как отделять климаты от тем (образов).

Временами возникнут ситуации, в которых мы должны ассоциировать образ с климатом, потому что без образа мы обнаружим лишь сенестетические образы, которые не могут быть представлены зрительно; и поскольку они не могут быть представлены зрительно, они не могут быть сдвинуты на различные высоты и различные уровни в пространстве репрезентации. Мы тогда будем должны, работая с климатами, ассоциировать их с некоторыми образами, чтобы позднее мобилизовать эти образы в пространстве репрезентации и посредством этого «перенести» климат. Если мы не направимся таким путем, рассеянный климат распространится в пространстве репрезентации так, что мы не сможем работать с ним.

И временами благодаря другой примечательной особенности функционирования феноменов на уровнях сна, мы сталкиваемся со зрительными образами, к которым приклеиваются заряды, которые не совсем им соответствуют. Следовательно, мы постараемся *диссоциировать эти заряды и перенести другие, подходящие образам.*

И таким образом, нам придется разрешить многочисленные проблемы в трансференции зарядов, трансференции образов, замещении образов и в трансформации образов.

Психология III

В данном материале кратко изложены пояснения, данные Сило в Лас-Пальмас, Канарские о-ва, в начале августа 1978 г. . Материал подготовлен присутствовавшими на беседе.

Катарсис, трансференция и само-трансференция; действие в мире, как форма трансференции

Следует рассмотреть две цепи импульсов, которые в конце концов дают внутренний регистр. Одна цепь соответствует восприятию, репрезентацию, новому запечатлению репрезентации, внутреннему восприятию. Другая цепь показывает нам, что от каждого действия, которое я направляю на мир, у меня также создается внутреннее ощущение. Именно то, что мы таким образом принимаем обратную связь, позволяет нам обучаться, совершая действия. Если внутри меня не происходил бы отбор обратной связи, поступающей от действий, произведенных мной, я бы никогда не смог совершенствовать свои действия. Повторением я учусь печатать на клавиатуре. То есть, мое действие регистрируется как правильное или ошибочное. Однако, действие может регистрироваться только, если оно совершается.

От действия во мне создается регистр. Сложилось мнение, которое временами вторгалось в педагогику, предвзятое мнение, что познать вещь можно, просто думая о ней. Конечно, что-то познается, так как от мысли индивид также воспринимает информацию. Однако механика центров показывает, что они мобилизуются, когда до них дойдут образы; а мобилизация центров является перегрузкой, активизирующей их деятельность, направленную на внешний мир. Происходит отбор обратной связи этой деятельности, который возвращается и к памяти и к сознанию. Этот отбор позволяет нам сказать, к примеру: «Я ударил не по той клавише». Таким образом я регистрирую ощущение правильности и ошибочности. Так я по нарастающей совершенствую регистр правильности, и вслед за тем правильное действие печатания становится более свободным и механическим. Мы говорим здесь о второй цепи, которая извещает меня о регистре выполняемого мной действия.

Мы говорили уже о разнице¹, существующей между действиями, называемыми катартическими и действиями трансференции. Первые связаны, в основном, с разрядкой напряжения. Вторые позволяют перенести внутренний заряд, интегрировать содержание и расширить возможности для развития психической энергии. Хорошо известно, что там, где существуют «острова» умственного содержания, между которыми нет обмена информацией, возникают сложности в сознании. Если индивид думает в одном направлении, чувствует во втором, а действует в третьем, возникает регистр «ничто не стыкуется», регистр неполноты. Кажется, лишь когда мы наводим мосты между внутренним содержанием, психическое функционирование едино, и мы можем продвинуться на несколько шагов вперед.

Мы знакомы с работой трансференции в технике Оператива. Мобилизуя некоторые образы и проходя к точке сопротивления с этими образами, мы можем преодолеть это сопротивление. Преодолев его, мы провоцируем расслабление и переносим заряд на новое содержание. Благодаря этим перенесенным зарядам (работа над которыми происходит в пост-трансференциальных разработках) субъект способен интегрировать некоторые регионы внутреннего пейзажа, внутреннего мира. Мы знаем об этих техниках трансференции и других, таких, как самотрансференции, в которых не требуется действие внешнего гида. Индивид может сам направить себя внутренне некоторыми образами, заранее закодированными.

Мы знаем, что действие, а не просто работа образов, упомянутая выше, может пробудить феномен трансференции и феномен само-трансференции. Один вид действия будет отличаться от другого.

Некоторые действия позволяют интегрировать внутреннее содержание, некоторые окажутся невероятно расщепляющими. Некоторые действия производят такой груз горя, такое сожаление и внутреннее разрушение, что индивид не пожелает их повторения. Однако, эти действия уже цепко закрепились за прошлым; даже если индивид никогда не повторит действия в будущем, они будут давить на него из прошлого, не находя разрешения, не позволяя сознанию двигаться, преобразовываться, интегрировать содержание и не позволяя субъекту ощутить стимулирующее и освобождающее чувство внутреннего роста.

Ясно, что безразлично, какие действия выполняет индивид. Существуют действия, дающие индивиду регистр внутреннего единства и действия, сообщающие ощущение расщепления. Многое в интеграции и развитии содержания сознания станет намного яснее, если изучить вопрос действия в мире в свете того, что мы знаем о катартических процессах и процессах трансференции. Мы вернемся к этому вопросу, взгянув бегло на общую схему нашей Психологии.

¹ Относится к главе «Оператива» в Психологии II.

Схема интегрированной работы психизма

Мы представляем *человеческий психизм, как интегральную схему аппаратов и импульсов*, в которой некоторые аппараты, называемые «внешними чувствами», являются рецепторами импульсов из внешнего мира. Существуют также аппараты, которые принимают импульсы из внутреннего мира, которые мы называем «внутренними чувствами». Эти внутренние чувства, весьма многочисленные, чрезвычайно важны для нас, и мы должны подчеркнуть, что наивной психологией им было уделено очень мало внимания. Мы также замечаем, что есть другие аппараты, такие как аппарат памяти, схватывающий все сигналы, поступающие из внешнего мира или внутреннего мира субъекта. Существуют другие аппараты, регулирующие уровни сознания и, наконец, аппараты ответа. Все эти аппараты при работе временами пользуются направлением центральной системы, которую мы называем «сознанием». Сознание выявляет связи и координирует функционирование аппаратов, но оно может выполнять это лишь благодаря системе импульсов. Аппараты принимают и отсылают друг другу импульсы, которые пересылаются по цепи с огромной скоростью, переводятся, деформируются, трансформируются и в каждом случае служат производству высоко дифференцируемых явлений сознания.

Чувства, которые постоянно отбирают пробы происходящего во внешней и внутренней среде, находятся в непрерывно рабочем состоянии. Ни одно чувство не находится в состоянии покоя. Даже когда человек спит и его веки закрыты, глаза его тестируют темный занавес век, уши воспринимают импульсы из внешнего мира и таким же образом работают классические, основные пять чувств. Но внутренние чувства также считывают информацию о происходящем внутри, собирая данные о рН уровне крови, щелочности, солености, кислотности, считывают артериальное давление, сахар в крови, температуру тела. Терморцепторы, барорцепторы и другие рецепторы непрерывно получают информацию о происходящем внутри организма, одновременно внешние чувства собирают информацию о происходящем вне организма.

Каждый сигнал получаемый интрарепторами, пересылается в память и в сознание. Правильнее сказать, эти внутрителесные сигналы разворачиваются, и все собранные пробы одновременно вступают в память и сознание (на разные уровни сознания, регулируемые соответственно качеству и интенсивности данных импульсов). Импульсы могут быть слабыми, действующими на грани восприятия. С другой стороны, есть импульсы, которые становятся невыносимыми именно по причине того, что они достигают порога терпимости. Выше этого порога импульсы теряют свое качество всего лишь простых восприятий одного из наших чувств, превращаясь в однородное восприятие независимо от органа чувств, которым оно было получено, сообщая болезненное ощущение. Есть импульсы, которые должны достичь памяти, сознания, однако, они их не достигают из-за помехи во внешнем или внутреннем чувстве. Случается, что импульсы не достигают сознания не из-за неисправности рецептора, а потому, что некоторое явление произвело блокировку в некоторой точке цепи. Это может быть проиллюстрировано примерами некоторых случаев слепоты, известных как «соматизации». Были изучены глаз, зрительный нерв и затылочное расположение и т. д. Все элементы здоровы, однако, субъект слеп, а слепота его является следствием не органической проблемы, а психической. Другой индивид теряет слух или становится немым, хотя все органы в цепи работают превосходно в смысле связей и локализаций. Однако, что-то блокирует путь импульсов. То же случается с импульсами, исходящими изнутри организма, это не широко признается, но чрезвычайно важно, так как существует множество, назовем их «анестетиками», для импульсов, исходящих изнутри организма. Чаще всего встречаются «анестетики», отвечающие на сексуальные импульсы, так как существует много людей, которые по причине какой-либо психологической проблемы неточно различают сигналы этой точки цепи. Как только сигналы были блокированы и не были выявлены субъектом, то, что обычно поступило бы в сознание (будь –то на сублиминальном уровне или осознанно, привлекая наибольшее внимание), подвергнется значительным видоизменениям или не достигнет сознания. Когда импульс от внешнего или внутреннего чувства не достигает сознания, последнее работает так, словно пытается воссоздать, восполнить эту пустоту, заимствуя импульсы из памяти, компенсируя недостаток стимула, требуемого на воссоздание. Если по причине внешнего или внутреннего дефекта чувств или просто в связи с блокировкой, импульс не поступает из внешнего или внутреннего мира, память запускает свою цепь импульсов с целью компенсации. Если этого не происходит, сознание берется регистрировать свою собственную работу. Эта странная работа, производимая в таком случае сознанием, похожа на то, что делает видеокамера, объектив которой направлен на зеркало, и теперь можно видеть на экране воспроизведение зеркала в

зеркале в зеркале – процесс мультипликации воспроизведения образов, в которых сознание воспроизводит свое содержание и мучает себя пытаясь обрести импульсы оттуда, где их нет. Эти неотвязные явления похожи на видеорекамеру перед зеркалом.

Так же, как сознание компенсирует недостаток импульсов, принимая их из другой точки, оно, словно бы располагая предохранительными клапанами, защищается, отключая чувства, когда импульсы из внешнего или внутреннего мира очень сильны. Мы также знаем, что чувства находятся в непрерывном движении. Когда человек спит, например, чувства, отвечающие за отслеживание внешних шумов, снижают порог чувствительности, но не прекращают улавливать шумы. Многие, что индивид различил бы находясь в состоянии бодрствования, более не поступает к сознанию, но сигналы, тем не менее, улавливаются.

Обычно, чувства снижают или повышают порог восприятия в соответствии с шумовым фоном, окружающим нас в данный момент. Конечно, это нормальная работа чувств, но когда сигналы раздражают, и чувства не могут игнорировать импульс, несмотря на заниженный порог восприятия, сознание обычно отключает чувство. Давайте вообразим случай, в котором человек подвергается постоянному внешнему сенсорному раздражению. Если усиливается шум города, если увеличивается зрительная стимуляция, если весь новостной поток из внешнего мира усиливается, тогда в человеке может возникнуть своего рода реакция. Субъект старается отключить внешние чувства и «обратиться внутрь». Он начинает зависеть от импульсов изнутри организма, чтобы отключиться от внешнего мира в процессе «отчуждения» сознания. То, о чем мы говорим не столь драматично – обращение человека внутрь себя, когда он пытается избежать внешнего шума. В этом случае субъект, желая снизить сенсорный шум, столкнется с усилением внутренних импульсов, ни более, ни менее. Так как наряду с существованием регуляции порогов в каждом внутреннем и внешнем чувстве, существует компенсация внешних чувств системой внутренних чувств. Можно сказать, что в общем, когда падает уровень сознания (при засыпании), внешние чувства понижают свой порог, повышая порог восприимчивости внутренних чувств. Напротив, когда повышается уровень сознания (при пробуждении), субъект начинает понижать порог восприятия внутренних чувств, открываясь восприятию внешнего мира. Однако даже при бодрствовании, как в предыдущем примере, может произойти сужение восприятия внешнего мира, и субъект может попасть в положение «ухода от реальности» перед лицом раздражения, возбуждаемого в нем внешним миром.

Продолжим описание больших блоков аппаратов. Мы наблюдаем операции, производимые памятью при получении импульсов. *Память всегда отбирает данные, и таким образом формируется субстрат с самого раннего детства. Все данные памяти, которые она будет аккумулировать, будут организованы на основе этого субстрата.* Кажется, первые моменты жизни определяют в огромной степени последующие процессы. Однако, древняя память становится все более удаленной для доступа бодрствующего сознания. Над субстратом скопляются более свежие данные, кончая сегодняшней информацией. Вообразите трудность доступа к самому древнему содержанию памяти, которое находится в самом основании сознания. Очень трудно туда добраться. Необходимо опускаться туда «зонды». Более того, «зонды» иногда наталкиваются на сопротивление. В результате, требуется применение довольно сложных методов для того, чтобы «зонды» собрали пробы из памяти, чтобы перегруппировать содержание, которое к прискорбию было неудачно в некоторых случаях организовано.

Есть другие аппараты, такие как центры ответа, которые выполняют более простую задачу. Эти центры работают с образами. Образы - это импульсы, рожденные в сознании, и запущенные в соответствующие центры, а эти центры движут тело в направлении к миру. Вы знакомы с функционированием интеллектуального, эмоционального, моторного, сексуального и вегетативного центров, и вы знаете, что для мобилизации любого из них необходимо задействовать подходящие образы. Может случиться, что заряд, интенсивность запуска образа окажется недостаточной. В этом случае соответствующий центр будет реагировать слабо. Также может произойти, что заряд окажется чрезмерно сильным и тогда в центре будет спровоцирована неадекватная реакция. С другой стороны, когда центры – которые также находятся в непрерывном движении и работают между собой в структуре – мобилизуют заряды на внешний мир, они потребляют энергию из смежных центров. У индивида могут быть проблемы, отраженные в его интеллектуальных способностях, хотя проблемы эти могут быть эмоциональной природы. Таким образом, образы, относящиеся к моторике интеллекта, вносят свой вклад в реорганизацию содержания. Однако, эмоциональная проблема не разрешится повторной выработкой образов или «смещением» образов фантазии. Если вместо того, чтобы предаваться своим грезам, человек встанет и начнет двигаться, работая со своей телесной

моторике, негативный заряд эмоционального центра будет «высосан», и ситуация изменится. Однако, обыкновенно люди стараются управлять всеми центрами из интеллектуального центра, что приводит ко множеству проблем, поскольку, как уже было изучено ранее, центры управляются «снизу» (оттуда, где больше энергии и скорости), а не «сверху» (где психическая энергия тратится на интеллектуальные задачи).

Вкратце, все центры работают в структуре, все центры, направив свою энергию на мир, потребляют энергию из других центров. Иногда один из центров перегружается, и когда его потенциал избыточен, энергией наполняются и другие центры. Эти переливы не всегда негативны, поскольку, хотя при одном виде перелива индивид может быть разъярен и может разразиться предосудительными действиями, в другом случае перелива индивида может заполнить чувство энтузиазма, радости, и эта энергетическая перегрузка может завершиться позитивным распределением между всеми центрами.

С другой стороны, иногда случается большой недостаток, пустота, откачка энергии из эмоционального центра. Субъект начинает работать над негативом в эмоциональном центре. Для иллюстрации, приведем образный пример: это похоже на «черную дыру», возникающую в эмоциональном центре, которая собирает материю, сжимает пространство и поглощает все, направляющееся в нее. Наш субъект становится подавленным. Его мысли становятся мрачными, а его моторный потенциал - даже его вегетативный потенциал – снижается. Немного драматизируя, добавим, что его вегетативные защитные механизмы падают, и таким образом, количество реакций, которые его организм обычно производит, снижается, его организм более подвержен заболеваниям.

Все аппараты работают в большей или меньшей степени интенсивно в соответствии с уровнем сознания. Если наш субъект бодрствует, иное происходит нежели, если он спит. И, конечно, существует множество переходных состояний и уровней. Есть переходный уровень полусна, некоторой смеси сна и бодрствования. В сне также есть много уровней. Парадоксальный сон – сон с образами – не то же, что глубокий, вегетативный сон. В глубоком вегетативном сне, сознание не принимает информацию, по крайней мере в центральной области. Этот сон похож на смерть, может продолжаться довольно долгое время и, если перед пробуждением индивид не прошел фазу парадоксального сна, у него возникает чувство сжатия времени, похожее на то, что время не прошло, так как время в сознании относительно существованию явлений в нем. Так что если в сознании не было явления, для сознания не было и времени. В этом сне нет образов, все проходит слишком быстро. Но это не совсем так, потому что когда индивид ложится спать и спит несколько часов, в действительности проходит несколько циклов. Таким образом, индивид проходит через быстрый сон, затем через глубокий, затем через быстрый, далее через глубокий и т.д. Если мы разбудим субъекта во время глубокого сна (что можно проверить благодаря ЭЭГ или движению зрачка), он может не помнить ничего из потоков образов, которые появились на стадии быстрого сна (при наблюдении со стороны – быстрое движение зрачка под веками); если же мы разбудим человека во время быстрого сна, сопровождающегося образами, возможно, что он вспомнит свой сон. С другой стороны, пробудившемуся будет казаться, что прошло меньше времени, так как он не помнит всего, что случилось в разных циклах глубокого сна. Именно на низких уровнях сознания, как на уровнях быстрого сна, импульсы рожденные внутри организма с большей легкостью выполняют свою работу. Именно здесь память работает очень активно. Когда мы спим, цепь восстанавливается – она пользуется сном не только для того, чтобы уничтожить токсины, но и чтобы перенести заряды, заряды того содержания сознания, которые неудачно ассимилировались в течение дня. Работа сна напряженная. Тело неподвижно, но сознание напряженно работает. Содержание переорганизуется, пленка прокручивается, потом перематывается, классифицируя и расставляя по местам заново данные восприятия собранные за день. За день накапливается беспорядок восприятия, так как стимулы поступают несогласованно и характер их разнообразен. Напротив, во время сна устанавливается необычайный порядок. Все раскладывается очень верно. Конечно складывается впечатление, что все наоборот, что все, что мы воспринимаем днем упорядочено, а сон вносит беспорядок. В действительности все может быть в отличном порядке, но восприятие вещей и событий носит чрезвычайно случайный и произвольный характер, в то время как сон своей механикой заново воспроизводит и размещает данные в «каталоге». Сон не только выполняет эту необыкновенную задачу. Помимо нее, он пытается воссоздать психические ситуации, которые не нашли разрешения. Сон стремится запустить заряды из одного места в другое, чтобы произошел катартический разряд в связи с чрезмерным напряжением. В сне много проблем с зарядами разрешаются; происходят глубинные расслабления. Также в сне происходит перенос зарядов, которые были рассеяны, от одного содержания в другое, и далее в другое, прямым процессом энергетического замещения. Много раз

после великолепного сна у людей возникает ощущение, что что-то «встало на свое место», словно эмпирическая трансферция была произведена, как будто сон выполнил этот перенос зарядов. Но есть и «тяжелые сны», от которых индивид просыпается с чувством, что внутренний процесс был неправильно ассимилирован. Сон попытался переработать содержание, но неудачно и субъект выходит из этого уровня с очень плохим ощущением. Естественно, сон всегда служит восстановлению психизма.

Сознание и «я»

Что делает сознание, пока другие аппараты неустанно работают? *У сознания есть своего рода «директор» разнообразных функций и деятельности, известный как «я».* Давайте посмотрим на это следующим образом: каким-то образом я узнаю себя, и это происходит благодаря памяти. Мое «я» основано на памяти и узнавании некоторых внутренних импульсов. У меня есть концепция себя, потому что я узнаю некоторые внутренние импульсы, которые связаны с неким характерным эмоциональным тоном. Я не только узнаю себя по своей биографии и данным памяти, я узнаю себя по особому способу чувствовать, по моему особому способу понимать. Если бы мы убрали чувства, где было бы наше «я»? «Я» - не является неделимым целым, но есть результат суммирования и структурирования данных всех чувств и данных памяти.

Несколько сот лет назад один мыслитель заметил, что он мог думать о своей собственной мысли. Так он открыл интересную деятельность «я». Эта деятельность не касалась ни держания в памяти, ни подачи информации чувствами. Более того, этот ученый, который заметил эту проблему, очень осторожно попытался отделить данные от чувств, и данные от памяти. Он попытался произвести редукцию и остаться с мыслью о мышлении, что имело огромное значение для развития философии. Сегодня мы озабочены пониманием *психологического функционирования «я».* Мы спрашиваем: «Может «я» функционировать, если убрать информацию из памяти и информацию от чувств?» Давайте взглянем на этот вопрос внимательно. Полнота действий, через которые сознание думает о себе, зависит от внутренних сенсорных регистров. Внутренние чувства сообщают о происходящем в деятельности сознания. Этот регистр собственной идентичности сознания составляется данными чувств, памяти, вместе с особой конфигурацией, которая дает сознанию иллюзию постоянства вопреки продолжающимся изменениям, происходящим у него. *Эта иллюзорная конфигурация идентичности и постоянства и есть «я».*

Давайте прокомментируем некоторые эксперименты, произведенные в камере сенсорной депривации. Индивида ввели в камеру и погрузили его тело в воду, температура которой, скажем, 36°C (т.е. индивид опускается в ванну, температура воды в которой равна температуре тела). Климат камеры контролируется с тем, чтобы части тела находящиеся над водой, сохраняли влажность и температуру, как в воде. Все внешние звуки, обонятельные, световые и другие раздражители устранены. Субъект начинает флотировать в темноте и вскоре начинает испытывать необыкновенное явление: одна рука кажется выросла намного длиннее, его тело потеряло ощущение границ. Что-то любопытное происходит, когда мы слегка понижаем внешнюю температуру внутри камеры. Когда мы понижаем температуру внешней среды по отношению к температуре воды на пару градусов, субъект начинает ощущать, что он «выходит» через голову и грудь. В некоторый момент субъект начинает ощущать, что его «я» не внутри тела, но вне него. Это необыкновенное разрежение пространственного нахождения его «я» вызвано именно модификацией импульсов от кожи в некоторых особых точках (например, на лице и груди), в то время как остальные части остаются недифференцированными. Если восстановить температуру воды и внешнюю температуру камеры до одинакового уровня, наблюдается другое явление. В отсутствии внешней сенсорной информации, память запускает поток информации, которая компенсирует это отсутствие, и старая информация из памяти начинает появляться. Наиболее замечательно то, что эта информация памяти иногда появляется не как обычно, когда индивид вспоминает образы из своей жизни, а «вне» головы. Как будто воспоминания «видятся там, вне себя», как галлюцинации, проецируемые на внешний экран. Конечно, у индивида нет понятия, где кончается его тело, следовательно, у него нет четкого представления, о том, где помещены эти образы. Ощущается, что функции «я» сильно изменены. Своего рода изменения функций «я» производятся простым средством сенсорной депривации.

Обратимость и измененные феномены сознания

В этой схеме, которую мы снова описываем, *аппарат сознания работает с механизмами обратимости*. Иными словами, как я могу воспринимать звук – механически, неосознанно -, так я могу также и обратить внимание на источник раздражителя; в этом случае мое сознание будет руководить действием в направлении источника сенсорного. Апперцепция это не то что перцепция. Апперцепция это внимание плюс восприятие. Запомнить, когда кое-что приходит мне на ум, из памяти (при запоминании, сознание пассивно принимает данные), это не то, что вспомнить (при вспоминании, эвокации, мое сознание обращается к источнику памяти, работая с уникальным процессом отбора и отбрасывания). Итак, сознание оборудовано механизмами обратимости, которые работают в соответствии с состоянием ясности, в котором находится мое сознание на тот момент. Мы знаем, что когда уровень падает, становится намного труднее произвольно обращаться к источнику стимулов. Импульсы навязывают себя, воспоминания навязывают себя, и все это начинает контролировать сознание с большой силой внушения, пока беззащитное сознание ограничивается приемом импульсов. Уровень сознания падает и снижаются критичность и самокритика, снижается обратимость со всеми вытекающими отсюда последствиями. Происходит это не только при падении уровня сознания, но и при изменённых состояниях сознания. Ясно, что мы не путаем уровни с состояниями. Например, мы можем быть в состоянии бодрствующего сознания, но в пассивном, внимательном, измененном и т.д. состоянии. Каждый уровень сознания предполагает разные состояния. На уровне парадоксального сна состояния спокойного сна, измененного сна, сонambuлического сна, отличаются друг от друга. *Обратимость также может снизиться в одном из аппаратов сознания в связи с измененным состоянием, а не по причине падения уровня.*

Может случиться, что человек находится в состоянии бодрствования, однако в связи с особыми обстоятельствами, он может переживать сильные галлюцинации. Человек наблюдает феномены, которые как ему кажется, из внешнего мира, хотя в действительности он проецирует некоторые свои внутренние репрезентации, образы, вовне. Это содержание, эти галлюцинации будут иметь большую силу внушения на человека, так же как содержание сновидения имеет большую силу внушения на спящего человека. Однако, субъект не спит, субъект бодрствует. Аналогично, при сильной лихорадке, под воздействием лекарств или алкоголя и несмотря на то, что человек не утерял уровня бодрствующего сознания, индивид обнаружит себя в измененном состоянии сознания, сопровождающемся возникновением отклоняющихся от нормы явлений.

Измененные состояния не всесторонни. Они могут повлиять на некоторые аспекты обратимости. Мы можем сказать, что у любого индивида в состоянии бодрствования какой-то аппарат обратимости может быть заблокирован. Все функционирует нормально, ежедневные действия нормальны, индивид – обычный человек. Все работает превосходно.. кроме одной точки.. При касании этой точки, субъект теряет контроль. Это точка блокировки его обратимости. При касании этой точки, уменьшается чувство критичности и самокритичности, уменьшается самоконтроль, и сознание начинает контролироваться странным внутренним феноменом. Но это не столь драматично и случается с каждым из нас. В большей или меньшей степени, у всех у нас есть проблемы с некоторыми аспектами механизмов обратимости. Мы не совсем по своей воле управляем всеми нашими механизмами.

Может случиться, что наш знаменитый дирижер, наше «я», не оказывается столь хорошим дирижером, когда поражены некоторые аспекты обратимости, когда имеет место дисфункция среди аппаратов нашего психизма. Пример сурдокамеры очень интересен; по этому примеру видно, что дело не в падении уровня сознания, но в устранении импульсов, которые должны достичь сознания – и тогда изменяется, теряется само понятие «я». Параметры обратимости также потеряны, диапазон критического чувства, потерян и возникают компенсаторные галлюцинации.

Камера сенсорной депривации показывает нам случай устранения внешних стимулов; если не все сенсорные ориентиры были устранены, редко возникает феномен вызывающий интерес. Временами возникает недостаток или недостаточность импульсов, исходящих от внутренних чувств. Этим явлениям мы даем общее название «анестезии». По причине некоторой блокировки, сигналы, которые должны поступить не поступают. Субъект вступает в разреженное состояние, «я» деформируется, некоторые аспекты его обратимости блокируются. Таким образом, «я» *становится измененным по причине избытка или недостатка стимулов. Но в любом случае, если наш дирижер «я» разложится, деятельность обратимости исчезла бы.*

С другой стороны, «я» *управляет операциями, используя «пространство» и в зависимости от положения этого «я» в том «пространстве», направление импульсов изменится. Мы говорим о «пространстве репрезентации», отличном от пространства восприятия.*² В этом пространстве

2 Для подробного изучения данной темы, см. лекцию “About the Riddle of Perception,” Silo Speaks, Collected

репрезентации - которое «я» также постоянно тестирует - размещаются импульсы и образы. В соответствии с тем, на каком уровне или глубине пространства репрезентации запускается образ, определяется каким будет ответ во внешний мир.

Если для того, чтобы двинуть руку, я визуально представляю её, так будто со стороны, представляю движение руки к предмету, до которого я хочу дотянуться, из-за этого моя рука не будет перемещаться. Этот внешний образ не соответствует типу образа, который должен быть задействован, чтобы моя рука двинулась. Чтобы это состоялось, я должен использовать другие виды образов – сенестетический (основанный на внутреннем ощущении) и кинестетический (основанный на мускульном регистре и регистре положения моей руки, когда она начнет двигаться). Может случиться, что внезапно я сделаю ошибку по типу и положению образа по отношению к миру. Возможно, я перенес некоторую «травму», как это было принято называть в другие времена. И тогда, если я хочу встать из кресла, в котором я сижу, я ошибаюсь и либо неправильно помещаю образ в моем пространстве репрезентации, или ошибаюсь и выбираю неверный образ. Что случится со мной тогда? Я буду посылать сигналы, я буду видеть себя встающим из кресла, но может случиться так, что я задействую неверные сенестетические и кинестетические образы, которые движут моим телом. Если я выберу по ошибке неверный тип образа или неверно его размещу, мое тело не ответит и останется неподвижным. И наоборот, может случиться, что человек был парализован со времени «травмы» и не может правильно поместить образ, но подвергнувшись мощному эмоциональному воздействию от шамана-целителя или религиозного образа, в результате феномена веры (мощного эмоционального сенестетического регистра), он восстанавливает правильное размещение или правильно различает верный (сенестетический) образ. Было бы довольно впечатляюще, если бы индивид под этими странными внешними стимулами мог положить конец параличу, и смог бы встать и пойти. Это возможно, если он сможет правильно восстановить образ. Сколько есть соматизаций, столько же десоматизаций, согласно той игре образов, которую мы обсуждаем. Эмпирически, это случалось многократно и многочисленными, и разнообразные случаи были надлежащим образом зарегистрированы.

Предмет образов – вопрос немалозначительный. Есть наше «я», высылающее образы, и каждый раз, как только образ отсылается, мобилизуется центр и производится ответ миру. Центр мобилизует активность, будь она направлена на внешний мир или внутри тела. Вегетативный центр, например, мобилизует деятельность, направленную на интратело, а не на внешнюю моторику. Интересное в этом механизме то, что как только центр мобилизовал деятельность, внутренние чувства отбирают пробы этой деятельности, которая была направлена на интратело или на внешний мир. Тогда, если я двигаю своей рукой, у меня есть представление о том, что я делаю. Это представление о моем движении не дано мне идеей, а дано сенестетическими регистрами, присущими внутреннему телу, и кинестетическими регистрами положения тела, доставляемыми различными типами интроцепторов. Как только я двигаю своей рукой, происходит регистрация моего движения. Именно благодаря этому я могу скорректировать свои движения и делать это до тех пор, пока не доберусь до нужного предмета. Мне легче корректировать движения, чем ребенку, так как у ребенка еще нет памяти, моторного опыта, для произведения таких контролируемых действий. Я могу корректировать свои действия, так как по непрерывной цепи обратной связи я получаю соответствующие сигналы о каждом производимом движении, что позволяет мне исправлять, равно как учиться движению. Таким образом, я получаю приток обратной связи от каждого действия, которое центр мобилизует в ответ миру, который возвращается в цепь, мобилизуя в свою очередь различные функции других аппаратов сознания. Мы знаем, что есть формы моторной памяти. Например, некоторым людям занятия даются лучше если они ходят, а не сидят. Или другой пример, двое беседуют прогуливаясь, один из них прерывает диалог, позабыв что хотел сказать. Однако, если они вернутся туда, где мысль рассуждений прервалась, индивид может полностью вспомнить ход мысли. В заключение, вы знаете, что когда вы что-то забыли, повторением движений тела, предшествующих моменту, когда вы забыли, может восстановиться забытая последовательность. В действительности, существует сложная обратная связь всех исходящих действий: пробы действий снимаются внутренним регистром, направляются в цепь, поступают в память, циркулируют, ассоциируются, трансформируются и переводятся.

Для многих, прежде всего в классической психологии, все заканчивается с выполнением действия. Однако, все, кажется, лишь начинается с выполнением действия; поскольку действие снова инъектируется, и этот новый ввод пробуждает длинную цепь внутренних процессов. Таким образом мы работаем с одним из наших аппаратов, связывая их посредством сложных систем импульсов. Эти

импульсы деформируются, трансформируются и замещаются в некоторых случаях. Таким способом затем и в соответствии с приведенными выше примерами, я быстро узнаю, что по моей руке ползет муравей. Но пока я сплю, я не так же быстро различу, что по моей руке ползет муравей; вместо этого импульсы деформируются, трансформируются и иногда переводятся, запуская множество ассоциативные цепи образов, в зависимости от ментальной атмосферы, существующая в данный момент. Усложняя немножко ситуацию: когда моя рука находится в неудобном положении, я осознаю это и меняю положение тела. Однако, когда я сплю, и моя рука находится в неудобном положении, сумма импульсов, получаемых моим сознанием, переводится, деформируются и ассоциируется особым способом. В сновидениях я вижу, что осиная армия напала на мою руку, далее, этот образ понесет заряд к моей руке, рука подвинется в защитной реакции (что приведет меня в более удобное положение), и я продолжу спать. Эти образы могут поддерживать именно продолжение сна. Эти переводы и деформации импульсов будут служить инерции уровня. Эти образы сновидения будут служить защите самого уровня.

Существует множество внутренних стимулов, которые издадут сигналы во время сна. Затем, в момент быстрого сна, эти импульсы возникнут как образы. К примеру, есть глубокое висцеральное напряжение. Что же случится? Произойдет то же, что и в примере с рукой, но внутри. Это глубокое висцеральное напряжение посылает сигнал и переводится в образ. Давайте представим, что-нибудь более простое: висцеральное раздражение посылает сигнал, который переводится в образ. Спящий видит себя в огне, и если сигнал достаточно интенсивный, «огонь» разобьет инерцию уровня. Субъект проснется, примет антацид или что-то в этом роде. Либо инерция уровня сохранится, и другие элементы будут связаны с огнем, чтобы способствовать разрядке ситуации, потому что тот же самый образ может работать, запускаясь внутрь и провоцируя разрядку. В сновидениях импульсы от разных внутренних напряжений принимаются постоянно, переводятся в соответствующие образы; эти образы мобилизуют центры и также мобилизуют вегетативный центр, который отвечает внутренней разрядкой. Таким образом, глубокое напряжение испускает свои сигналы, образы рикошетом отсылаются внутрь, провоцируя разрядку, эквивалентную действующему напряжению.

Когда субъект был маленьким мальчиком, он получил сильный шок. Он видел что-то, которое глубоко поразило его. Многие его внешние мускулы сжались. Также сжались более глубоко расположенные мускульные зоны. Каждый раз, как он вспоминает эпизод, происходят те же сжатия. Теперь этот эпизод ассоциируется (по сходству, соседству, контрасту и т.д.) с другими образами, на первый взгляд не связанными. Когда эти образы пробуждаются, появляются оригинальные образы и порождаются сжатия. Наконец, с течением времени, первый образ, который произвел напряжение, потерялся в старой памяти. Теперь, получив импульс, сопровождаемый возникновением образа, необъяснимо возникают сжатия. Случайно оказавшись перед некими объектами или людьми, или в некоей ситуации, в субъекте пробуждаются сильные сжатия и странный страх, который он не способен связать с произошедшим в детстве. Часть оказалась стертой, а другие образы сохранились. Каждый раз в сновидениях, возникают образы, которые задействуют сжатия, и пробы с них снимаются, заново переводясь в образы, сознание пытается разрядить напряжение и перевести заряды, зафиксированные на неразрешенной ситуации. Во сне делается попытка с помощью задействованных образов разрешить гнетущее напряжение. Кроме того делается попытка переместить заряд определённого содержания в другое содержание, с меньшим потенциалом, с целью разделить или перераспределить изначальный болезненный заряд.

Держа в памяти эмпирическую катартическую и трансференциальную работу, выполняемую во время сна, техника Оператива может следовать процессу сбора импульсов и запуска образов в точки сопротивления. Однако, здесь необходимо несколько небольших отступлений относительно классификации техники оперативы, общих процедур и цели такой работы.

Мы сгруппировали разные техники оперативы³ следующим образом:

1) *Катартические практики: катартический «зонд», катарсис обратной связи, катарсис «климатов», катарсис образов.*

2) *Техники трансференции: направляемые опыты жизни⁴, трансференции и эксплораторные трансференции.*

3 См.: Ammann, L. Self Liberation. Second Part. Operative. York Beach, Maine. USA: Samuel Weiser, 1981.

4 Для понимания и практического применения данной методики см. книгу Сило, Направляемые опыты жизни, www.silo.net; и презентацию той же книги в Silo Speaks. Collected Works Vol. I.

3) Техника самотрансференции.

В трансференции, субъект помещает себя на специфический уровень и состояние сознания - на уровень активного полусна, в котором он нисходит и восходит по внутреннему пейзажу, наступает или отступает, расширяется или сжимается; и совершая это, наш субъект встречается с сопротивлением в некоторых точках. Для человека, ведущего трансференции (гид), эти сопротивления, с которыми сталкивается субъект, являются важными индикаторами блокировок, фиксаций, или сжатий. Гид трансференции сделает все возможное, чтобы образы субъекта достигли сопротивления мягко и преодолели их. Мы говорим, что когда сопротивление будет преодолено, произойдет разрядка или перенос заряда (трансференция). Иногда эти сопротивления велики, и с ними нельзя справиться лобовой атакой, поскольку они производят реакцию или рикошет, и субъект не будет воодушевленно предпринимать новые усилия, уже потерпев поражение при попытке преодолеть свои сложности. Следовательно, в случае великого сопротивления, гид не предлагает двигаться фронтально, скорее, отступить, и снова приближаться к сопротивлению «кружным путем», примиряя внутреннее содержание, а не действуя силой. В процедуре работы с образами, гид всегда ориентируется по сопротивлениям. Субъект всегда работает в полусне, чтобы мог произвести серию знакомых и управляемых аллегорий. Работая с аллегориями на уровне активного полусна, субъект может с помощью гида мобилизовать образы, преодолеть сопротивления и высвободить перегрузки.

Конечная цель работы Оператива - интеграция разрозненного содержания так, чтобы эта жизненная бессвязность, которую индивид различает в себе, могла быть преодолена. Эта мозаика содержания, которая неправильно составлена; эти системы идей, в которых индивид различает противоречивые тенденции; эти желания, которые индивид желал бы не иметь; происшедшее, повторение которого индивид не желает; то огромное усложнение неинтегрированного содержания; это продолжительное противоречие, именно это мы хотим постепенно преодолеть с помощью техник трансференции по интеграции содержания. Ознакомившись с практиками трансференции, мы хотим попробовать различные типы само-трансференции, в которых индивид может обойтись без внешнего гида, используя кодифицированную систему образов для ориентации в собственном процессе. В само-трансференции, восстанавливается непримирившее биографическое содержание и становится возможным работать с воображаемыми страхами и страданиями, расположенными в психологическом настоящем или будущем. Страдания, вошедшие в сознание в различное время и различными путями, могут быть модифицированы с помощью образов само-трансференции, которые высылаются на необходимом уровне и позицию пространства репрезентации.

Мы сориентировали нашу работу в направлении преодоления страдания. Мы также сказали, что человек страдает из-за того, что он считает произошло, что он считает происходит, и что он считает произойдет в его жизни. Мы знаем, что человек проходит через страдания в силу того, во что он верит и что полагает действительным, даже если то во что он верит не является реально существующим. Работая с самим собой, индивид может оценить эти болезненные представления и переориентировать направление психической энергии.

Система репрезентации в измененных состояниях сознания

Перемещаясь по пространству репрезентации, мы доходим до его границ. Чем ниже перемещаются репрезентации, тем темнее пространство, и наоборот, чем они выше, тем больше нарастает ясность. Эта разность в светлоте между высотами и низинами, конечно же, связана с информацией из памяти, которая с детства ассоциирует запись яркости света с высокими местами. Индивид может убедиться в возрастающей светлоте любого визуального образа, помещенного на уровне глаз. Светлость уменьшается с отдалением образа от этого уровня. Логически, поле зрения легче расширяется вперед и вверх от уровня глаз (к макушке головы), чем вперед и вниз (в сторону туловища, ног и ступней). Несмотря на вышесказанное, некоторые художники из холодных и туманных земель демонстрируют нам в нижней части своих полотен особое освещение, где часто расположены покрытые снегом поля, и сгущающуюся темноту при восхождении к более высоким местам, часто предстающими покрытыми облаками.

В глубинах или на высотах предстают объекты более или менее освещенные, но при репрезентации таких объектов не происходит модификации в общем тоне света, каковой может быть обнаружен на разных уровнях пространства репрезентации.

С другой стороны, и только при особых условиях измененного сознания, возникает любопытный феномен, освещающий все пространство репрезентации целиком. Этот феномен сопровождает

мощное психическое потрясение, которое сообщает глубокий эмоциональный сенестетический регистр. Этот свет, который освещает все пространство репрезентации проявляется таким образом, что даже если субъект движется вниз или вверх, пространство репрезентации остается освещенным независимо от любого особо светящегося объекта. Скорее все «окружающее» теперь является подверженным воздействию. Это похоже на экран телевизора, яркость которого настроена на максимум. В таком случае дело не в том, что некоторые предметы освещены более или менее, а в общей генерализованной яркости. В некоторых процессах трансференции и после регистрации этого феномена, некоторые субъекты возвращаются в состояние бодрствования с явным изменением своего восприятия внешнего мира. Таким образом объекты ярче, четче и более объемные, в соответствии с описаниями обычно данными в таких случаях. Когда возникает этот любопытный феномен освещения пространства, что-то случается в системе структурирования сознания, что теперь интерпретирует привычное внешнее восприятие иным образом. Не то чтобы «двери восприятия были очищены», а репрезентация, сопровождающая восприятие была модифицирована.

Эмпирически и посредством разнообразных мистических практик (обычаев) приверженцы некоторых религий стараются установить контакт с феноменом, который претупает пределы нашего восприятия и кажется врывается в сознание как «свет». Посредством различных аскетических или ритуальных процедур, постом, молитвой или повторением (напеванием), они стремятся установить контакт с своего рода источником света. В процессах трансференции или само-трансференции, случайно в одном случае или направленно в другом, индивид переживает эти интересные психические события. Известно, что они могут возникнуть, когда субъект получил сильное психическое возбуждение, т.е его состояние приблизительно является измененным состоянием сознания. Мировая религиозная литература полна многочисленных рассказов об этом феномене. Интересно также отметить, что временами этот свет «сообщает» и даже «ведет беседу» с субъектом, как и в тех случаях нашего времени, когда свечения видны в небесах и, когда они достигают испуганного наблюдателя, сообщают ему «вести из других миров».

Много вариаций с цветом, качеством и интенсивностью свечения, как с некоторыми галлюциногенами, но эти случаи не имеют отношения к тому, о чем говорилось выше.

Согласно описаниям во многих текстах, некоторые люди очевидно умершие и возвратившиеся к жизни, испытали покидание тела и направление в сторону ярчайшего света, хотя они не сумели описать ясно, двигались ли они к свету, или свет двигался к ним. Факт в том, что сторонники сталкиваются с таким светом, который имеет характерную особенность общения и даже инструктирования. Но чтобы у них была возможность рассказать эти истории, нашим субъектам приходилось испытать электрический шок на сердце или что-то похожее, и затем, наши герои чувствовали, как отступают и движутся от света, с которым они вот-вот готовы были установить интересный контакт.

Существуют многочисленные объяснения этого феномена, объяснения вроде кислородного голодания, аккумуляции углекислого газа, изменения в некоторых ферментах головного мозга. Но для нас, как всегда, интересны не объяснения – сегодня они одни, завтра они будут другими – а система регистров, эмоциональное переживание, через которое проходит субъект, и своего рода великий «смысл», который неожиданно раскрывается для него. Те, кто верит, что они вернулись после смерти, испытывают огромную перемену в связи с тем, что испытывали «контакт» с экстраординарным феноменом, который внезапно возникал, и чью природу они не могут полностью постичь – т.е. является ли этот феномен феноменом восприятия или репрезентации, - но который кажется, имеет огромное значение, так как имеет способность внезапно изменить смысл человеческой жизни.

Далее известно, что *измененные состояния сознания могут случиться на разных уровнях и, конечно, на уровне бодрствования.* Когда индивид находится в гневе, возникает измененное состояние в бодрствовании. Когда индивид незапно испытывает эйфорию, большую радость, он также соприкасается с измененным состоянием сознания. Но, когда люди говорят об «измененном состоянии», они обыкновенно имеют ввиду состояние на грани бодрствования. Однако, измененные состояния случаются часто и проявляются с разной степенью и в разном качестве. Измененные состояния всегда подразумевают блокировку обратимости в одном из ее аспектов. Существуют измененные состояния сознания даже в бодрствовании, подобные состояниям, созданным внушением. Каждый в большей или меньшей степени подвержен влиянию предметов, показываемых в рекламе или преувеличенных комментаторами в средствах массовой информации. Многие в мире верят в изобилие продукта, промоцируемого вновь и вновь разными маркетинговыми кампаниями. Эти продукты могут быть товарами потребления, ценностями, точками зрения на различные темы и т. д.

Снижение обратимости в измененных состояниях сознания присутствует в каждом из нас довольно часто. В случаях более глубокой восприимчивости мы уже имеем дело с гипнотическим трансом. Гипнотический транс работает на уровне бодрствующего сознания, хотя даже тот, кто придумал термин «гипноз», полагал, что это вид сна. Загипнотизированный субъект ходит, приходит, уходит, двигается с открытыми глазами, выполняет операции, и также в течение постгипнотического эффекта, продолжает действовать в состоянии бодрствования, повинаясь приказу полученному во время сеанса гипноза. Мы имеем дело здесь с сильно измененным состоянием сознания.

Существуют патологические измененные состояния, в которых важные функции сознания раздвоены. Существуют также непатологические состояния, в которых возможно временно раздвоить, разделить функции. Например, в некоторых спиритических сеансах, человек может разговаривать и в то же время, его рука начинает автоматически писать и начинает раздавать «послания» без осознания субъектом происходящего.

Из случаев функциональных делений и раздвоений личности можно составить длинный список измененных состояний. Многие измененные состояния сопутствуют защитным феноменам, активирующимся, когда перед лицом опасности задействуется адреналин, что производит серьезные модификации в нормальной экономике сознания. И конечно, наряду с очень полезными явлениями в изменении сознания, есть и весьма негативные.

Измененные состояния сознания могут возникнуть из-за химической реакции (воздействие газа, наркотиков, алкоголя), механического воздействия (кружения, форсированного дыхания, давления на артерии) и в результате сенсорной депривации. Также благодаря воздействию ритуальных процедур и «помещению в ситуацию» благодаря специальным условиям с использованием музыки, танцев и религиозным операциям.

Существуют так называемые *«сумеречные состояния сознания»*, в которых наличествует блокировка общей обратимости и последующий регистр внутреннего расщепления.

Мы также различаем некоторые состояния, которые могут проявляться, и которые вполне можно назвать *«высшими состояниями сознания»*. Их можно классифицировать, как «экстаз», «восторг», и «осознание». *Состояния экстаза* обыкновенно сопровождаются мягкими моторными проявлениями и некоторым генерализованным возбуждением. *Состояния восторга* сильнее отмечены мощными и невыразимыми эмоциональными регистрами. *Состояния осознания* могут быть охарактеризованы, как интеллектуальный феномен в том смысле, что субъект верит в одно мгновение, что он «постиг все». В одно мгновение он верит, что нет разницы между тем, что есть он и тем, что есть мир. Словно его «я» испарилось. Кто не испытал внезапно большую радость без всякой причины – внезапную, растущую и необычную радость? Кто не ощутил – без всякой видимой причины – понимание глубинного смысла, раскрывшего с очевидностью, что «именно так все устроено»?

Также возможно проникнуть в любопытное *измененное состояние сознания посредством «приостановки «я»*. Это представляет собой парадоксальную ситуацию, потому что, чтобы заставить «я» молчать, необходимо наблюдать за его деятельностью намеренно, для чего необходимо задействовать механизм обратимости, что лишь укрепляет то, что индивид хочет нейтрализовать. Таким образом, приостановка достигается только непрямыми способами, постепенным вымещением «я» из его центрального положения как объект медитации. Это «я» - сумма чувств и памяти – внезапно начинает замолкать, разрушаться. Такое возможно потому, что память может остановить доставку информации, а чувства, по крайней мере внешние, также могут прекратить поставлять информацию. *Сознание тогда находится в положении, лишенном «я» - своего рода пустоте. В такой ситуации, индивид может испытать мыслительную деятельность, весьма отличную от привычной.*

Наряду с тем, что сознание питается импульсами, поступающими изнутри тела, из внешнего мира и памяти, оно питается и импульсами от реакций, которые оно посылает внешнему и внутреннему миру, и которые заново подпитывают цепь. Через эти вторичные пути мы различаем феномены, возникающие, когда *сознание способно интернализироваться в направлении «глубины» пространства репрезентации*. «Глубина» (также называемая «Оно» в одном из современных психологических течений) это не совсем содержание сознания. Сознание может достичь «глубины» специальным процессом интернализации. В этой интернализации то, что всегда скрыто, покрытое «шумом» сознания, извергается. Именно в этой «глубине» становится возможным приобщение человека к священным пространствам и временам. Другими словами, в «глубине» индивид находит корни религиозного чувства и мистицизма.

Психология IV

Лекция, прочитана Сило в Парке Ля-Реха, Буэнос-Айрес, середина мая 2006 г.

Импульсы и различия импульсов

В Психологии III¹ утверждалось, что действие импульса, в каком бы то ни было цикле операций, завершается производством в субъекте внутреннего регистра. Один из циклов, касается восприятия, представление, новое принятие представления и внутренние ощущения в целом. Другая система отношений прослеживает путь импульсов с окончанием в тех действиях, которые предпринимаются по отношению к внешнему миру – по отношению к которым субъект также обладает внутренним ощущением. Основа этой осведомленности на базе обратной связи такова, что позволяет человеку учиться, обращаясь к собственным действиям, будь то путем улучшений предыдущего действия, или исправления допущенной ошибки. Эта мысль разъяснялась обращением к примеру обучения использованию клавиатуры.²

Более того, всякий импульс, заканчивается ли он во внутри- или внешнетелесном пространстве, дает регистры различных точек местонахождения в пространстве репрезентации: внутрителесные импульсы локализуются внутри сенестетически–тактильной границы, в то время как импульсы, которые ограничиваются действиями во внешнем мире, регистрируются вне кинестетически–тактильной границы. Каково бы ни было направление импульса (от которого всегда исходит внутреннее ощущение), он всегда видоизменяет общую картину цепи. В отношении способности импульсов к трансформации мы можем выделить два их типа: 1) те, что мы называем «катартическими», т.е. способными снять напряжение или высвободить психофизическую энергию; 2) те, что мы называем «трансференциальными» – позволяющими перемещать внутренние заряды, объединять разобщенные ментальные объекты, расширять возможности развития психофизической энергии. Всякий импульс, к тому же, независимо от его направления, обладает преимущественно катартической или трансференциальной способностью. Более того, в каждом импульсе присутствует доля удовольствия или ощущения дискомфорта, которое позволяет субъекту сделать выбор актов сознания или действий.

Импульсы «разветвляются» благодаря различным системам обратной связи, как те, которые делают возможным сравнения регистров восприятия с регистрами представления и те, которые обязательно сопровождают «удержание» или память о том же. Другие типы разветвления существуют как более или менее волевое «фокусирование» на восприятии или представлении. Эти разветвления были названы «апперцепциями», что означает отбор и направление сознания на источники восприятия, и «эвокациями», подразумевающими отбор и направление сознания на источники запоминания. Волевое и не волевое направление и отбор сознания на различные источники представляют собой функцию, которую обычно обозначают как «внимание».

Сознание, внимание и "я"

Мы определяем «сознание» как механизм, координирующий и структурирующий ощущения, образы и память человеческой психики. Более того, невозможно локализовать сознание в точном месте центральной нервной системы, в определенной точке или глубине корки или подкорки. Это не является также вопросом смещения специализированных точек работы, таких как «центры» с функциональными структурами, которые могут быть верифицированы во всей нервной системе.

Для большей объяснительной ясности мы обозначим как «сознательные явления» все, что случается на разных уровнях и в различных формах бодрствования, полусна и сна, включая сублиминальные явления (т.е. те, которые происходят на пороге регистрации, будь ли они восприятия, репрезентации или запоминания). Конечно, говоря о «сублиминальном», мы не имеем в виду некое предполагаемое «подсознание».

Часто сознание путают с "я", тогда как в действительности последнее не имеет телесного основания, как то, что может быть идентифицировано как регистрирующий и координирующий «аппарат» человеческой психики. Мы уже утверждали что: «...Этот регистр собственной идентичности сознания составляется данными чувств, памяти, вместе с особой конфигурацией, которая дает сознанию иллюзию постоянства вопреки продолжающимся изменениям, происходящим у него. *Эта*

1 Это относится к объяснениям, данным на Канарских островах в 1978 г., которые были опубликованы в *Психологии III*. Silo. Collected Works. Vol. II. USA. Latitude Press, 2006.

2 Пред. соч., *Catharsis, Transferences and Self-transferences. Action in the world as transferential form.*

иллюзорная конфигурация идентичности и постоянства и есть "я"³. В измененных состояниях сознания, часто происходит что, в то время, когда сознание удерживается в состоянии бодрствования, специфические импульсы, которые должны быть зарегистрированы, блокируются, и понятие "я" подвергается изменению или отчуждению; сознание теряет обратимость, критичность; а временами, образы, выпадающие из контекста (восприятия) принимают значение галлюцинаторной внешней «действительности». В этой ситуации "я" регистрируется как локализованное в зонах внешних границ пространства репрезентации и в определенной «удаленности» от привычного "я". Субъект может переживать явления регистрации и чувствования, как будто импульсы приходят из внешнего мира, когда, в действительности, они не являются феноменами восприятия, а скорее репрезентации. Эти феномены, когда восприятие заменяется репрезентациями, которые помещаются во «внешнем пространстве» (по направлению к границам которого перемещается "я"), мы определяем как «проекции».

Пространственность и темпоральность феноменов сознания⁴

В состоянии активного бодрствования "я" помещается в более близких ко внешним зонам пространства репрезентации, «теряясь» в границах внешнего тактильного чувства; но если я проявляю апперцепцию чего-то, что я вижу, регистр "я" перемещается внутрь. В этот момент я могу сказать самому себе: «Оттуда, где я нахожусь, вижу внешний объект, а свое «я» регистрирую внутри тела». Хотя я связан с внешним миром через чувства, существует деление между пространствами, и именно во внутреннем мире я располагаю свое "я". Соответственно, если я проявляю апперцепцию моего дыхания, я могу сказать себе: «Я ощущаю внутри себя движение моих легких. Я нахожусь внутри своего тела, но при этом я не внутри своих легких». Ясно, что я запечатлеваю расстояние между "я" и легкими не только потому, что я регистрирую "я" в голове, находящейся далеко от грудной клетки, но потому, что во всех случаях внутренней перцепции (как в случаях с головной или зубной болью) эти запечатлевания всегда будут «на расстоянии» от меня, как наблюдателя. Но здесь нам не столько интересно это расстояние между наблюдателем и наблюдаемым, сколько «расстояние» от "я" до внешнего мира и между "я" и внутренним миром.

Конечно, мы можем указать на очень тонкие нюансы в вариативности «пространственных» позиций "я", но здесь мы хотели бы пролить свет на диаметрально противоположные расположения "я" в каждом из обозначенных случаев. В этом описании мы можем сказать, что "я" может быть локализовано во внутренней части пространства репрезентации, но в кинестетических тактильных границах, которые производят понятия внешнего мира, и в обратном случае, в сенестетических тактильных границах, которые образуют понятие внутреннего мира⁵. Во всяком случае, мы можем использовать образ двояковогнутой перепонки, которая утолщается или становится тоньше, и т.о. делает явственнее или стирает очертания регистров внешних или внутренних объектов. В состоянии бодрствования внимание направляется более или менее намеренно на записи внешних и внутренних чувств. Это управление его направленностью теряется в полусне, сне или даже в измененных состояниях бодрствования, поскольку на всех этих уровнях и состояниях, обратимость находится под влиянием феноменов и регистров, которые возмущают сознанию. *Совершенно очевидно, что не только память, восприятие и представление принимают участие в составлении "я", но также и положение внимания в пространстве репрезентации. Следовательно, мы не говорим о субстанциальном "я", но скорее об эпифеномене деятельности сознания.*

Это "я-внимание", по-видимому, несет на себе функцию координации деятельности сознания с собственным телом и с миром в целом. Регистры положения и пролетания *ментальных явлений частично перекрываются в этой координации, которая при этом, сама приобретает независимость*. Итак, метафора "я", приобретая идентичность и «субстанциальность», становится независимым от структуры функций сознания.

С другой стороны, способность к управлению вниманием сформируется в человеке, начиная с очень раннего возраста, в той мере, в которой ребенок более или менее сознательно распоряжается своим вниманием по отношению к внешнему миру или внутрителесному состоянию. Постепенно, наряду с управлением телом и конкретными внутренними функциями, пунктуальная презентация усиливается,

3 Пред. соч., *Consciousness and the I*.

4 См: *Space of Representation in Psychology II*. Silo. Collected Works Vol. II. USA. Latitude Press, 2006.

5 См: *Psychology of the Image, in Contributions to Thought*. Silo. Collected Works Vol. 1, Latitude Press, 2002.

также как и соприсутствие, в котором регистр собственного "я" формируются как собиратель и фон всей ментальной деятельности. Здесь речь идет о сильнейшей иллюзии сознания, которую мы называем "я".

Теперь мы рассмотрим локализацию "я" на различных уровнях сознания. В состоянии бодрствования "я" занимает центральную позицию, предоставляемую уровнем возможностей внимания и обратимости. Это положение сильно меняется в полусне, когда импульсы, приходящие от внешних чувств, имеют тенденцию становиться ослабленными или колебаться между внешним миром и генерализованной сенестезией. Во время сна со сновидениями "я" интернализует само себя. Наконец, в вегетативном сне регистр "я" исчезает⁶. Трансформации импульсов в грезы при бодрствовании проявляются в следовании свободным ассоциациям с многочисленными аллегорическими, символическими и знаковыми переводами, которые создают специальный язык образов сенестезии. Конечно, мы имеем в виду неконтролируемые чередования образов, типичных для ассоциативных дорожек, а не образные конструкции, которые следуют более или менее преднамеренному пути⁷; как не обращаемся мы к переводу импульсов, канализированных путем абстрактных дорожек, которые также заявляются как символические и знаковые образы. Импульсы, преобразуя самих себя на различных уровнях работы сознания, также служат причиной варьирования регистра "я" в глубине или поверхностности пространства репрезентации. Чтобы дать беглый очерк этого явления, мы можем указать, что психические феномены всегда регистрируются не только среди «пространственных» координат x и y , но также в отношении z ; "z" будучи глубиной регистра в пространстве репрезентации (согласно его большей экстернатности или интернатности в отношении глубины импульсов, вертикальной высоты и горизонтального латерального положения) – нечто, что может быть верифицировано через апперцепцию или представление импульсов, происходящих от внешнего мира, интралела или памяти».

Избегая сложностей описаний, соответствующих Феноменологии, мы должны теперь затронуть некоторые темы, которые тщательно исследовались⁸ в рамках этого философского течения. Мы говорим о том, что в состоянии бодрствования *поля присутствия и соприсутствия* позволяют нам локализовать явления в темпоральном следовании, устанавливая отношения между событиями, начиная с настоящего момента, в котором я нахожусь, и предыдущими, от которых идет *поток* моего сознания, равно как и соответствующими моментами, к которым этот поток направлен. В любом случае, настоящее мгновение является барьером темпоральности, и даже несмотря на то, что я не могу дать отчет о нем, потому что когда я думаю о нем, я рассчитываю лишь на *задержание* того, что случилось в процессе динамики моего сознания, его кажущаяся «фиксированность» позволяет мне двигаться «назад» или «вперед» по направлению к феноменам, которые уже не существуют или еще не произошли. Именно *горизонт темпоральности* сознания и является тем, где все события регистрируются. И ограниченный горизонт, который фиксирует присутствие *актов и объектов*, всегда будет окружен полей соприсутствия, где и те и другие будут взаимосвязанные.

Вышесказанное отличается от того, что происходит во временном течении физического мира; события сознания не подвергаются хронологическому следованию, скорее они возвращаются, растягиваются, актуализуются, преобразуются, направляются к будущему, изменяя мгновение настоящего. «Текущее мгновение» структурировано путем взаимного пересечения ретенции и протенции. Например, болезненное событие, представляемое в будущем, может воздействовать на настоящее субъекта, изменяя тенденцию, двигавшую его тело в направлении прежде желаемого объекта. Таким образом, законы, служащие в пространственно-временном континууме физического мира, в значительной мере подвергаются отклонением в случае ментальных объектов и действий. Независимость психизма в связи с «девиацией» физических законов, приводит к мысли о «*clinamen*»,

6 В парадоксальном сне или сне со сновидениями запись "я" движется прочь от внешнего мира и растворяется в несвязных образах, пока не исчезает в ситуации, которая выходит из-под контроля спящего. Тогда как в глубоком вегетативном сне электроэнцефалография показывает полное отсутствие образов. Не отмечаются ни движения глазного яблока, что совпадает с последующей амнезией психических событий, случающейся в полном забвении "я".

7 См. презентацию книги «Направляемые опыты жизни», проведённую Сило в 1989 г. в Мадриде в книге Silo Speaks, Book Presentation, Guided Experiences. Silo Collected Works Vol. 1. USA, Latitude Press 2002.

8 Для лучшего понимания темы см.: *Cartesian Meditations. Second Meditation. 19. Actuality and Potentiality of intentional life.* Husserl E. *The Hague*, Martinus Nijhoff. 1960. Также см.: *Being and Time, division 2, IV Temporality and Everydayness.* Также см.: *The Temporality of the Spatiality that is Characteristic of "Dasein"*. M. Heidegger, New York. Harper & Row. 1962.

которое Эпикур приводил как пример, представляющий собою свободу в мире, где доминирует механицизм.⁹

Постигнутая структуральность сознания в отношении к «аппаратам» и различным путям, по которым импульс циркулирует, мы можем рассматривать его в различных трансформациях, как основополагающий «атом» психической деятельности. Тем не менее, этот атом не являет себя в изоляции, а скорее в «импульсных цепях», в определенных конфигурациях, которые дают начало перцепции, памяти и репрезентации. Таким образом, внедрение психического во внешнюю пространственность начинается с импульсов, которые становятся протенциями кинестетических образов и двигаются по направлению к внешней части трехмерного пространства репрезентации, перемещая тела. Ясно, что сенестетические образы и представления, соответствующие внешним чувствам, действуют дополнительным способом (как смешанные сигналы) во всех феноменах, где включены отбор и регулирование двигательного направления и интенсивности. Наконец, именно в этом потоке импульсов относительно времени и пространства сознания случаются первичные явления, которые в дальнейшем завершаются преобразованием мира.

В этом пункте не будет неуместным произвести общую рефлексию фактов, в которых психизм действует в направлении к и от его экстернальности. Сперва мы наблюдаем, что материальные объекты представлены как пространственность применительно к «тактильному» восприятию внешних чувств, которые различают частицу, волну, молекулу, давление, температуру и т.д. И мы заканчиваем, утверждая, что эти «впечатления» или импульсы, внешние по отношению к психизму, приводят в движение систему интерпретаций и ответов, которая может действовать только во внутреннем пространстве.

Мы утверждаем наиболее широко возможным образом, что через вариации импульсов между «пространствами» психизм пронизывается и пронизывает мир. Мы не говорим о замкнутых цепях «стимул - ответ», но скорее об открытой и развивающейся системе, которая обладает способностью восприятия и действия путем аккумуляции и темпоральной протенции. С другой стороны, *это «открытость» между пространствами не происходит от того, что пересекаются барьеры монад¹⁰, но скорее из-за того, что сознание, от самого своего основания, конституировано из, в и для мира.*

Структуры сознания

Различные модальности бытия человеческого существа в мире¹¹, разнообразные положения его переживаний и делания, соответствуют определенным структурообразованиям сознания. Отсюда «несчастное сознание», «страдающее сознание», «взволнованное сознание», «возмущенное сознание», «испытывающее отвращение сознание», «вдохновенное сознание» - важные случаи, которые были хорошо описаны¹². Уместно заметить здесь, что такие описания могут касаться персональных, групповых и социальных явлений. Например, чтобы описать структуру сознания при

9 Кажется, Эпикур отстаивал демокритову теорию, согласно которой атомы в движении формируют физический мир. Однако он добавлял в ответ на возражения Аристотеля, что атомы подвержены отклонениям, уклонам, которые и позволяют им соприкасаться. Эта доктрина, восходящая к идее «*clinamen*», по-видимому, не была полностью сформулирована еще в течение, по крайней мере, 3-х столетий после Эпикура, см.: *Lucretius. De Rerum Natura, II, 289- 93.*

10 Начиная с Пифагора, *монада* воспринималась как первичная или фундаментальная единица, от которой происходят числа. На протяжении времени идея монады претерпевала важные изменения, пока в эпоху Возрождения и с появлением труда Джордано Бруно *О монаде, числе и фигуре*, образующие атомы реальности живут и оживляются. В 18 веке Лейбниц в свое произведение *Монадология* охарактеризовал монады как «атомы» без начала и конца, сочетающиеся без взаимного проникновения и обладающие своей собственной силой. В том же веке, Кант в своей *Физической монадологии* описывает монаду как неделимую точку, в отличие от пространства, которое бесконечно делимо.

11 Мы подразумеваем под «миром» синтез внешнего-внутреннего мира.

12 В своей *Феноменологии духа* Гегель обращается к «отчужденности» как «несчастному сознанию», которое регистрируется как сознание, разрывное от самого себя, ставшее отделенным от, и высланным из реальности, к которой принадлежит. В *Концепции ужасного* Кьеркегор исследовал страдающее сознание, которое проявляется в отношении своего объекта – «ничтожество». Многие «философы экзистенции» привлекали феноменологический метод, чтобы описать действия и объекты синтеза сознания. Сартр в своем *Очерке теории эмоций* описывает «эмоциональное сознание», а Кольнай в *Об отвращении* рисует «сознание отвращения».

паническом состоянии, нужно начать с коллективной ситуации, как удостоверяется в (легендарных и исторических) источниках слова “панический”, определяющего специфическое состояние сознания. С течением времени слово “панический” стало использоваться все чаще, для объяснения изменения индивидуального сознания.¹³

Тем не менее, приводившиеся случаи могут быть поняты отдельно или как совокупность (в понимании интересубъективности, конституирующей сознание). Вариации в этих глобальных структурах всегда сопровождаются вариациями в сопутствующих феноменах, как в случае с “я”. Отсюда, в разных состояниях сознания при полном бодрствовании мы регистрируем локализацию “я” на различной глубине пространства репрезентации.

Чтобы понять дальнейшее, мы должны обратиться к различиям между уровнями и состояниями сознания. Классические уровни состояния бодрствования, полусна, глубокого парадоксального сна и глубокого вегетативного сна* не представляют трудностей для понимания. Но в каждом из этих уровней мы обладаем возможностью узнавания различного положения психических явлений. Обращаясь к некоторым крайним примерам, мы говорим, что когда “я” поддерживает сенсорный контакт с внешним миром, но в то же время оно потеряно в мире репрезентаций или эвокаций, или занято самим собой без значительного интереса к действиям в мире, мы находимся в присутствии *бодрствующего сознания в состоянии глубокой задумчивости*. Тело действует вовне в разновидности «ирреальности», которая, при углублении, может закончиться бессвязностью и неподвижностью. Речь идет о проскальзывании “я” по направлению к постоянному присутствию регистров эвокации, репрезентации или тактильно-сенестетической перцепции, и следствием этого, дистанция между “я” и внешними объектами «увеличивается». В противоположном случае “я”, потерянное во внешнем мире, перемещает себя по направлению к тактильно-кинестетическим регистрам, как без критицизма, так и способности к обратимости по отношению к действиям, которые выполняет. Здесь мы имеем дело со случаем *бодрствующего сознания в измененном состоянии*, что может случиться в состоянии «неистой эмоции». В этом случае решающим является важность, с которой внешний объект насыщается, сокращая дистанцию между “я” и воспринимаемым объектом.

- ***Структуры, состояния и «необычные случаи»***

Мы называем «необычным» то поведение, которое представляет аномалию по отношению к средним параметрам принимаемого во внимание индивидуума или группы. Очевидно, если население целой страны или человеческой группы, сходит с ума, мы не намерены переставать считать эти случаи «необычными» только в связи с количеством представителей. В любом случае, ситуация коллектива должна быть сравнена со стабильной ситуацией, в которой он жил, и где способность к реверсивности, критическому чувству и контролю своих действий обладала предсказуемыми характеристиками. С другой стороны, существуют «необычные» случаи, которые протекают стремительно, и другие, которые имеют тенденцию к укреплению или даже раскрытию с течением времени. Предметом нашего интереса не является типизация всех типов социального поведения с точки зрения права, экономики или психиатрии. Возможно, антропология или история снабдит нас большим количеством мотивов для анализа этих случаев...

Если наш интерес к «необычным» поведениям подводит нас к полю персонального, или, в крайнем случае, непосредственного интерперсонального, критерий способности к реверсивности, критического чувства и контроля собственных действий человеком будет продолжать быть валидным в отношении к персональной или интерперсональной истории. Все еще здесь применимо то, что было замечено ранее, о «необычных» случаях, которые протекают стремительно, и других, которые имеют тенденцию к укреплению или даже раскрытию с течением времени.

¹³ Пан являлся благородным, до-эллинистическим божеством пастухов, полей и стад. В одной из легенд он появляется во время битвы при Марафоне, сея «террор и панику» среди персов и помогая афинянам, которые, начав в это время, впоследствии распространили его культ по всей Греции. Прилагательное «панический» относится к божеству вообще, но «паника» также используется, чтобы обозначить коллективное и передающееся другим [«заражением»] состояние сознания, которое отмечает надвигающуюся опасность. В современной психиатрии был введен термин «панический синдром», ослабляющий первоначальное коллективное значение.

* *Прим. переводчиков:* в данном случае, очевидно, подразумеваются две фазы сна: «медленного», без сновидений, и «быстрого», «парадоксального», во время которого человек видит сновидения и поэтому он отмечается быстрым движением глазных яблок.

Поэтому мы ведем наше исследование «необычных» случаев вне области патологии, для фокусировки его, в рамках нашей Психологии, на двух больших группах состояний и случаев: те, что мы можем назвать группу «смятенного сознания» и группу «вдохновленного сознания».

- **«Смятенное сознание»**

Существуют диаметрально противоположные позиции "я" в измененных состояниях, которые варьируют от повседневной деятельности до неистовых эмоций, и состояниях глубокой задумчивости, которые простираются от рефлексивного тихого до прекращения связи с внешним миром. Существуют также измененные состояния, в которых представления экстернализованы как проекции таким образом, что они стимулируют сознание как «перцепции», берущие начало во внешнем мире; и состояния глубокой задумчивости, в которых восприятие внешнего мира интернализировано-интродуцировано.

Мы читали и слушали хорошо разработанные отчеты и сообщения индивидов, которые страдали галлюцинациями в трудных ситуациях, высоко в горах, в полярном уединении, в пустынях и на море. Физическое состояние утомления, аноксии* и жажды, психическое состояние оставленности в монотонности тишины и одиночества, необычные температурные условия в окружающей среде – вот элементы, которые могут вызвать случаи галлюцинаторных изменений или, более часто, случаи специфических иллюзорных изменений.

С другой стороны, на стороне интродуцированной глубокой задумчивости, внешнее ощущение достигает сознания, но соответствующее представление оперирует несвязанно с общим перцептуальным контекстом, стимулируя также сознанию, которое интерпретирует и регистрирует феномен как внутренне «значительное» явлением, как нечто, которое старается «направлять себя» к внешнему миру субъекта самым прямым образом. Например, цветные огни светофоров в большом городе внезапно начинают «посылать» загадочные коды и ключи зрению тревожного пешехода, который, начиная с этого момента, принимает их так, как единственный человек, наделенной способностью «принятия» и понимания важности посланий.

Проектированные измененные состояния, как и интродуцированные состояния глубокой задумчивости, относятся к преходящему или постоянному изменению бодрствующего сознания, которое мы уже упоминали здесь как случаи диаметрально противоположной локализации местоположения "я". Впрочем, мы должны также упомянуть состояния изменения и глубокой задумчивости на уровне сна со сновидениями и полусна.

В Психологии III мы рассматривали многочисленные случаи временных пертурбаций сознания¹⁴. Мы отмечаем ситуации персоны, которая проектирует свои внутренние представления и остается очень поддающейся их влиянию, аналогичным путем тому, что происходит во сне, когда человек находится под внушением сновидений. Это имеет отношение к галлюцинациям, что также случаются в состояниях высокой температуры; химических воздействий (газы, наркотики или алкоголь); механических действий (кружение, усиленное дыхание, артериальное давление); через подавление внешних чувств (в сурдокамере) и при прекращении работы внутренних чувств (космонавты в состоянии невесомости).

Мы должны также рассматривать случайные пертурбации в повседневной жизни. Они заявляют о себе во внезапных изменениях настроения, таких как припадки ярости и взрывы энтузиазма, которые в большей или меньшей степени позволяют нам переживать перемещение "я" в сторону периферии в то самое время, когда способность к реверсивности снижается, и состояние сознания все в большей степени изменяется. Мы можем наблюдать противоположное тогда, когда перед лицом внезапной опасности субъект сжимается или исчезает, пытаясь создать расстояние между собой и угрожающим объектом. Во всяком случае, перемещение направлено вовнутрь. В этой самой связи мы можем подтвердить определенное любопытное инфантильное поведение. Фактически, дети часто используют игрушечных чудовищ, чтобы «противиться» или «побеждать» других чудовищ, которые смотрят на них или близко подбираются ночью... И когда технология не работает, в запасе всегда остается прибежище под простынями, метод прятанья тела перед лицом ужасных угроз. Ясно, что в этих случаях "я" становится адсорбированным и интродуцированным.

* Прим. пер.: аноксия – нехватка кислорода, тяжело влияющая на состояние организма

14 См. «Система репрезентации в измененных состояниях сознания» в Психологии III.

- **«Вдохновенное сознание»**

Вдохновенное сознание является глобальной структурой, способной к постижению непосредственных интуиций реальности. С другой стороны, оно прекрасно подходит для того, чтобы организовать набор данных полученного опыта, и сделать возможными выражения, которые в основном передаются через Философию, Науку, Искусство и Мистику.

Двигаясь дальше по нашей теме, мы можем спрашивать и отвечать в школьной манере: является ли вдохновенное сознание состоянием глубокой задумчивости или измененного сознания? Является ли оно возмущенным состоянием, прорывом нормальности, крайней интроекцией или крайней проекцией? Несомненно, вдохновенное сознание – более, чем состояние, оно является глобальной структурой, проходящей через различные состояния и которая может заявлять о себе на разных уровнях. Более того, вдохновенное сознание приводит в возмущенное состояние привычное сознание и разрушает механику уровней его работы. Наконец, оно является более, чем крайней интроекцией или крайней проекцией, поскольку оно чередуется пользуется каждым из них в зависимости от своего намерения. Последний пункт становится очевидным, когда вдохновенное сознание отвечает на присутствующую интенцию или, в некоторых случаях, когда оно отвечает на интенцию, действующую, не в фокусе внимания, а в поле соприсутствия.

В философии важность не придается ни вдохновляющим сновидениям, ни вспышкам вдохновения, но скорее прямой интуиции, как принято некоторыми мыслителями для того, чтобы непосредственно схватывать действительность мысли без посредничества дедуктивного или дискурсивного мышления. Это не относится к «интуиционистским» течениям в логике или математике, но к мыслителям, которые отдают приоритет прямой интуиции, как в случае с Идеями Платона, декартовскими чистым мышлением, которое оставляет в стороне обман чувств, и описаниями ноэзиса, «приостановкой суждений» (*epoché*) у Гуссерля¹⁵.

В истории науки мы можем собрать примеры вспышек вдохновения, способствовавших значительному продвижению вперед. Наиболее известен, хотя и сомнителен, случай знаменитого падения яблока Ньютона¹⁶. Если это действительно случилось, мы должны признать, что внезапное вдохновение было вызвано медленным, но интенсивным поиском, ориентированным на космическую систему и гравитацию тел. Приводя примеры, мы могли также вспомнить другой случай – с химиком Кекуле¹⁷, который в одну ночь увидел во сне взаимоперевитых двойных змей, которые вдохновили его на создание нотаций в органической химии. Несомненно, формулирование связи между веществами являлось его постоянной озабоченностью, которое продолжало работать даже на уровне парадоксального сна, встав на дорогу аллегорических представлений.

В искусстве существует множество примеров вдохновляющих снов, как, например, в случае с Мэри Шелли¹⁸, которая объявила друзьям, что она чувствовала «...пустую неспособность к изобретению. Это – величайшее несчастье для автора», но этой ночью она увидела во сне ужасное существо, которое должно стать вдохновителем ее романа «Франкенштейн, или современный Прометей». Нечто подобное произошло со сном Р.Л.Стивенсона, который пустил в движение свою фантастическую историю «Странная история доктора Джекилла и мистера Хайда»¹⁹. Конечно, в сфере искусств бодрствующее вдохновение писателей и поэтов – наиболее известные случаи. Тем не менее, мы знаем о вдохновении и благодаря другим художникам, как например, Кандинский, кто в работе «О духовном в искусстве» описал внутреннюю потребность, которая выражает себя в работе художника как

15 Платон и Аристотель знали о различиях между интуитивным и дискурсивным мышлением. Платон отдавал приоритет первому. Для него Идеи добра и прекрасного постигаются направленным созерцанием и являются действительными, тогда как хорошие вещи и прекрасные вещи происходят от этих идей и не обладают той же непосредственной реальностью. Мы признаем важный вклад мысли Декарта, который полагал мышление, думающее о себе без посредника, и вклад идеи Гуссерля о прямом контакте с актами мышления – ноэзисами, и с ноэмами, объектами, связанными с актами сознания через интенциональность.

16 Isaac Newton, 1666 Woolsthorpe, U.K.

17 В 1865 в Бонне, Германия, Август Кекуле создает теорию четырехвалентности углерода и шестиугольную формулу бензола.

18 Мэри Гудвин (Шелли). Эта история взята из заметок, которые Дж.Полидори записал в своем дневнике 18 июня 1816 г. на вилле Диодати на берегу озера Леман в Швейцарии.

19 R.L. Balfour. Samoan Islands, 1886.

вдохновение²⁰. Писатели, художники, музыканты, танцоры и актеры, - все стараются наладить связь с необычным ментальным или физическим окружением в поисках вдохновения. Различные художественные стили, отвечающие условиям эпохи – не просто мода, или способы породить, улавливать или интерпретировать художественное произведение, но, скорее, способы «располагать себя», чтобы получать и давать сенсорные толчки.

Это особое «расположение духа» модулирует индивидуальную или коллективную чувствительность, и потому, является до-диалогической формой²¹, позволяющей нам устанавливать эстетическую коммуникацию.

Мы находим широкое поле вдохновения в Мистике. Мы должны указать, что когда мы говорим о «мистике» в целом, мы рассматриваем психические явления «опыта священного» на его различной глубине и в разных выражениях. Существует обширная литература, которая рассказывает о снах²², видениях в полусне²³ и интуиции в состоянии бодрствования²⁴ у тех людей, кто является ориентирами для религий, сект и мистических групп. Существуют многочисленные аномальные состояния. А также *экстраординарные случаи опыта священного, которые могут быть классифицированы как: «Экстаз», т.е. ментальные состояния, в которых субъект становится поглощенным, ослепленным внутри себя, как бы «приостановленным»; «Восторг», который выражается неконтролируемым движением и эмоциональным возбуждением, когда субъекты чувствуют себя «перенесенными», выносимыми из себя к другим ментальным пейзажам, к другим временам и пространствам; и, наконец, как «Осознание», в котором субъекты вдруг чувствуют, что они постигают все одновременно.* В этом пункте мы рассматриваем вдохновенное сознание применительно к священному опыту, которое варьирует между различными модальностями перед этим необыкновенным явлением. Хотя иногда, эти ментальные операции были отнесены даже к восторгу поэта или музыканта, случаям, где «священное» может и не присутствовать.

Мы отметили структуры сознания, которые мы назвали «вдохновенное сознание», и мы указали на его присутствие в широких сферах философии, науки, искусства и мистики. Но вдохновенное сознание часто проявляется и в повседневной жизни, в интуиции, озарениях в состоянии бодрствования, полусне и парадоксальном сне. Предчувствие, влюбленность, внезапное постижение сложных ситуаций и мгновенные решения проблем, которые волновали субъект на протяжении длительного времени, являются примерами вдохновения в повседневной жизни. Эти случаи не являются гарантией корректности, правдивости или совпадения явления с соответствующим объектом, но регистры «убежденности», сопровождающие их, имеют огромное значение.

• **Случайные феномены и желанные феномены**

Сознание может структурировать само себя в различных формах, изменяясь под действием специфического стимула (внутреннего или внешнего), или под действием комплексных ситуаций, которые работают невольно, случайным образом. Сознание становится «взятым»²⁵ в ситуациях, где способность к реверсивности и самокритике практически аннулируются. В случае, касающемся нас, «вдохновение» вторгается в работу механизмов и уровней, иногда действующие менее очевидным

20 Книгу «О духовном в искусстве» Кандинский написал еще в 1910 году в Мюнхене на немецком языке.

Русские художники ознакомились с этой книгой в изложении Н. И. Кульбина в 1911 году. Доклад позже был опубликован в российской печати. Сама же книга «О духовном в искусстве» была издана на русском в 1967 году в Нью-Йорке Международным литературным сотрудничеством.

21 Лекция «Об условиях диалога», представленная в Президиуме Российской академии наук в Москве в 1993 г.- Conference "On the Conditions of Dialogue", Moscow 1993. "Silo speaks", Silo. Collected Works. Vol. 1. USA, Latitude Press 2002.

22 *IV Бригадараньяка Упанишад*: «Когда человеческий дух возвращается к отдыху, он сохраняет в себе материалы мира, в котором содержатся все вещи, и таким образом создает и уничтожает свою собственную славу и сияние, так, что дух сияет своим собственным светом».

23 *Библия*, Даниел X:7, новая восстановленная стандартная версия: «Я, Даниел, один узрел видение; люди, которые были со мной, не видели видения, хотя великая дрожь пала на них, и они бежали, и прятались».

24 *Авеста, Гата. Ясна XLV, 2-3*: «Я объявлю это первое учение Миру. Это учение, которое Всеведущий Ахура Mazda открыл мне. Я скажу о двух первых Духа Мира, из которых добродетельный так сказал сеющему злу: нет ничего, в чем наши мысли, заповеди, наш разум, наши верования, наша работа, наше сознание или наши души будут согласны между собой».

25 Понимая «взятое сознание» как не управляемое или контролируемое субъектом сознание.

образом, как «фон» сознания.

Далее, тоска, тошнота, омерзение и другие конфигурации сознания могут появиться внезапно или устанавливаться как более или менее продолжительный ментальный фон. Например, когда "я" случайно перевернул камень и увидел копошащуюся массу маленьких насекомых, которые могут наброситься на меня или ужалить меня в руку, я переживаю внезапное сильное чувство отвращения по отношению к этой бесформенной жизни, атакующей меня. Я также регистрирую глухое отвращение, когда я ощущаю нечто неприятно липкое, влажное и теплое, продвигающееся ко мне. Но эта мгновенная реакция включает и моторный рефлекторный ответ на опасность, и висцеральное отвращение, которое может завершиться рефлексом тошноты, рвоты, усиленного слюноотделения и экстраординарным регистром, что расстояние между мною и объектом, либо между мною и отвращающей ситуацией, «сократилось». Это сокращение пространства в представлении относит объект к типу существования, который позволяет ему «прикоснуться ко мне» или «проникнуть внутрь меня», провоцируя рвоту как ритуальное изгнание из моего интралела. «Сокращение», о котором идет речь, является столь же нереальным, сколь и соответствующая рефлекторная рвота. Следовательно, отношения между отвращающим объектом и рвотной реакцией приобретают свои собственные характеристики, которые находятся вне вовлеченных реальных объектов. Они превращаются в ритуал, в котором акт и объект формируют особенную структуру – структуру отвращения. Эта случайная конфигурация сознания также имеет место, когда случается столкновение с морально или эстетически отвратительным объектом, как в случае романа, поражающего искусственными остроумием, игрой слов и тепловатой, «сахаринной» сентиментальностью. Все это завершается пробуждением во мне висцеральной защиты, которая отводит глубокое «вторжение» в мое тело. Эти структуры сознания подвергают риску мою целостность, влияя не только на ум, эмоции и моторные реакции, но и на целый организм.

Считаю своевременным сделать в этом пункте маленькое отступление. Можно предполагать проявление продвинутых конфигураций сознания, в которых все виды насилия провоцируют отвращение с соответствующими соматическими корреляциями. Установление в обществе подобных структур ненасильственного сознания явится значительным культурным завоеванием. Речь идет не только об идеях и эмоциях, сопротивляющихся насилию, которые в современном обществе лишь слабо обозначаются. Мы говорим о полноценных структурах сознания, ставших частью психосоматического и психосоциального фактора человеческого существования.

Возвращаясь в наше русло. Мы различили структуры сознания, которые формируются случайным образом, но также наблюдаем, что случаются конфигурации, отвечающие намерениям тех, кто «настраивал» себя в определенную ментальную установку для того, чтобы заставить феномен возникнуть. Конечно, как и желание художественного вдохновения или желание полюбить, такие вещи функционируют временами, а временами они не происходят. Вдохновенное сознание или, еще лучше, сознание, подготовленное к достижению озарения, появляется, на разных и убедительных примерах, в философии, науке, искусстве и также в каждодневной жизни. Тем не менее, поиск вдохновения в мистике дал начало психологическим практикам и системам, которые имели и продолжают обладать неравноценным уровнем развития.

Мы различаем техники «транса»²⁶ как принадлежащие археологии мистического озарения. Поэтому мы обнаруживаем транс в большей части древних форм магии и религии. Люди полагались на снадобья, напитки от более или менее токсических растений²⁷ и испарений с сильным запахом, чтобы достичь его²⁸. Другие техники, которые более развиты в смысле предоставления субъекту возможности контролировать и достигать прогресса в своем мистическом опыте, совершенствовались длительное время. Ритуальные танцы, без конца повторяющиеся церемонии, посты, молитвы, медитативные упражнения, прошли значительную эволюцию.

26 В классической психологии «транс» понимается как «состояние диссоциации сознания, характеризующееся временной приостановкой всех волевых движений и существованием определенной автоматической активности». Перевод статьи из *Diccionario Enciclopédico de la Psique*. B.Szekely. Ed. Claridad. Buenos Aires 1975.

27 Сомы (для индусов) и Хаома (для иранцев) представляют собой наиболее древний опьяняющий напиток. В Ведических гимнах, 730 (2), мы читаем: «Ты - певец, ты - поэт, ты - сладкий сок, рожденный растением. В упоении, ты – даритель всех благ».

28 В Дельфах служительница Аполлона (Пифия) сидела на треноге, расположенной у трещины на скале, из которой поднимались опьяняющие пары, и она начинала произносить несвязные слова. В предшествующие дни Пифия ничего не ела и жевала лавровые листья.

- **Перемещение "я". Приостановка "я".**

Сивилла в Кумах, не желая попасть под страшное действие озарения, корчится и кричит: «Он уже идет, бог уже идет!» И почти без усилий бог Аполлон сходит из своего священного леса в глубокую пещеру, где он вселяется в пророчицу²⁹. В этом случае, как и в других культурах, вхождение в транс происходит путем интернализации "я" и эмоциональной экзальтации, в которой сопresents образ бога, силы или духа, вытесняющий и замещающий личность человека. В случаях транса, субъект отдается властью вдохновения, позволяющего ему понимать реальность, и проявить силы, недоступные в повседневной жизни³⁰.

Тем не менее, мы часто читаем, как субъект сопротивляется и даже сражается с духом или богом, пытаясь сопротивляться восторгу в конвульсиях, которые заставляют вспомнить эпилепсию; но все является частью ритуала, который утверждает власть существа, покоряющего нормальную волю.³¹

В центральной Америке гаитянский культ вуду³² позволяет нам понять техники транса, реализующегося через танцы, поддержанные употреблением бурды ядовитой рыбы³³. В Бразилии, Макумба³⁴ иллюстрирует другие варианты мистического транса, достигаемого путем танцев с использованием алкогольных напитков и табака.

Не все виды транса настолько яркие, как упомянутые выше. Некоторые индийские техники на основе «янтр», позволяют человеку достигать транса через интериоризацию последовательно уменьшающихся треугольников, которые выстраивают сложную геометрическую фигуру, заканчивающуюся иногда в центральной точке. Также в техниках, использующих «мантры», субъект погружается все глубже, пока не достигает глубокой задумчивости, повторяя основной звук. Многие западные практикующие не достигают успеха, используя визуальное и слуховое созерцание, т.к. они эмоционально не подготовлены, и ограничиваются повторением фигур или звуков без достаточной эмоциональной или религиозной силы, требующейся для сенестетического представления, сопровождающего сужение внимания. Эти упражнения повторяются много раз как необходимые до того, как практикующие переживут опыт перемещения личностей и получат полноценный опыт вдохновения.

Перемещение "я" и его замещение другими сущностями может быть верифицировано культурами, упоминавшихся ранее, как и в современных течениях эспиритистов. В этом случае, «медиум» в трансе захватывается спиритуальной сущностью, которая заменяет привычную индивидуальность. Нечто аналогичное происходит в гипнотическом трансе, когда субъект глубоко интериоризует предложения оператора, помещая представление голоса в «месте», обычно занятом привычным "я". Конечно, чтобы быть «взятым» оператором, субъект должен обладать восприимчивым состоянием «веры» и без всяких сомнений следовать полученным инструкциям³⁵. Этот пункт показывает нам

29 Фантастическое описание Вергилием истории Кумы, несомненно, полагается достаточной информации о процедуре, использовавшей сивиллами на протяжении греческой и римской истории. В Книге 4 Энеиды сивилла говорит: «Он здесь! Бог здесь!» и в то время, когда она произносит эти слова у входа в пещеру, ее лицо меняется и бледнеет. Она рвет свои волосы, задыхающаяся или бездыханная, ее грудь вздымается, полная священного ужаса. Она кажется выше, ее голос не отдается эхом, как голоса других смертных, когда присутствие бога приближается».

30 *Шаманизм: архаические техники экстаза*, М.Элиаде. К.: «София», 2000. Среди других вопросов, автор исследует отдельные формы транса шаманов в Центральной и Северной Азии; в Тибете и Китае, у древних индо-европейцев, в Северной и Южной Америке, в Юго-Восточной Азии и Океании.

31 Древние называли эпилепсию «священной болезнью». В судорогах этой болезни, они верили, что видели борьбу, в которой субъекты защищали самих себя от изменений, которые происходили с ними. Боги предупреждали о своем прибытии через «ауру», которую они посылали опережающим образом. Предполагалось, что после «приступа» субъект остается вдохновленным, чтобы делать предсказания. Не напрасно утверждалось, что Александр Македонский, Цезарь и даже Наполеон страдали от «священной болезни», т.е., все-таки были людьми сражения.

32 Начавшийся в Того и Бенине.

33 *De la mort a la vie: essai sur le phenomène de la zombification en Haiti* R. Toussaint. Ed. Ife. Ontario, 1993.

34 Происходящем от народа Йоруба в Того, Бенине и Нигерии, но также объединяющей влияния из Сенегала и Западной Африки в целом.

35 Ясно, что от «животного магнетизма» Месмера и Puesegur'a вплоть до современного гипноза, который начался с Дж. Брайда, удалось освободить это явление от много второстепенных элементов.

важную характеристику сознания. Мы говорим, что, реализуя внимательные бодрствующие операции, появляются грезы, которые временами незаметны, а иногда завершаются изменением направления ментальных актов, которые выполняются. Поле соприсутствия действует непрерывно, даже тогда, когда представленные объекты, попадают в фокус внимания сознания. Большое количество автоматических актов, выполняемых в состоянии бодрствования, демонстрируют способность сознания проводить различные работы одновременно. Конечно, диссоциация может достичь патологической степени, но она также может заявить себе с силой почти во всех феноменах вдохновенного сознания. С другой стороны, перемещение "я" может быть не полным в духовном трансе или гипнозе. Это подтверждается в случае «автоматического написания», которое выполняется без запинки, несмотря на то, что внимание субъекта сфокусировано на разговоре или других видах деятельности. Часто мы обнаруживаем эту диссоциацию в «криптографии», когда рука рисует, пока субъект полностью увлечен телефонным разговором.

Продвигаясь по направлению к глубокой задумчивости, мы дойдем до таких случаев, когда автоматизмы оставлены позади и речь уже не идет о перемещении и замещении "я". Под рукою у нас есть примеры, подсказанные практикой «молитвы сердца», выполняемой православными монахами на горе Афон³⁶.

Рекомендации, данные Эвагрию Понтико³⁷ оказались наиболее адекватными для того, чтобы избежать представлений (по меньшей мере, исходящих от внешних чувств): «Не воображай божества в себе, когда молишься, а также не давай твоему уму принять выражения любой формы; сохрани нематериальность, и ты поймешь». В общих чертах, молитва действует таким образом. Практикующийся в молчаливом уединении концентрируется на сердце, берет короткую фразу и аккуратно вбирает ее вместе с воздухом, до самого сердца. Когда заканчивается вдох, оказывает некоторое «давление» так, что она проникала бы еще глубже. Позже воздух выдыхается очень плавно, не теряя внимания на сердце. Монахи повторяли эту практику много раз в день, пока не появлялись некоторые признаки прогресса, такие как «освещение» (пространства репрезентации). Для большей точности, нужно признать переход через состояние транса в некоторые моменты повторения этих молитв. Отрывок о трансе не сильно отличается от производимого с янтрами и мантрами, но, поскольку в практике «молитвы сердца» нет намерения быть «взятым» сущностями, которые заменяли бы чью-то индивидуальность, скорее практикующийся сумеет преодолеть состояние транса и все-таки «приостановить» деятельности своего "я".

В этом смысле в практиках йоги человек может проходить через различные типы и уровни транса, но мы должны помнить о том, что Патанджали³⁸ говорит в Книге 1, Сутре 2 : «Йог стремится к освобождению от пертурбаций ума». Эта система практик направлена к преодолению привычного "я", транса и диссоциации. В продолжающейся глубокой задумчивости, состоянии полного бодрствования и вне всякого транса, производится «приостановку» "я", о которой мы имеем удовлетворительные показатели. Очевидно, что даже с начала своей практики субъект ориентирован в направлении исчезновения «шумов» сознания, приглушая внешние восприятия, представления, запоминания и ожидания. Некоторые практики йоги и позволяют уму быть успокоенным и расположить "я" в положении приостановки на короткий период³⁹.

• **Вход в глубинные уровни**

Несомненно, что замена "я" силой, духом, богом или индивидуальностью колдуна или гипнотиста, часто имела место в истории. Как мы уже видели, приостановки "я" избегая всякой замены, как в некоторых направлениях йоги и продвинутых мистических практиках, также нечто известное, хотя и не настолько встречающееся.

Итак, если кто-то мог бы приостановить и затем заставить "я" исчезнуть, он потерял бы структурный

36 Традиция «молитвы сердца» началась в 14 веке на горе Афон в Греции (в лоне православного христианства - прим. пер.). Она распространилась с публикацией в 1782 г. *Филокалии* греческого монаха Никодима Агиорита, которая была опубликована на русском несколько позже Паисием Величковским.

37 Евагрий Понтийский, один из «отцов-пустынников» написал апофегмы в 4 веке. Он рассматривается среди предшественников практик горы Афон.

38 *Йога-сутра*, собранная Патанджали в 2 веке, является первой книгой Йоги. В ней сохранились несокращенными 195 коротких и мастерских предложений.

39 М. Элиаде. *Técnicas del Yoga*; Kairos, 2000. И также: *Йога: бессмертие и свобода* - СПб, Лань, 2000.

контроль над темпоральностью и пространственностью своих ментальных процессов. Он будет находиться в ситуации, предшествующей той, детской, в которой человек учился делать свои первые шаги. Он будет неспособен связывать и координировать механизмы сознания, обращаться к памяти, общаться с миром, учиться. Мы будем в присутствии не просто диссоциированного в некоторых аспектах "я", как происходит в определенных психических заболеваниях, а скорее мы будем наблюдать человека в состоянии, близким к вегетативному сну. Отсюда следует, что понятия «отмены "я"» или «отмены эго» в повседневной жизни не являются возможными. Тем не менее, возможно достичь ментальной ситуации отмены "я" не в каждодневной жизни, но в определенных условиях, которые начинаются с момента приостановки "я".

Вход в глубинные состояния происходит из момента приостановки "я". Начиная с этой приостановки, проявляются значимые регистры «сияющего сознания» и постижения собственных ментальных ограничений, что также немаловажно. Существуют некоторые условия, которых невозможно избежать в этом переходе: 1. Практикующий должен четко определить свое Намерение – чего он хочет достичь в качестве конечной цели своей работы; 2. Располагать достаточной психологической энергии для установления своего внимания адсорбированным и концентрированным на приостановке "я"; и 3. Непрерывно продолжать углубление состояния приостановки до тех пор, пока темпоральные и пространственные ориентиры не исчезнут.

В отношении Намерения, необходимо рассмотреть его как направление всего процесса, но в то же время, стараясь не ставить его в фокусе внимания. Мы говорим, что Намерение должно быть «зарегистрировано» с достаточной эмоциональной нагрузкой так, чтобы оно могло оперировать сопричастно в то время, как внимание занято приостановкой "я" и на последующих ступенях. Эта подготовка обуславливает всю последующую работу. Что касается психофизической энергии, необходимой для установления внимания на интересующем уровне концентрации, главный импульс исходит от интереса, составляющего частью Намерения. Замечая нехватку потенции и постоянства в работе, человеку необходимо пересмотреть свою подготовку в отношении к Намерению. То, что нужно – это сознание, очищенное от усталости и с определенной минимальной тренировкой на сведение фокуса внимания в единый объект. Продолжать углубление приостановки, пока не будет достигнут регистра «пустоты», значит, что ничто не должно появляться как представление или как регистр внутренних чувств. Нет и быть не может регистра такой ментальной ситуации. А возвращение в ментальную ситуацию приостановки и, в конце концов, в привычное состояние бодрствования происходит из-за проявления импульсов, сообщающих о положении тела и физических неудобствах.

Мы не можем сказать что-либо по поводу этой «пустоты». Открытие вдохновляющих значений, глубоких смыслов, которые находятся за механизмами и конфигурациями сознания, осуществляется моим "я", когда оно возвращается к своей работе в обычном состоянии бодрствования. Мы говорим о «переводах» глубоких импульсов, прибывающих из моего интратора во время глубокого сна, или импульсов, которые появляются в моем сознании через определенный вид восприятия, отличающегося от обычного, в момент «возвращения» к нормальному бодрствованию. Ничего мы не можем говорить о том мире, потому что у нас нет регистров во время отсутствия "я". Мы располагаем всего лишь «припоминаниями» того мира, как показывают нам мифы, написанные Платоном в своих трудах.